

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ПУТИ К МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ

№ 2(43) 2012 ноябрь

**Москва
ИМЭМО РАН**

УДК 327.36 → 172.4
ББК 66.4 (0)
Пути 901

Научно-аналитический бюллетень подготовлен Группой по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Журнал основан в 1987 г.

ISSN 0869-9458

Учредитель: Институт мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук

Ответственный редактор: Л.Г.Истягин

Редакционная коллегия

д.и.н. Л.Г.Истягин, д.полит.н. Е.А.Степанова,
д.полит.н. А.В.Фролов, к.э.н. Ю.В.Андреев, к.и.н. Н.И.Косолапов;
отв. секретарь Л.И.Тулупова

Адрес редакции: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23
Тел.: (499) 128-93-89; (499) 128-89-87
e-mail: tulupova@imemo.ru

Издается на полиграфической базе ИМЭМО РАН:
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

© ИМЭМО РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
------------------	---

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ

Кризисы и конфликты

Степанова Е.А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России.....	7
Владимиров В.И. Об актуальных подходах к обеспечению стратегической безопасности на постсоветском пространстве.....	26
Минасян С. Концептуальные аспекты конвенционального сдерживания (на примере Карабахской проблемы).....	46
Прохоренко И.Л. Баскский конфликт: конец насилию?.....	60
Ландабасо-Ангуло А.И. Баскский феномен.....	73

Контроль над вооружениями и разоружение

Целицкий С.В. Ядерная перестройка Альбиона.....	83
Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н. Резоны здравого смысла.....	97

СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ, КОММЕНТАРИИ

Фролов А.В. Как ограничить военный экспорт?	108
Андреев Ю.В. Потребность момента – новая конверсия?	112
Андреев Ю.В. Киевский ракурс	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андреев Ю.В. Балканские перепутья.....	118
Фролов А.В. Тихоокеанская сцена международной безопасности.....	120

О КНИГАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ

Степанова Е.А. Чужие войны уходящей эпохи.....	126
Истягин Л.Г. Центральная Азия под угрозой.....	130
Гиголаев Г.Е. Обреченные на конфронтацию?.....	132
Соловьева Р.Г. Обыкновенный терроризм.....	136
Истягин Л.Г. Дилеммы общественной активности и институциональной напряженности.....	140
Истягин Л.Г. К миссии всемирного медиатора.....	141
Тулупова Л.И. Великая постсоветская миграция.....	143
Истягин Л.Г. С позиций созидательного альтруизма.....	146
Сведения об авторах.....	148
Contents in English.....	149

ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы второго в этом году выпуска информационно-аналитического бюллетеня «Пути к миру и безопасности» в основном ориентированы на анализ перемен, происходящих в тенденциях развития конфликтного потенциала и регулирования конфликтов на Ближнем Востоке, постсоветском пространстве и в Европе, а также под воздействием экономического кризиса, который приобрел глобальные масштабы и все еще не достиг, вопреки всем прогнозам, своего конечного «дна».

В статье **Е.А.Степановой**, которая посвящена внутренним и международным аспектам процесса перерастания конфликта в Сирии в кровопролитную гражданскую войну, подчеркивается, что дисгармонизм внешних факторов лишь усилил решающее действие внутренних противоречий, особенно опасных своим выходом в конфессиональную плоскость.

На постсоветском пространстве сегодня, помимо взрывного Кавказа, возрастает угроза нестабильности в Центральной Азии, как в силу внутренних причин, так и в результате влияния внешних факторов, особенно в свете вывода сил НАТО из Афганистана и роста интереса США и их союзников к Центральной Азии. Как полагает **В.И.Владимиров**, такая перспектива ставит серьезные задачи перед структурами безопасности СНГ, особенно в связи с выпадением из ОДКБ в какой-то степени ключевого в геополитическом плане звена – Узбекистана. Автор полагает, что роль цементирующего средства в данном случае должна играть интенсификация экономической интеграции, при разносторонней активизации роли лидера Сообщества – России. В пользу весомости авторской аргументации говорит конкретная действительность, в том числе обстановка в конфликтных и «горячих» зонах.

В статье армянского коллеги **С.Минасяна** справедливо указывается на эффективность средств сдерживания в карабахском вопросе. По мнению автора, вполне убедителен и статусный опыт Абхазии и Южной Осетии: уже в течение четырех лет здесь не убивают людей, в то время как в периоды «территориального единства» мирные люди гибли систематически. Очень возможно, что на экспертном уровне столь же взвешенно следовало бы в дальнейшем рассмотреть возможность сходных вариантов и в зонах иных «замороженных конфликтов», например, в Приднестровье.

Кризисные процессы, в том числе с использованием вооруженного насилия, не обходят и западные страны развитой демократии. Внутренние коллизии, особенно на почве оживления радикализма и экстремизма, дают себе чувствовать и здесь. Многие эксперты полагали, что евроинтеграция поможет преодолеть, в частности, этнополитические конфликты и терроризм. В этом есть некоторые сомнения. Возможно, ЕС заслуженно получил свою Нобелевскую премию мира – в эпоху своего основания он в самом деле содействовал сплочению народов, разрешения вековых конфликтов. Но в последние годы отчетливо наблюдается усиление центробежных тенденций. Они, правда, носят по преимуществу мирный характер, но уже далеко не всегда. В этом контексте первостепенная задача для исследователя – выявить, где и почему эти процессы носят сравнительно не опасный, мирный характер, а где роковая грань уже

близка или даже пройдена. В данном номере особое внимание уделено примеру и проблеме испанских басков, в том числе ультрарадикальным сепаратисткам. Эта проблема по-разному оценивается двумя привлеченными исследователями – **И.Л.Прохоренко** и **А.Ландобасо** – с точки зрения перспектив применения насильственных средств.

Феномен преобладания внутренних социально-политических конфликтов не позволяет, однако, игнорировать и более традиционные аспекты и факторы безопасности – в том числе в области вооружений и контроля над ними. Можно приветствовать попытку Великобритании сэкономить на ракетно-ядерных вооружениях. Но, как показано в исследовании **С.В.Целицкого**, тут важен баланс подхода: сокращение военных средств в одном узле западной коалиции может компенсироваться наращиванием его в другом или других узлах, как это и происходит в рамках США–НАТО. С другой стороны, как справедливо отмечается в материале **С.Ю.Казеннова** и **В.Н.Кумачева**, вовсе не всегда опрометчивый шаг одной стороны должен провоцировать аналогичный ответный шаг другой стороны. Это относится и к области противоракетной обороны, где ряд тенденций в сфере ограничения вооружений может, согласно прогнозу авторов, лишить эту проблему многих источников озабоченности, прежде всего, для России.

Наконец, современная глобальная обстановка диктует потребность в снижении военной угрозы и необходимость обеспечения общечеловеческой безопасности в более широком смысле, понимаемой как безопасность человека и общества. Этот императив проведен через все материалы издания, в том числе через конкретно-информативные «малые жанры».

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ И ПОЛИТИКА РОССИИ

15 июля 2012 г. Международный комитет Красного Креста классифицировал вооруженный конфликт в Сирии как «гражданскую войну», предупредив о растущих людских потерях, особенно со стороны гражданского населения. Отпор, который правительственные силы дали скоординированной наступательной операции повстанцев, впервые вышедшей за пределы периферийных районов и затронувшей основные центры страны – гг. Дамаск и Алеппо, был наиболее жестким с начала конфликта. Однако он не имел решающего значения, встретил ожесточенное сопротивление и перерос в затяжную кампанию, в ходе которой правительству пока не удалось полностью восстановить полный контроль за Алеппо и предотвратить вылазки повстанцев и теракты в Дамаске. В конце 2012 г., по мере расширения ареала вооруженного насилия и обретение им все более ожесточенного и межобщинного (сектарного) характера, конфликт все более приобретает черты тотальной войны за выживание, особенно для правящего режима и лояльных ему сегментов населения – и, прежде всего, для алавитской общины.

На фоне обострения внутрисирийского противостояния все более очевидным становится растущий разрыв между его внутренней динамикой и международными аспектами, особенно внешними усилиями по регулированию конфликта. Эти усилия, в свою очередь, упираются в базовое противоречие между, с одной стороны, бурной политической риторикой ведущих международных игроков по сирийской проблеме и их амбициями в отношении ситуации в Сирии – и, с другой стороны, фактическим нежеланием или отсутствием у них возможностей оказать какое-либо решающее влияние на ход конфликта и выйти за рамки выжидательной позиции. Несмотря на международные разногласия по сирийской проблеме, это противоречие в равной степени характерно как для позиции США, стран Европейского Союза (ЕС) и Лиги арабских государств (ЛАГ), так и для их основных оппонентов в этом вопросе – России и Китая.

Попытки договориться о прекращении огня в Сирии, предпринимавшиеся с середины весны по середину лета 2012 г. в рамках так называемого плана Аннана под эгидой ООН, потерпели неудачу – в том числе потому, что этот план был компромиссом, в первую очередь, между основными внешними игроками, а не между сторонами конфликта. В итоге «план Аннана» фактически свелся к попытке выиграть время в отсутствие как реальных политических рычагов воздействия на противоборствующие стороны, так и готовности к внешнему военному вмешательству. Еще более ярким примером такого «выжидательного» подхода стало непродление истекшего 19 августа 2012 г. мандата небольшой, хотя и довольно активной, наблюдательной миссии ООН в Сирии. На смену ей пришла странная комбинация: сокращенное до минимума, чисто символическое

присутствие ООН в Сирии вкупе с важным назначением новым спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии главного в мире авторитета по теории и практике постконфликтного «восстановления мира» (*“peacebuilding”*) – алжирца Лахдара Брахими.

Несмотря на то, что роль международного сообщества в сирийском кризисе остается в центре международных дискуссий по Сирии и внимания СМИ, на деле внешний контекст пока перекрывается внутренней динамикой конфликта и вторичен по отношению к ней. Высока вероятность того, что именно внутренняя составляющая сирийского конфликта определит характер и временные рамки международного вмешательства, а не наоборот.

I. Внутреннее измерение сирийского конфликта

В том, что касается гражданской войны в Сирии, приоритетное внимание в западных и российских СМИ, а также в официальных кругах и со стороны близких к ним экспертов отдается вопросу о роли международного сообщества в регулировании этого конфликта и формах международного вмешательства. При этом наблюдается тенденция к переоценке имеющихся у ведущих внерегиональных игроков, возможностей воздействия на конфликтующие стороны. В России также особенно склонны преувеличивать желание и готовность США и их союзников напрямую вмешаться в ход конфликта. Кроме того, гражданскую войну в Сирии нередко пытаются свести чуть ли не исключительно к противоречиям между региональными державами – прежде всего, между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива – и трениями между суннитами и шиитами в региональном масштабе.

Выпячивание международного аспекта проблемы, к сожалению, происходит за счет недостаточного внимания к внутренней динамике сирийского конфликта. Между тем никакие внешние, в том числе региональные, факторы не могут объяснить, почему внутренний вооруженный конфликт в Сирии приобрел столь ожесточенный характер и затягивается. Сирийский режим – это последний оставшийся после «арабской весны» республиканский режим на Ближнем Востоке, имеющий миноритарный характер (т. е. такой, при котором правящая группировка представляет одно из меньшинств, в данном случае конфессиональное). Этот режим столкнулся с самым серьезным кризисом за весь период своего правления – сочетанием широкого протестного движения и элементов народного восстания с более организованным, хотя и все еще достаточно разрозненным, повстанческим движением. Светский режим баасистов-алавитов в Сирии имеет исторический опыт успешного подавления очагов исламистской оппозиции, причем крайне жесткими методами, и десятилетиями готовился к противостоянию любым внутренним (и внешним) оппонентам. Но сирийские власти, как и все остальные режимы в регионе, оказались не готовыми к широкому процессу социально-политической трансформации, получившему условное название «арабской весны». За короткое время этот процесс превратил Ближний Восток (за исключением Персидского залива) из заповедника светских авторитарных режимов в регион, где в условиях перехода к более представительным политическим системам на первый план выходят массовые движения

политического ислама.

Эпоха миноритарных республиканских автократических режимов на Ближнем Востоке подходит к концу. Тем не менее, переходный процесс в каждой из стран региона, в наибольшей степени затронутых этими изменениями (Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, Сирии) имеет существенные особенности. Именно внутрисирийская специфика объясняет, почему, в отличие от быстрой и в целом ненасильственной дезинтеграции режимов З.А.Бен-Али в Тунисе и Х.Мубарака в Египте под давлением внутренних сил или падения режима М.Каддафи в Ливии преимущественно в результате внешней интервенции, рост протестных выступлений в Сирии и реакция на них со стороны режима Б.Асада вылилась в ожесточенную гражданскую войну, которая рискует затянуться.

Несмотря на эскалацию вооруженного сопротивления и постепенное размывание позиций сирийского правительства в политической, социально-экономической и военной сфере, не говоря уже о международной арене, антиправительственные силы изначально были сильно разрозненны. Наиболее явные линии разногласий пролегли между относительно светской оппозицией и исламистами, в том числе радикальными, и между группировками и силами, базирующимися внутри страны и находящимися в эмиграции. Осенью 2012 г. усилились попытки объединить разобщенные отряды вооруженной оппозиции, при политической поддержке США, в том числе с целью предотвратить ее радикализацию по «джихадистскому пути». Так, в октябре было провозглашено создание Координационного комитета, а в ноябре по результатам переговоров в Дохе (Катар) ведущие оппозиционные группировки подписали соглашение о создании Сирийской национальной коалиции. Военный потенциал вооруженной оппозиции постепенно растет, а ареал ее активности расширяется – вплоть до вооруженной борьбы за контроль за вторым по значению в стране городом Алеппо и терактов в столице – Дамаске – и все более регулярных стычках на его окраинах.

Однако такие действия пока в основном провоцируют жесткую и масштабную реакцию со стороны правительственных сил, хотя и посеяли тревогу даже среди лояльного режиму населения относительно способности властей поддерживать базовую безопасность. Вооруженная активность повстанцев (как в виде военных операций, так и в форме терактов) не способна – и в среднесрочной перспективе будет неспособна – существенно изменить асимметричный расклад сил и возможностей противоборствующих сторон, даже несмотря на рост военной и финансовой помощи повстанцам из-за рубежа (прежде всего, со стороны Турции, Катара и Саудовской Аравии, хотя растет и финансово-техническая поддержка со стороны США и западных стран).

Режим Б.Асада обладает рядом специфических ресурсов, которые дают ему возможность как противостоять внутренней вооруженной оппозиции, так и могут продлить его возможность сопротивляться пока сугубо гипотетической внешней интервенции. Так, в сирийских условиях сектарный характер государственно-политической системы – правление в течение четырех последних десятилетий закрытой узкой касты, базирующейся на поддержке алавитского меньшинства – не ускоряет, а оттягивает конец режима. Все более отчетливый конфессиональный характер вооруженного конфликта проявляется не только в радикализации части повстанческого движения и активизации экстремистских

элементов радикально-салафитского толка, но и в параллельной консолидации и усилении «осадного менталитета» алавитского общины. Алавиты сами все больше становятся заложниками ситуации и связывают с режимом уже не просто собственное благополучие, а само свое физическое выживание. Доминирование алавитов в вооруженных силах (которые, в отличие от Египта при Мубараке, в Сирии не играют автономной роли) и их абсолютное преобладание в спецслужбах гарантирует, что, несмотря на некоторое число перебежчиков на сторону оппозиции, ядро государственных структур безопасности останется с режимом до самого конца. С большой вероятностью, оно продолжит ожесточенное сопротивление даже в крайнем случае гипотетической иностранной интервенции по «смене режима», «окопавшись» в уже формирующихся алавитских анклавах. Роль сектарного фактора в сирийском конфликте будет только возрастать, в том числе по мере того, как ослабевают другие рычаги и возможности влияния на ситуацию, ранее доступные режиму Асада – социально-экономическая патронажная система, функциональность государственных институтов, способность властей обеспечить базовые условия жизнедеятельности и безопасности для лояльного к ней населения.¹

Иными словами, внутрисирийский конфликт все более поляризуется, затягивается и принимает все более тяжелые формы. Насилие по линии повстанцы против правительства мутирует в сторону сектарного конфликта и все больше накладывается на территориальную фрагментацию страны. Оно сопровождается распространением феномена «милиций», «полевых отрядов» и «полевых командиров» с обеих сторон, включая автономные проправительственные формирования («*шабиха*»). Растет число жертв среди гражданского населения. Ширятся потоки беженцев в соседние страны и внутренних перемещенных лиц. На фоне снижения дееспособности государственных институтов и их постепенной дезинтеграции, а также резкого ухудшения социально-экономических условий и острого финансового кризиса возникла «экономика войны». Она приобретает все более самодовлеющий характер, сама становясь фактором продолжения вооруженного противостояния. Применение, в частности, внешних экономических санкций к такой экономике, которая все больше ориентирована на продолжение войны, бессмысленно. В целом, динамика конфликта в Сирии все меньше подвержена как давлению, так и стимулам извне. Перспектива какого-либо решающего исхода в ближайшем будущем нереальна. Цена вооруженного противостояния и для той, и для другой стороны высока, но они готовы – и еще долго будут готовы – ее платить. Это делает все более призрачной надежду на возможность внутрисирийского переговорного процесса, шансы для которого на более ранних стадиях сирийского кризиса (в 2011-м – начале 2012 г.) еще существовали.

II. Международное измерение сирийского конфликта

Вопреки расхожему мнению, реальный набор возможностей и рычагов, которыми обладает международное сообщество в сирийском вопросе, в первую очередь определяется отнюдь не разногласиями в Совете безопасности ООН (между коалицией западных государств и стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой стороны). На са-

мом деле, эти возможности определены – и одновременно ограничены – двумя базовыми факторами.

Во-первых, большинство крупных внешних игроков – включая США, их европейских союзников, соседей Сирии по региону (Турцию, Ливан, Ирак и Иорданию), Египет и другие страны ЛАГ не из числа государств Персидского залива, и, в конечном счете, Россию и Китай, предпочли бы нечто среднее между эскалацией гражданской войны в Сирии – и неконтролируемой дезинтеграцией или развалом сирийского государства и общества. Два принципиальных исключения из этого ряда составляют лишь Саудовская Аравия и Иран, которые имеют четкие односторонние предпочтения в сирийском конфликте и предпочли бы, чтобы конфликт разрешился решающей победой одной из сторон «любой ценой». Иран в лице режима Б.Асада рискует потерять своего последнего государственного союзника в регионе (и единственного в арабском мире). В свою очередь, Саудовская Аравия (и другие монархии Персидского залива) выступают за свержение проиранского, в их интерпретации, режима Б.Асада и всячески этому способствуют. Одновременно они пытаются предотвратить или смягчить «угрозу» со стороны реформистского (умеренного) и радикального исламизма собственным монархическим режимам. Решить эту задачу становится все труднее в региональном контексте, где главными тенденциями последнего времени стали демократизация и растущая роль политического ислама, опирающегося на широкую народную поддержку.

За исключением Ирана, с одной стороны, и Саудовской Аравии и Катара, с другой, никто на международной арене категорически не оспаривает необходимости и предпочтительности какого-то более контролируемого переходного варианта в Сирии. В том, что касается ситуации в самой Сирии, основным предметом международных разногласий сейчас является не необходимость переходного политического процесса как таковая (ее под сомнение уже никто не ставит) и даже не судьба самого Асада, а, скорее, форма, содержание и конечные цели переходного процесса. В конечном счете все упирается в то, сохранит ли – и насколько – новое переходное политическое устройство какие-то элементы и институты нынешнего режима, т. е. «асадизма».

Во-вторых, ни одно западное правительство, ни НАТО как блок, несмотря на неоднократное выражение острой озабоченности «страданиями сирийского народа», на самом деле не могут себе позволить еще одну прямую военную интервенцию на Ближнем Востоке (после военной операции в Ливии 2011 г.) в *ближайшем будущем*, даже при поддержке ряда стран региона. В свою очередь, такие государства, как Саудовская Аравия и Катар, хотя и желают внешнего военного вмешательства в Сирии, сами по себе, без поддержки и даже руководящей и направляющей роли США и их западных союзников, такой интервенции не начнут.

Подспудное, но устойчивое нежелание – по крайней мере, на данном этапе – напрямую вмешиваться в ситуацию в Сирии, прежде всего, характерно для администрации США. Практические шаги администрации Барака Обамы в сирийском вопросе говорят о том, что предпочтение явно отдается сценарию относительно контролируемого переходного периода в Сирии. Для США такой переходный период подразумевал бы уход Б.Асада, но никак не полную дезинтеграцию сирийского государства, с учетом ее неизбежного дестабилизацион-

ного эффекта в масштабе региона. Повторим: реальные предпочтения администрации США в практических действиях по сирийской проблеме следует отличать от пафосной риторики госдепа в поддержку демократии и повстанческого движения и «в защиту» гражданского населения в Сирии.

Это не означает, что у США нет интересов в сирийском конфликте или аргументов в пользу отстранения от власти режима Б.Асада, особенно в более широком региональном контексте. Среди таких интересов – ослабление Ирана и потеря им единственного союзника среди государств региона в случае падения режима Асада, а также прекращение сирийской поддержки шиитского движения Хизбулла в Ливане. Тем не менее, несмотря на все эти соображения, администрация Б.Обамы до сих пор явно не желала спешить с военной интервенцией в сирийский конфликт и вообще предпочла бы в Сирии не бесконтрольный развал власти, а контролируемый переходный политический процесс (предполагающий сохранение функциональности хотя бы части государственных институтов). Причин такой сдержанности со стороны США, по крайней мере, три.

Во-первых, это уже упомянутая специфика и внутренняя динамика самого сирийского конфликта: его особо ожесточенный характер, сползание в межобщинный конфликт и все более выраженный сектарный аспект, когда сопротивление режиму постепенно мутирует в противостояние «на смерть» алавитской общине и укрепляет ее собственный «осадный менталитет» (а без примирения суннитов с алавитами не будет и единой Сирии), наличие целого ряда других меньшинств, положение которых становится все более угрожающим, растущая роль радикально-исламистского элемента в рядах оппозиции. Эти и многие другие факторы делают успех любой «молниеносной» интервенции крайне маловероятным и сильно затрудняют любое постконфликтное урегулирование.

Во-вторых, свои ограничения накладывают и внутривнутриполитические соображения, связанные с годом президентских выборов в США. В числе основных внешнеполитических обещаний – и достижений – администрации Обамы были непростые и в какой-то степени мужественные решения о выводе войск США из Ирака (уже практически завершено) и о значительном сокращении американского военного контингента в Афганистане к 2014 г. Иными словами, администрация Обамы взяла курс на свертывание наиболее высокочрезвычайных военных авантюр (особенно актуальный в условиях острого финансово-экономического кризиса) и следующих за ними малоперспективных, если не сказать провальных, экспериментов по «национально-государственному строительству» по западному образцу в малоприспособленных для этого странах (экспериментов, прочно ассоциировавшихся с предшествующей администрацией Дж.Буша-младшего).

Этот курс принципиально не нарушила даже короткая интервенция США, НАТО и ряда арабских стран в Ливии в 2011 г., предпринятая уже в ходе «арабской весны» (к которой, вопреки различным конспирологическим теориям, США оказались явно не готовы). Ограниченное участие США в интервенции в Ливии, приведшей к падению режима М.Каддафи, было в значительной мере продиктовано солидарностью с европейскими союзниками по НАТО (Францией и Великобританией) и основными оставшимися арабскими партнерами (нефтяными монархиями Персидского залива) после потери Соединенными Штатами своего главного арабского союзника за пределами Залива – режима Х.Мубарака в

Египте. В этом смысле роль США в ливийской кампании, среди прочего, должна была продемонстрировать намерение Вашингтона сохранить свои позиции на Ближнем Востоке даже в условиях «арабской весны» и особенно подъема массовых исламистских движений, а также показать готовность, в случае острой необходимости, к военному вмешательству в регионе. Еще одна мотивация американского участие в интервенции в Ливии – это попытка «бросить кость» Саудовской Аравии и другим консервативным арабским союзникам в виде свержения их давнего оппонента – Каддафи – и «успокоить» монархии Персидского залива на предмет готовности США не бросать их на произвол судьбы, в том числе в случае возможных внутривосточных осложнений в этих странах. Хотя военная кампания в Ливии в целом решила эти задачи, неоднозначные последствия ускоренного развала ливийского режима не заставили себя ждать: от выплескивания нестабильности и вооруженного насилия в соседние страны (вплоть до провозглашения на севере Мали «независимого государства Га-зават» радикальными исламистами, усиленными притоком ливийских повстанцев-туарегов и оружия из Ливии) – до отсутствия и по сей день государственного контроля над рядом районов Ливии и радикализации части бывших повстанцев. Последняя отчетливо проявилась в ходе сентябрьских беспорядков 2012 г., когда было атаковано американское консульство в Бенгази и убит посол США в Ливии, причем руками тех «повстанческих» сил, которым США и их союзники ранее оказывали поддержку в борьбе с режимом Каддафи.

На этом фоне администрация Обамы просто не может себе позволить – причем не только в конце своего первого срока и в период президентских выборов, но и после начала второго срока пребывания Б.Обама на посту президента США в результате его победы на выборах ноября 2012 г. – новую прямую военную интервенцию в весьма запутанный и ожесточенный конфликт на стороне оппозиции, в составе которой присутствует радикально-исламистский элемент. Еще меньше энтузиазма у нынешнего руководства США по поводу принятия на себя ответственности за проведение в Сирии очередного разорительного эксперимента по «национально-государственному строительству».

В-третьих, США обеспокоены возможными негативными последствиями в региональном масштабе – как в случае ускоренного или полного развала сирийского государства, так и в том случае, если ключевую или важную роль в пост-асадовском устройстве будут играть радикально-исламистские силы. Несмотря на то, что падение режима Асада в Сирии принесло бы США и их союзникам в регионе (прежде всего, Израилю) и определенные дивиденды на региональном уровне – ослабление позиций Ирана и Хизбуллы – прямые негативные последствия в региональном масштабе имеют все шансы перевесить потенциальные косвенные дивиденды. Среди таких возможных негативных последствий: подъем исламского экстремизма в регионе, включая новый рост влияния транснациональных радикально-исламистских элементов и сетей (несколько отошедших было в тень в эпоху «арабской весны»); ухудшение безопасности Израиля (даже несмотря на ослабление Хизбуллы) и возможность обострения сирийско-израильских отношений, в случае доминирования исламистов в постасадовском правительстве; возобновление внутривосточного конфликта в Ливане, где шиитское движение Хизбулла, потеряв мощного покровителя и желая сохранить свой квази-государственный статус, может ре-

шить «сыграть на опережение» и сознательно пойти на обострение ситуации внутри страны; наконец, угроза потери режимом Асада контроля над запасами химического оружия (возможно, преувеличенная противниками режима, в том числе США). Стоит ли говорить, что положение Израиля – главного союзника США в регионе – еще более сложное: собственно, на данном этапе любой исход ситуации в Сирии будет иметь для Израиля те или иные серьезные негативные последствия.

В целом, перспективы прямого вооруженного вмешательства США (даже совместно с союзниками) в сирийскую гражданскую войну пока остаются весьма проблематичными. Несмотря на то, что в своем выступлении 20 августа 2012 г. Б.Обама не исключил угрозы применения США военной силы против Сирии, отчетливо подразумевалось, что реализация этой угрозы может быть оправдана только в случае какого-либо катастрофического сценария – подобного потере Сирией контроля над химическим оружием.

Весьма ограничены и те рычаги, которыми США и другие западные страны обладают для сколько-нибудь серьезного, а тем более решающего воздействия на ситуацию в Сирии. При этом, вопреки распространенному мнению, особенно в международных СМИ, главными препятствиями для США и Запада в целом в сирийском вопросе являются вовсе не их разногласия по Сирии с Россией и Китаем. В конце концов, даже серия вето, наложенных Россией и Китаем в Совете Безопасности ООН на резолюции по Сирии, всего лишь отказала противникам режима Асада в универсальном мандате на подготовку и проведение очередной операции по «смене режима». Но отсутствие такого универсального мандата со стороны ООН на иностранное вмешательство во внутренний конфликт не беспрецедентно и не специфично для Сирии. В тех случаях, когда правительство США действительно имело четкий интерес и твердое намерение и возможность осуществить вооруженную интервенцию по «смене режима», оно находило способы провести подобную операцию и без мандата Совета Безопасности ООН. Очевидно, что в данном случае дело в другом – в том, что интересам США в сирийском конфликте все еще в большей степени отвечает выжидательная позиция. Для США (как и большинства других ведущих внешних игроков, за исключением Ирана и Саудовской Аравии) такая линия поведения все еще оставляет место надежде – пусть и слабеющей – что в ходе сирийского конфликта произойдут серьезные сдвиги военного или политического свойства, которые создадут более благоприятные условия для международного посредничества или вмешательства, позволив избежать масштабной внешней военной интервенции в разгар ожесточенных внутрисирийских столкновений, принимающих все более выраженный сектарный характер.

В этом контексте периодическое применение Россией и Китаем своего права вето при голосованиях по Сирии (в феврале и июле 2012 г.) в каком-то смысле стало для администрации США идеальным «прикрытием» ее нежелания ускоренными темпами напрямую втягиваться в новую военную авантюру на Ближнем Востоке. Более того, позиция России и Китая в Совбезе ООН дает США возможность «сохранить лицо» и даже получить определенное моральное преимущество, позволяя американским официальным лицам делать смелые заявления в поддержку страдающего и угнетаемого «сирийского народа» и при этом – временно – освобождая США от необходимости подкреплять эти заяв-

ления решительными действиями (а не просто ограниченной технической и разведывательной поддержкой антиасадовских сил). Любое внутривнутриполитическое или международное давление на администрацию Обамы относительно необходимости «что-то срочно предпринять для прекращения насилия в Сирии», нарастающее по мере эскалации конфликта и обострения гуманитарной обстановки в Сирии и на ее границах, нивелируется путем «перевода стрелок» на привычных и политически весьма «удобных» козлов отпущения – Россию и Китай.

III. Политика России в сирийском конфликте

На примере политики России в отношении сирийского кризиса хорошо прослеживаются более общие черты российского внешнеполитического мышления и поведения. Внешняя политика России, в том числе в сирийском вопросе, не сводится лишь к производной неких статичных «причин» или четко определенных «интересов». Для того чтобы понять суть этой политики, ее следует рассматривать как процесс, в центре которого – активность ряда игроков, стимулируемая и движимая различными факторами и условиями, включая как внешние, так и внутривнутриполитические импульсы и ограничения.

Политика России в отношении «арабской весны» до обострения сирийского конфликта

Несмотря на то, что проявившаяся в 2012 г. настойчивость Москвы в сирийском вопросе была воспринята многими, особенно в западных СМИ, как признак «возврата» России в регион, в реальности она вряд ли способна существенным образом изменить или «повернуть вспять» долгосрочную тенденцию к постепенному снижению роли России на Ближнем Востоке, растянувшуюся на два постсоветских десятилетия. Значительный спад внешнеполитической активности и влияния России на Ближнем Востоке во всех трех традиционных ипостасях (военной, экономической и идеологической) в какой-то мере сопровождался и обретением новых экономических интересов и партнеров (включая Турцию и Израиль) и новых интересов и озабоченностей в области политики и безопасности, например, в вопросах противодействия транснациональному терроризму исламистского толка и взаимодействия с силами политического ислама в регионе.

В 2000-е гг. реальное влияние России на Ближнем Востоке в основном сводилось к ее отношениям с Ираном и, в какой-то мере, с Сирией. Роль России в процессе палестино-израильского урегулирования и в Ближневосточном квартете (который, наряду с ней, включает ООН, ЕС и США) практически не выходила за рамки статиста. В целом, присутствие и интересы России в регионе потеряли идеологическую базу и в наибольшей степени сократились в таких арабских странах, как Египет, другие страны арабской Северной Африки (за некоторым исключением Ливии в конце 2000-х гг.) и Йемен. Иными словами, основные события «арабской весны» начала 2010-х гг. пришлись в основном на страны, где Россия не располагала ни значительным влиянием, ни крупными интересами.

Парадокс в том, что сочетание ослабления «старых» позиций времен СССР с рядом «новых», пусть и ограниченных, интересов и возможностей России привело к тому, что Москве – возможно, впервые – удалось занять весьма сбалансированную позицию в регионе. Такая позиция сформировалась вопреки – а, возможно, в какой-то мере даже благодаря – сильно сократившимся прямому вмешательству, присутствию и интересам России на Ближнем и Среднем Востоке и резко контрастировала с политико-идеологическим, экономическим и военным вмешательством и агрессивной политикой США и их западных союзников в регионе (квинтэссенцией которой стали две военные интервенции – в Афганистане и Ираке, закончившиеся бесславным выводом большей части западных войск из этих стран). На этом фоне сдержанная позиция России, ее курс на невмешательство во внутренние дела ближневосточных стран и конфликты в регионе, отсутствие какого-либо идеологического прессинга с ее стороны, вкупе с сохранившейся в регионе памятью о многолетней поддержке арабских стран в советские времена и оставшимся влиянием России в Совете Безопасности ООН, в каком-то смысле даже позитивно сказались на российском имидже на Ближнем Востоке – по крайней мере, до обострения сирийского конфликта в 2012 г. По иронии, именно отсутствие у России значительных стратегических интересов на Ближнем Востоке, а также тот факт, что она является одной из немногих крупных держав, экономика которой не зависит от поставок ближневосточных энергоресурсов, предоставили Москве редкую для крупных внерегиональных игроков возможность занять и соблюдать относительно нейтральную позицию в регионе – между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива, между суннитами и шиитами, между относительно светскими силами (например, Фатх в Палестинской Автономии) и реформистскими исламистами (например, движением Хамас) и даже, до известной степени, между арабским миром и Израилем.

Этот «благожелательный нейтралитет» России на Ближнем Востоке не был сразу нарушен даже когда в регионе стали разворачиваться одна «арабская революция» за другой. Хотя протестная волна в арабском мире застала руководство России – как и (все!) остальные державы – врасплох, Москва сохранила относительно сдержанную и спокойную позицию по отношению к событиям в Тунисе, Египте, Йемене и Бахрейне.

Первую реакцию России на главную «мирную революцию» в регионе – в *Египте* – можно суммировать в двух словах: «замешательство» и «невмешательство». Даже несмотря на пристрастие части российских внешнеполитических кругов к теориям заговора и почти инстинктивную склонность переоценивать способность США влиять на события в Египте, в целом политические последствия египетской революции – и прежде всего, победа на выборах реформистских исламистских сил (движения «братьев-мусульман») – оказали на политику России в регионе, скорее, нейтрально-позитивный, даже отрезвляющий эффект. Эти события стали катализатором нового официального подхода Москвы к силам умеренного (реформистского, или легалистского) исламизма в регионе. Суть этого подхода – в налаживании нормальных рабочих отношений с такими силами, особенно если они пользуются массовой поддержкой населения, в том числе на выборах. Как заявил спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку Михаил Богданов в мае 2012 г. по итогам первого тура новых

президентских выборов в Египте: «Сегодня крупные партии политического ислама пользуются поддержкой миллионов человек. Это реалии и нам надо их учитывать и выстраивать отношения... с теми общественно-политическими силами, которые пользуются поддержкой народа и становятся легальными избранными руководителями той или иной арабской страны».²

Хотя Россия поддержала ограниченные международные санкции против правительства М.Каддафи в Ливии, она, наряду с другими странами БРИК (Бразилией, Индией, Китаем) и ФРГ, предпочла воздержаться в ходе голосования в Совете Безопасности ООН 17 марта 2011 г. по резолюции 1973. Москва продолжала настаивать на том, что эта резолюция давала международным силам мандат лишь на защиту гражданского населения Ливии путем создания бесполетных зон, а не на иностранную интервенцию по смене ливийского режима (которая в итоге состоялась в марте-октябре 2011 г. при участии Великобритании, Франции и США, а позднее также ряда других стран-членов НАТО и арабских союзников из числа стран Персидского залива). Тем не менее, Россия не стала однозначно и в одностороннем порядке поддерживать режим Каддафи – даже несмотря на достаточно серьезные экономические интересы и перспективы в Ливии (в области энергетики, развития транспортной инфраструктуры и поставок вооружений), расширившиеся для России после списания 4,5 млрд. ливийского долга, накопившегося еще со времен СССР.³

Двойственную позицию России по вопросу о судьбе режима Каддафи хорошо иллюстрируют противоречивые заявления российских официальных лиц (например, 11–12 июля 2011 г.), одновременно подчеркивавших, что «Каддафи является... лидером и авторитетом»⁴ и что «в будущей новой Ливии места для Каддафи не будет».⁵ В целом позиция России по ливийскому кризису – в той мере, в какой ее можно обозначить – свелась к попытке нащупать некий средний, промежуточный вариант, избежав как одобрения очередной военной интервенции Запада в третьей стране, так и безусловной поддержки режима Каддафи. Об осмысленности и результатах этой позиции можно спорить. Однако, хотя такая двойственность и не принесла Москве дивидендов (например, учета российских экономических интересов в Ливии после свержения режима Каддафи), она, по крайней мере, позволила России «сохранить лицо» и избежать каких-либо крупных внешнеполитических провалов.

Таким образом, политика России в регионе в эпоху «арабских революций» вплоть до начала 2012 г. оставалась достаточно сдержанной и прагматичной – даже несмотря на разногласия по Ливии со странами НАТО (поддержанными государствами Персидского залива). Лишь с обострением внутреннего конфликта в Сирии и его переходом в фазу вооруженного противостояния Россия вышла на авансцену международной политики на Ближнем Востоке.

Эволюция политики России по сирийской проблеме

В отличие от предыдущих массовых протестных движений в странах Ближнего Востока и даже от интернационализованного вооруженного конфликта в Ливии, по мере обострения ситуации в Сирии в начале 2012 г. Россия полностью и однозначно поддержала сирийское правительство на всех уровнях, включая СБ ООН. Почему Россия выступила в качестве одного из основ-

ных внешних «покровителей» – и главным внерегиональным союзником – сирийского режима? Что в случае с Сирией внезапно выдвинуло Россию в центр международной и ближневосточной политики?

Как в России, так и за рубежом наиболее распространены несколько объяснений повышенной активности Москвы в отношении кризиса в Сирии. Первое распространенное объяснение построено на тезисе о наличии у России неких особо важных стратегических интересов в Сирии. Второе упирает на то, что необходимость реагировать на обостряющийся кризис в Сирии совпала по времени с бурным периодом в российской внутренней политике между парламентскими выборами в декабре 2011 г. и президентскими выборами в апреле 2012 г. Согласно третьему объяснению, решающую роль в позиции Москвы по Сирии сыграл эффект западной интервенции в Ливии. В частности, политика России в сирийском вопросе отразила растущую озабоченность Москвы тенденцией к выходу западных стран (а в данном случае, и стран Персидского залива) далеко за рамки соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, нацеленностью этих стран на смену правящих режимов и угрозой региональной дестабилизации в результате развала государственной власти (чему пример ситуация в странах – южных соседях Ливии).

Хотя эти факторы имеют определенное значение, они все же ни по отдельности, ни вместе взятые не дают исчерпывающего объяснения политики России в сирийском вопросе.

Удивительно наблюдать, насколько многие западные и ближневосточные аналитики,⁶ в тон российским ура-патриотам, склонны преувеличивать стратегические интересы России в Сирии. При всех существующих формах военнотехнического, экономического, культурно-образовательного и иного сотрудничества между двумя странами, не стоит преувеличивать роль Сирии как крупного покупателя российских вооружений, особенно в свете низкой платежеспособности Дамаска даже до нынешнего кризиса. Небольшой пункт технического обслуживания российских судов в Тарту никак не тянет на военно-морскую базу и имеет, скорее, символическое значение. До недавнего времени, режим Асада не прилагал особых усилий и к тому, чтобы позиционировать себя в качестве политического союзника Москвы. Российские экономические интересы в Сирии помимо поставок вооружений – в энергетике и других областях – существуют, но достаточно скромны, особенно по сравнению с масштабами экономического сотрудничества России, например, с соседней Турцией.

Это, конечно, не означает, что в российской политике по Сирии отсутствует «рациональный интерес». Наряду с военными и экономическими контактами, упомянутыми выше, это могут быть и соображения, непосредственно не связанные ни со «стратегическими» интересами в Сирии, ни тем более с каким-либо «соперничеством» с Западом на Ближнем Востоке, на которое Россия пойти просто не в состоянии. Как отмечалось выше, настойчивость России по Сирии на удивление удачно коррелирует с основным противоречием, которое отличает политику западных стран по сирийской проблеме: США и их европейские союзники должны каким-то образом продемонстрировать повышенную озабоченность эскалацией насилия и обострением гуманитарной ситуации в Сирии, но предпочли бы как можно дольше воздерживаться от прямой военной интер-

венции в сирийский конфликт. При этом они не располагают серьезными рычагами влияния и давления на Сирию, альтернативными силовым методом, а региональные державы (Турция, страны Залива) при всей накаленности обстановки, вряд ли готовы пойти на одностороннее военное вмешательство в Сирии без «руководящей и направляющей» роли США и НАТО. На этом фоне, активность России по Сирии, в том числе в СБ ООН, в каком-то смысле пришлось даже кстати для США и НАТО, предоставив Западу удобный временный предлог для оттягивания принятия активных мер по Сирии, которое в конечном счете не исключено. А раз так, то и для России позиция по Сирии вольно или невольно становится своеобразным, хотя и краткосрочным, «козырем» в отношениях с США и Западом, в том числе по вопросам, не связанным непосредственно с Сирией и с регионом – по крайней мере, до тех пор, пока США и их западные союзники не «созреют» до прямого военного вмешательства в Сирии. Подчеркнем, что в своих отношениях с США в области безопасности Россия испытывает серьезный дефицит таких «козырных карт». Единственными двумя такими картами остаются (а) острая заинтересованность США и НАТО в сотрудничестве с Россией в области транзита гражданских и военных грузов из Афганистана через российскую территорию и воздушное пространство и (б) сохраняющийся интерес со стороны США и Европы в определенном российском влиянии и посредничестве в вопросах, связанных с ядерной программой Ирана.

В том, что касается роли внутривластных факторов в политике Москвы по Сирии, на которые нередко делают упор международные СМИ, даже влияние бурного сезона выборов в России конца 2011 – начала 2012 гг., включая манипуляцию антиамериканскими настроениями во внутривластных целях, еще не объясняет необычайной привязанности Москвы к сирийскому режиму, особенно на ранних этапах вооруженного противостояния. Не объясняет специфику российской реакции на конфликт в Сирии и нередкая в экспертных кругах ссылка на некую абстрактную «общность» или «близость» сирийского и российского «авторитаризма» – почему-то этот фактор не стал определяющим в политике России в отношении дезинтеграции таких авторитарных режимов на Ближнем Востоке, как режим Х.Мубарака в Египте и М.Каддафи в Ливии. Еще меньше смысла в предположениях о том, что возможный коллапс режима Б.Асада в Сирии может сколько-нибудь серьезно повлиять на внутривластные позиции правящих в России политических сил.

Если здесь и существует связь, то менее прямого и рационального, но более глубинного свойства. Ее можно обозначить как инстинктивное, почти подсознательное нежелание части руководства России мириться с самой возможностью болезненной дезинтеграции и демонстративного провала проекта национально-государственного управления, который до нынешнего кризиса в Сирии можно было бы определить как «просвещенный», или «умный» авторитаризм. Есть и иные характеристики, которые отличают асадовский режим даже от других авторитарных республиканских режимов на Ближнем Востоке, павших в эпоху «арабской весны». Например, в отличие от Сирии, в Египте важным фактором в развитии внутреннего кризиса оставались автономная роль и значительное внешнее финансирование вооруженных сил, а в Ливии – сложный клубок договоренностей с различными регионами и племенными группами, завязанных на фигуру Каддафи. Конечно, ряд характеристик, типичных для всех

государств региона до начала «арабской весны» (неподотчетное президентское правление, доминирующая роль сектора безопасности и спецслужб) характерен и для Сирии. В то же время, асадовскую Сирию отличает (в частности, от режимов Х.Мубарака и М.Каддафи) отчетливая специфика – политическое, экономическое и силовое доминирование узкой закрытой касты определенного типа и происхождения, в данном случае – сектарного (алавитского). Абсолютный приоритет для этой группы интересов самосохранения – и сохранения власти – при нормальных условиях оставлял достаточно места для политики «мягкого авторитаризма». Однако в случае, когда контроль и будущее сирийского режима оказались под угрозой, никакой «просвещенный авторитаризм» не смог предотвратить быстрого сползания к «силовым решениям» и «осадному менталитету».

Можно спорить о том, повлияла ли – и насколько – односторонняя поддержка Россией сирийского правительства в начале 2012 г. на события внутри и вокруг Сирии. Однако первые внешнеполитические последствия этой позиции для самой России оказались достаточно проблематичными.

Во-первых, хотя неприятие российской позиции со стороны Запада было вполне предсказуемо, позиция Россия впервые вызвала настолько широкую негативную реакцию в самом арабском мире и даже спровоцировала совершенно не типичные протесты у российских посольств в странах Ближнего Востока (в Ливане, Ливии и Судане). В отличие от регулярных демонстраций и нередких беспорядков у представительств США и других западных стран в регионе, протесты у российских посольств – явление из ряда вон выходящее: первые – и до недавнего времени последние – такие демонстрации имели место у советского посольства в Каире лишь в 1967 г. после поражения Египта в шестидневной войне с Израилем, когда толпа выражала недовольство «недостаточной» поддержкой Египта со стороны СССР. Неожиданно активная публичная реакция в арабском мире, в том числе со стороны «арабской улицы», на одностороннюю поддержку Москвой режима Б.Асада грозила превратить Россию чуть ли не в главного внешнего «козла отпущения» для большей части арабского мира. Такой ярлык Москвой совершенно не заслужен – в том числе в силу ее ограниченной роли и влияния в регионе.

Во-вторых, пострадала и репутация России в ООН, причем ей был нанесен ущерб нового типа. Речь не столько о репутационных издержках в Совете Безопасности, которые не стоит переоценивать: негативная реакция в Совбезе на применение Россией и Китаем 4 февраля 2012 г. права вето⁷ в отношении резолюции, содержащей поддержанный Западом мирный план Лиги арабских государств (ЛАГ), была вполне ожидаема и не носила беспрецедентного характера. Однако широкая поддержка анти-асадовской резолюции подавляющим большинством членов Генеральной ассамблеи ООН 16 февраля стала для России неприятным сюрпризом. Голосования в Генассамблее (резолюции которой не носят обязательного характера) именно по этой причине, как правило, лучше отражают истинные политические предпочтения и настроения стран-участниц, чем решения СБ ООН, которые формируются на основе баланса стратегических интересов ведущих держав. Демонстративный отказ подавляющего большинства государств мира в поддержке России, Китаю и еще несколькими странами по сирийскому вопросу шел вразрез с многолетней, хорошо прослеживаемой

мой тенденцией: в конце 1990-х – 2000-х гг. по вопросам, связанным с правами человека, большинство стран на заседаниях Генассамблеи ООН, как правило, голосовало солидарно как раз с Россией и Китаем (в то время как уровень поддержки резолюций, выдвигаемых США и странами ЕС, устойчиво снижался).⁸

В целом, для России как, с одной стороны, влиятельного игрока в ООН, а с другой стороны, относительного аутсайдера на Ближнем Востоке односторонняя поддержка сирийского режима в начале 2012 г. обернулась серьезными дипломатическими и репутационными издержками в самом регионе и в ООН – причем не столько крупными по масштабу, сколько новыми по типу. Однако проблему не стоит драматизировать. Как только Россия пережила президентские выборы, в полной мере ощутила холодный душ международной реакции на ее позицию по Сирии и стала лучше понимать происходящее в Сирии – а также по мере обострения самого сирийского конфликта – маятник российской внешней политики после некоторого заноса снова начал движение вспять, т.е. к более сбалансированному подходу.

С тех пор частью дипломатической активности России по Сирии стало определенное «ограничение ущерба». Москва начала медленно «отыгрывать» назад – в первую очередь, обусловив смягчение своей позиции гуманитарными соображениями (например, присоединившись к международным требованиям обеспечить гуманитарный доступ в районы конфликта в Сирии сотрудникам ООН). Затем отдельные российские официальные лица стали выступать с заявлениями о том, что задача предотвращения коллапса сирийского государства и дестабилизации обстановки внутри и вокруг Сирии выжнее, чем то, останется ли у власти лично Б.Асад,⁹ которые можно интерпретировать как попытке несколько дистанцироваться от односторонней поддержки любых действий правящего в Сирии режима. Россия также стала активнее поддерживать региональные посреднические усилия по Сирии.

Определенную адаптацию курса России к складывающимся реалиям в Сирии, регионе и на международной арене не следует, однако, рассматривать как его коренной пересмотр в пользу «голубей» за счет «ястребов» в российской внешней политике. Точнее было бы сказать, что различия в подходах российских элит к ситуации в Сирии и на Ближнем Востоке в основном определяются уровнем внешнеполитического профессионализма и знания региона. В более профессиональных кругах, специализирующихся на внешней политике, особенно среди арабистов – специалистов по Ближнему Востоку все большее распространение получает подход, который включает следующие положения:

(а) признание того, что протестные события 2011–2012 гг. в той или иной конкретной ближневосточной стране (в том числе в Сирии), при всей контекстной специфике, являются частью более широкой и необратимой волны социально-политических перемен, охватившей большую часть региона;

(б) понимание того, что эти перемены движимы внутренними для каждой страны и региона факторами, по крайней мере, в не меньшей – а скорее, даже в большей – степени, чем влиянием извне;

(в) скептическое отношение к «теориям заговора»;

(г) осознание необходимости налаживать контакты и выстраивать отношения со всеми основными политическими силами в регионе, включая исламистов

реформистского типа как во власти, так и в оппозиции.

Сторонников этого подхода можно найти во всех сегментах российской власти, политических элит и экспертного сообщества, хотя их вряд ли можно считать «голубыми». Скорее, речь идет просто о лучшем знании ими внешнеполитических реалий и более адекватном понимании истинных интересов и реальных возможностей России на Ближнем Востоке. Относительно адекватное понимание ситуации в целом характерно и для профессиональной российской дипломатии, включая министра иностранных дел С.Лаврова, и для наиболее квалифицированной части экспертного сообщества, особенно для ведущих российских академических экспертов по Ближнему Востоку.

Именно этот подход стоял за предпринятой Россией с конца весны 2012 г. серией мер по «ограничению ущерба». Этот подход, наряду с искренней попыткой стимулировать внутрисирийский переговорный процесс и предотвратить или максимально отдалить более радикальные действия со стороны США и НАТО без соответствующего мандата СБ ООН, в наибольшей степени проявился в поддержке Россией плана перемирия, предложенного спецпредставителем ООН и ЛАГ по Сирии Кофи Аннаном («плана Аннана») и одобренного Советом Безопасности ООН в апреле 2012 г. (резолюция № 2041).¹⁰ Этот план, в подготовку которого Москва вложила немалые дипломатические усилия, формально получил поддержку сирийского правительства и предусматривал отправку в Сирию миссии наблюдателей ООН (в соответствии с резолюцией № 2043 СБ ООН).¹¹ Уже после первого крупного нарушения условий «плана Аннана» – жестокой резни в сирийском городе Хула в конце мая – отдельные попытки российской дипломатии несколько дистанцироваться от фигуры Б.Асада впервые получили подтверждение на высшем государственном уровне, в ходе первых визитов В.Путина в Европу в его новом/старом президентском статусе. Как заявил Путин на совместной пресс-конференции с канцлером ФРГ Меркель 1 июня 2012 г., «у нас с Сирией добрые многолетние отношения, но мы не поддерживаем ни одну из сторон, от которой исходит угроза гражданской войны».

Политика России по конфликту в Сирии на протяжении 2012 г. не была статичной. Она постепенно эволюционировала от первоначальной односторонней поддержки правительства Б.Асада к более сбалансированному и рациональному подходу, который не отрицает необходимость политических перемен и переходного процесса в Сирии. В целом, Россия действительно предпочла бы какой-то «средний» вариант относительно контролируемого переходного процесса в Сирии – что в принципе не расходится и с интересами большинства других крупных внешних игроков (за жестким исключением, пожалуй, лишь Саудовской Аравии, Катара и Ирана). На нынешней стадии, основные разногласия по ситуации в самой Сирии между США (и их западными и арабскими союзниками) и Россией (а также Китаем) наблюдаются уже не по вопросу о необходимости переходного процесса, которую, как свидетельствует Женевское коммюнике по Сирии от 30 июня 2012, уже никто не отрицает.¹² Основным предметом разногласий являются формы, содержание и конечная цель (продукт) переходного политического процесса – проще говоря, будет или нет в будущем политическом устройстве Сирии место элементам нынешнего режима) – а также

средства и методы участия внешних (международных) игроков в сирийской урегулировании.

Тем не менее, реальное влияние Москвы на динамику самого конфликта останется весьма ограниченным. Если правящему в Сирии режиму еще удастся продержаться какое-то или даже длительное время, то это в основном произойдет в силу внутренних причин, а не благодаря российской поддержке. Если и когда сирийский режим падет, это случится в результате сложной комбинации многих факторов, включая ослабление и дезинтеграцию основных государственных институтов, экономический коллапс, дальнейшее раскручивание спирали (контр)повстанческого и межобщинного насилия, в том числе в особо жестких формах, и внешнее давление.

Очередной этап эскалации насилия в Сирии (с середины лета 2012 г.) еще более радикализировал противоборствующие стороны и усилил впечатление, что первоначальный резкий дисбаланс между военным потенциалом правительственных сил и повстанцев постепенно выравнивается. В этом смысле обострение насилия внутри страны способствовало подрыву долгосрочной перспективы сохранения власти президентом Асадом больше, чем любое дипломатическое и иное давление на Сирию со стороны таких внешних игроков, как западные страны, арабские государства и Турция. В целом, динамика сирийской гражданской войны показывает, что если что-то и изменит ситуацию, то это, скорее, будет развитие военно-политических событий в самой Сирии, чем влияние международной дипломатии.

Если предположить, что занятая международным сообществом (при всех разногласиях) в целом выжидательная позиция в сирийском вопросе была продиктована не только объективно слабыми возможностями влиять на ситуацию в Сирии и ограничениями на прямое военное вмешательство в ее ход, но и искренним стремлением дождаться какого-либо более определенного исхода военно-политического противостояния, то надо признать, что такая выжидательная позиция была в значительной мере оправданной – по крайней мере, со стороны занявших ее внешних игроков. На протяжении действия «плана Аннана» (апрель–август 2012 г.) он не только оставался оптимальной стратегией для России, но и дал возможность «прикрыться» этим планом таким ключевым внешним игрокам, как США. Многие питали надежду на то, что «план Аннана» (или любой последующий подобный план) позволит международному сообществу, по крайней мере, выиграть время, в ходе которого ситуация в Сирии могла сложиться по-разному, например, привести к таким перестановкам внутри режима – или даже к внутреннему перевороту – которые бы открыли новые возможности для урегулирования конфликта.

Однако ни дипломатическая, ни наблюдательная активность ООН сама по себе не способна предотвратить эскалацию насилия в Сирии и обострение гуманитарной ситуации в зоне конфликта. Это со всей очевидностью показала вспышка вооруженного насилия с середины лета 2012 г., в результате которых ООН была вынуждена вывести своих наблюдателей из Сирии по истечении их мандата. Пока исход кризиса решается противоборствующими сторонами в самой Сирии, а не международными посредниками.

Каким будет этот исход – это уже другой вопрос. Одним из возможных сценариев остается какая-то форма переходного процесса от существующей

государственно-политической системы к более представительной. Однако этот сценарий становится все менее вероятным. В ближайшей и среднесрочной перспективе сирийское правительство может потерпеть ряд военных неудач, но ни одна из них не будет иметь решающего значения. Хотя режиму Б.Асада вряд ли удастся сохранить власть в нынешней форме в долгосрочной перспективе, нет сомнений в том, что правящая каста будет – и может – сопротивляться до последнего. Однако даже значительное ослабление режима или отставка самого Асада отнюдь не гарантирует контролируемого процесса политической трансформации. Такое развитие событий, в отсутствие переходного политического процесса, может стать лишь очередным шагом к полному развалу системы управления в стране.

Собственно, коллапс в области управления, политики, экономики и безопасности и составляет второй сценарий развития событий, который становится все более вероятным по мере дальнейшего обострения полномасштабной гражданской войны в Сирии. Этот сценарий подразумевает сочетание ожесточенного насилия с растущим хаосом и все более отчетливым размежеванием по сектарно-общинному принципу, наподобие гражданской войны в Ливане 1975-1990 гг., и ставит под угрозу единство страны. Подобное развитие событий несет в себе наибольшие риски для гражданского населения Сирии в целом и меньшинств в частности.

Приоритет внутренней динамики сирийского конфликта не означает, что внешние факторы, которые пока не играют решающей роли, не могут способствовать как завершению, так и затягиванию конфликта, как облегчить, так и усложнить его разрешение. Продолжающаяся эскалация насилия в Сирии неизбежно вернет проблему обратно в Совет Безопасности ООН, а его членов, особенно постоянных – к непростым решениям о дальнейших действиях в отношении конфликта. США и их европейские союзники будут испытывать все большее давление в пользу более активного вмешательства в крайне нестабильном региональном контексте в наиболее сложный из всех конфликтов, порожденных «арабской весной». При этом максимум того, на что может пойти Россия в сирийском вопросе – это согласие на многостороннюю миссию ООН по поддержанию мира – да и то только в том случае, если такая миссия будет приемлема для сирийского правительства (в независимости от того, кто на тот момент будет этим правительством). Противодействие России любым проектам резолюций СБ ООН, которые открыли бы путь к официальному призыву к свержению сирийского режима путем вооруженной иностранной интервенции, сохранится – но, в конечном итоге, оно вряд ли сможет остановить такую интервенцию в обход Совбеза ООН, если и когда США и их западные и региональные союзники будут к ней готовы.

В целом, в долгосрочном плане нельзя исключать возможность роста интернационализации сирийского конфликта в целом и даже прямую внешнюю интервенцию как один из возможных вариантов, в частности. Пока прямая военная интервенция под руководством или при поддержке США в гражданскую войну в Сирии маловероятна – прежде всего потому, что такая интервенция пока нежелательна для самих США. Однако вероятность такой интервенции возрастет, если и когда развитие событий в Сирии пойдет по наихудшему (второму) сценарию – т. е. в случае полной дезинтеграции государства, развала поли-

тической и экономической систем и коллапса в области безопасности в отсутствие признаков внутривосточного переговорного/переходного процесса. При таком развитии событий было бы нереалистичным исключать возможность, например, международной гуманитарной интервенции при участии и поддержке стран Запада и ЛАГ – в том числе в отсутствие мандата на нее со стороны Совета Безопасности ООН. Более того, в конечном итоге нельзя исключать и возможность постконфликтной миссии ООН по «восстановлению мира» в Сирии в соответствии с полноценным мандатом со стороны Совета Безопасности, в том числе в целях защиты интересов сирийских меньшинств (христиан, друзов и самих алавитов).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см., например, Landis J. The Syrian uprising of 2011: why the Assad regime is likely to survive to 2013 // Middle East Policy. Spring 2012. V. 19. № 1. P. 72–84; Syria's Mutating Conflict / International Crisis Group (ICG) Middle East report no. 128. – Damascus; Brussels: ICG, 1 Aug. 2012.

² Цит. по: Даминов Р. Россия готова сотрудничать с любым избранным главой Египта // РИА-Новости. 24.05.2012: <<http://www.ria.ru/politics/20120524/656657782.html>>.

³ Подробнее об экономических интересах России в Ливии см. Александрова М. Арабский мир: упущенная выгода России // Русская служба Би-Би-Си. 20.04.2011.

⁴ Из интервью министра иностранных дел РФ С.Лаврова: Воробьев В. Что тебе снится, крейсер «Монтерей»? Глава МИД России назвал проблемы, для которых Западу не стоит искать простых решений // Российская газета. 11.07.2011.

⁵ Там же; см. также интервью С.Лаврова: Принцип неделимости безопасности на практике не сработал // Голос России. 12.07.2011.

⁶ См., например, Now or Never: A Negotiated Transition for Syria / ICG Middle East Briefing № 32. – Damascus; Brussels: ICG, 2012.

⁷ <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10536.doc.htm>>.

⁸ Анализ голосований в Генеральной ассамблее ООН за период с 1997–1998 по 2007–2008 гг. показал рост поддержки позиции России и Китая по вопросам, связанным с правами человека, с 50% до 76% и 74%, соответственно, на фоне снижения поддержки позиции США (с 77% до 30%) и стран ЕС (с 72% до 48–55%). См. Gowan R., Brantner F. A Global Force for Human Rights? An Audit of European Power at the UN / European Council on Foreign Relations Policy Paper, 2008.

⁹ Из выступления С.Лаврова на заседании ЛАГ в Каире 10 марта 2012 г. Цит. по: Russia Today. 10.03.2012: <<http://rt.com/politics/lavrov-syria-arab-league-271/>>.

¹⁰ См. текст резолюции: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10609.doc.htm>>.

¹¹ См. текст резолюции: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10618.doc.htm>>.

¹² Action Group for Syria, Final Communiqué, 30 June 2012, <<http://www.un.org/News/dh/infocus/Syria/FinalCommuniqueActionGroupforSyria.pdf>>.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В настоящее время намечаются явные признаки серьезной дестабилизации обстановки в ряде стран – бывших республик Советского Союза, влияния в них разрушительных тенденций. Усиливается опасность использования давления военной силы и других видов деструктивного воздействия на Российскую Федерацию и страны СНГ в интересах установления контроля над их ресурсами и моделями развития. Факты обнаруживают недостаточность и в ряде случаев неэффективность применяемых до сих пор методов и средств миротворческой политики в национальных и международных измерениях. В то же время в сложившейся ситуации ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности и безопасности связанных с ней системой коллективных обязательств стран является реальное, а не декларативное воплощение положений стратегии, национальной безопасности РФ до 2020 года и военной доктрины Российской Федерации в которых одним из приоритетных направлений является военно-политическое сотрудничество со странами СНГ.¹ Такое сотрудничество осуществляется как в виде военного присутствия России в ряде стран на основе двусторонних соглашений, так и в виде группировок российских войск в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). По мнению экспертов, это наименее дорогостоящий и наиболее действенный способ обеспечения мира и безопасности на территории Содружества. В этой сфере, однако, к настоящему моменту назрела потребность в пересмотре многих способов и средств взаимодействия с учетом того, что военно-политическое сотрудничество имеет свои характерные особенности в отдельных регионах СНГ, меняющиеся в зависимости от геополитических факторов и динамики экономического и политического развития. Ключевое значение в этом плане должны, естественно, получить новые инициативы и методологии российской политики.

I. Западный вектор

Есть веские основания считать, что в обозримом будущем может возрасти напряженность по западной линии соприкосновения Содружества с внешним миром. Сказывается непосредственная близость блока НАТО, сохраняющего тенденцию к расширению и претендующего на проникновение и закрепление своего влияния в странах СНГ. Здесь находятся исторически близкие России страны, имеющие с ней экономические, политические и военные связи – Украина, Беларусь, Молдавия. В последние годы Украина (в первую очередь) и Молдавия активно проявляют тенденцию к экономической и военно-политической интеграции с НАТО, причем даже на дискриминационных для себя условиях.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 11-03-00518.

Подобная политика может привести не только к дестабилизации ситуации в этих странах, но и к разрушению военно-политического пространства как в данном регионе, так и в масштабах СНГ.

Россия, которая претендует на роль организатора экономического и военно-политического союза на всей территории Евразии, не может не реагировать на меняющуюся обстановку. Между тем ситуация не поддается изменению только попытками укрепления военно-политического сотрудничества. Возможно, в этой зоне потребуются более открытое использование экономических, политических и дипломатических средств, имеющихся в ее распоряжении.

Особое место среди стран – членов ОДКБ занимает **Белоруссия**, обеспечивающая единственный геостратегический коридор для выхода России в Европу. Военно-политические отношения России и Белоруссии можно охарактеризовать как стратегический союз, означающий безусловную готовность двух стран к осуществлению полномасштабного военного сотрудничества в рамках Союзного государства, т. е. к созданию общего оборонного пространства. Россия и Белоруссия участвуют в единой системе ПВО государств – участников СНГ. Между РФ и РБ имеется и надежно функционирует соглашение «О совместной охране внешней границы союзного государства в воздушном пространстве и создании единой региональной системы противовоздушной обороны РФ и РБ».

Российско-белорусское сотрудничество осуществляется как в рамках Договора о создании союзного государства, так и в формате ОДКБ по вопросам совместного обеспечения безопасности в военной сфере. На территории Белоруссии расположен целый ряд объектов военно-технической инфраструктуры, оказывающих влияние на поддержку стратегической безопасности в центре Европы. Среди них - РЛС под Барановичами – станция предупреждения о ракетном нападении, а также станция в Вилюйске, предназначенная для ретрансляции сигналов на российские корабли и подводные лодки в Центральной и Северной Атлантике.² В целом, несмотря на периодические расхождения, возникающие между двумя странами (главным образом в экономической области), сотрудничество России и Белоруссии, в рамках СНГ является моделью отношений крупной страны, какой является Россия, с небольшим государством. В таком сотрудничестве малое государство, не теряя лица, извлекает значительные выгоды из ситуации, концентрируя усилия на узких направлениях и выгодно обменивая свою приверженность военно-техническому сотрудничеству с Россией на конкретные экономические и политические выгоды.³ Сдается, что как раз в сфере дальнейшей экономико-хозяйственной интеграции двух стран лежат возможности укрепления уже завязываемых уз, причем для российской стороны здесь показана как раз определенная гибкость в конкретных делах и начинаниях.

Крупнейшим партнёром России в западной части постсоветского пространства является **Украина**. Интересы двух стран взаимно переплетаются в силу их тесного взаимодействия на общем геополитическом пространстве в прошлом, настоящем и, возможно, будущем. Украина находится в сильной экономической зависимости от России. У неё нет альтернативы российским энергоносителям. В случае разрушения интернациональных связей Украина может

потерять до 80-85% объёма экономического производства.⁴ Между тем контакты Украины с Россией в целом ряде экономических и политических областей периодически подвергаются серьёзному ослаблению. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что расхождение геополитических позиций двух государств препятствует развитию их сотрудничества в военно-политической и в военно-оперативной сферах.

За последние годы масштабы военно-технического сотрудничества Украины и РФ всё меньше отвечают потребностям двух стран, и не соответствует их промышленно-техническому потенциалу и возможностям по кооперации. Россия всё чаще вынуждена действовать по принципу самодостаточности, создавая собственные замкнутые циклы производства военной техники.⁵ Практически сразу после получения независимости Украина однозначно выбрала вектор сотрудничества с Западом, отказываясь участвовать в сохранении единого оборонного пространства СНГ в рамках ОДКБ. Начиная с первой половины 1990-х гг., Киев регулярно проводил военные учения с участниками вооружённых сил НАТО. Подобные действия фактически способствуют разрушению теснейших связей между Россией и Украиной в военной сфере, включая единые системы ПРО, ПВО и ВПК. Особую роль играют учения ВМС, проводимые в Чёрном море с участием Украины, Грузии и других стран, которые являются важным инструментом политики, направленной на реализацию планов Запада в Черноморском регионе, включающих минимизацию присутствия там России. В рамках этой ориентации Украина чинит препятствия нормальному функционированию Черноморского флота. В феврале 2005 г. был подписан план действий «по европеизации Украины», а в апреле того же года на заседании комиссии Украина – НАТО в Вильнюсе было принято решение о начале интенсивного диалога между Украиной и НАТО. В том же году Украина приняла новую доктрину, в которой была прописана цель присоединения к НАТО.

Все эти акции обоснованно вызвали бурные протесты населения. Тогда жителям Крыма удалось сорвать визит американских кораблей на Украину. Это несколько притормозило сотрудничество Киева с Североатлантическим альянсом, однако в 2008 году Брюссель получил официальное заявление премьер-министра Ю. Тимошенко о желании Украины получить План подготовки к членству в НАТО. Российское руководство выступило с резким протестом против подобной акции. Президент В.Путин, в частности, заявил, что «если Украина станет членом блока, то Россия примет адекватные меры». Наибольшее беспокойство у российского руководства вызывает перспектива того, что в результате в Крыму и других районах могут появиться базы США и НАТО. Хотя президент Украины В.Ющенко сослался на конституцию страны, запрещающую нахождение иностранных баз на территории страны, это заявление не вызвало особого доверия России.

Проблема была временно снята с приходом к власти президента В. Януковича, заявившего о необходимости определённого подготовительного периода перед возможным вступлением Украины в НАТО. Тем не менее, тесное сотрудничество Украины с НАТО и ЕС продолжается. Это, прежде всего, проявляется в расширении украинского участия в работе Совета экономического партнёрства НАТО, в программе «Партнёрство ради Мира» и других структурах.

Основным негативным моментом такого процесса является тот факт, что участие Украины в этих структурах и получение особого статуса в отношениях с НАТО предоставляет ей возможность занять ключевую позицию в сфере отношений НАТО со странами СНГ, в особенности с теми, которые не вошли в ОДКБ.

Очередным ударом по военно-политическому сотрудничеству Москвы и Киева явилось принятие в мае 2012 года новой военно-политической доктрины Украины, предполагающей коренную реформу всего сектора её национальной безопасности.⁶ В доктрине провозглашена политика «активного нейтралитета», которая подразумевает создание фактически круговой обороны страны и обеспечение её способности нейтрализовать военные угрозы на любом направлении (включая российские). Согласно этой доктрине, хотя Россия продолжает называться стратегическим партнёром Украины, последняя должна срочно вывести свои ПВО из состава объединённой ПВО СНГ.

Доктрина также ограничивает масштабы военного сотрудничества с Россией, которое в основном должно осуществляться лишь с упором на совместные действия в приграничных районах (борьба с терроризмом, экстремистскими группами и бандформированиями), антитеррористические действия военноморских сил в Чёрном море и совместные учения сил спецназа. Кроме того, в доктрине наносится удар по военно-политическому единству стран СНГ. В ней, в частности, подчёркивается, что ОДКБ представляет собой «карманный союз» с Россией и сотрудничество Украины с этим блоком как с организацией исключается (возможно, лишь участие страны в отдельных мероприятиях в роли наблюдателя).

В этих условиях оправданной представляется политика, направленная на то, чтобы начать диалог с целью уйти от конфронтационных вопросов вступления Украины в НАТО и перейти к многостороннему решению проблемы общеевропейской системы безопасности с учётом предложений всех заинтересованных стран.

Позиции строгого нейтралитета придерживается **Молдавия**. Ссылаясь на избранную ею политику, она демонстративно отказывается обсуждать любые вопросы военно-политического сотрудничества в рамках СНГ, проявляя, правда, интерес к экономическим аспектам участия в Содружестве. Однако провозглашённый нейтралитет не мешает Молдавии искать пути, направленные на активное сближение с НАТО. Ещё при бывшем президенте В. Воронине, являвшемся коммунистом, в 2006 г. был утверждён план индивидуального сотрудничества Молдавии с НАТО. Обсуждались возможности перевода национальной армии на стандарты альянса. Регулярно отправлялись небольшие военные контингенты в Ирак. В последнее время всё активнее провозглашается политика, направленная на интеграцию с Румынией.⁷

Планам сближения с НАТО пока что мешает ситуация, связанная с **Приднестровьем**. Россия в соответствии со Стамбульским Соглашением 2002 г. «О принципах мирного урегулирования приднестровского конфликта» вносит свой вклад в обеспечение стабильности в регионе. На сегодняшний день эту стабильность поддерживают совместные миротворческие силы, в которые вхо-

дят 402 российских военнослужащих, 492 приднестровских, 355 молдавских и 10 наблюдателей от Украины.

Россия продолжает стоять на защите интересов Приднестровья. Молдавии неоднократно предлагалось решить вопрос признанием независимости Приднестровья, либо путём создания конфедеративного государства. Кишинёв отвергал эти предложения. Пришедшее к власти либерально-демократическое правительство начало вновь намекать на возможность решения приднестровской проблемы силовым путём. Так, в частности, в ходе своего визита в Украину в апреле 2012 г. новый президент Молдавии Н.Тимофти заявил, что военное присутствие России в Приднестровском регионе «является дестабилизирующим фактором». В свою очередь молдавский парламент в начале июня 2012 г. начал обсуждение законопроекта о защите воздушного пространства страны. Согласно акту Молдавия намерена купить у стран НАТО самолёты и вертолёты на сумму 240 млн. долл. Как писала в этой связи российская «Независимая газета», законопроект направлен против летательных аппаратов, незаконно использующих воздушное пространство Молдавии. Подразумевается, что при определённых обстоятельствах, он может быть направлен против российских самолётов, доставляющих грузы для миротворцев Приднестровья.⁸ По мнению большинства экспертов, Молдавия едва ли сознательно рискнет пойти на военное решение Приднестровской проблемы. Однако в напряжённой ситуации любая случайность может вызвать вооружённый конфликт, который имеет шансы привести Молдавию к потере территории, как это произошло с Грузией. Отсюда задача поиска новой модели подхода ко всему указанному комплексу противоречий, вероятнее всего при активизации московской дипломатии.

II. Кавказ

Жизненно-важное значение в области обеспечения региональной безопасности имеет **Южный Кавказ**. Благодаря своей территориальной близости к России он играет важную роль в её экономике и политике. В России, в ряде других республик СНГ действует к тому же фактор значительных кавказских диаспор. В то же время из-за существующих в этом регионе экономических, этнических, территориальных, религиозных противоречий, он является источником вооружённых конфликтов, чреватых перерастанием в региональные войны. На Южном Кавказе активизируется деятельность многочисленных организаций заинтересованных в дестабилизации общественно - политической обстановки на всем Кавказе. Наконец, на Южном Кавказе сходятся интересы внешних держав, прежде всего США и ЕС, крайне заинтересованных в использовании богатых энергоресурсов региона.

В этих условиях для стабилизации ситуации на Южном Кавказе России необходимо использовать все доступные средства, экономические, политические и, естественно, военные. В последние годы, особенно после войны с Грузией, Москве удалось не только отстоять, но и несколько улучшить здесь свои военно-политические позиции. Она смогла сохранить нормальные отношения с Арменией и Азербайджаном, остаться главным арбитром в карабахском конфликте, обеспечить безопасность Абхазии и Южной Осетии и, наконец, добиться

ся (при президенте Б. Обаме) некоторого сокращения масштабов прямого участия США в делах региона.

Ситуация вновь осложнилась после встречи президента Армении и Азербайджана 25 июня 2011 г. в Казани, где оба президента отказались от дальнейших переговоров по карабахскому вопросу. Судя по заявлениям, сделанным в Баку и Ереване, дипломатического решения карабахской проблемы в обозримом будущем практически не существует и посредничество России по этому вопросу становится промежуточным (что для Москвы означает известный дипломатический минус).⁹ Все эти проблемы, наряду с противостоянием России и Грузии, делают ситуацию на Южном Кавказе достаточно неопределённой и, по-прежнему, взрывоопасной. В этих условиях России придётся искать новые способы умиротворения Еревана и Баку, вплоть до расширения международного сотрудничества в этом вопросе с участием США и НАТО.

Самым близким другом России на Южном Кавказе и её основным стратегическим союзником является **Армения**. Страна входит в ОДКБ и на её территории расположена крупнейшая российская военная база в Гюмри. Отношения между двумя странами успешно развиваются. Однако, по мнению многих экспертов, они отягощены рядом экономических и политических проблем, которые в Армении вызывают известное напряжение, и желание перемен.¹⁰

Как известно, Армения находится в блокаде со стороны Азербайджана, что в первую очередь является следствием карабахского конфликта. После войны 2008 г. оборвалось железнодорожное сообщение через Грузию и практически прекратилось снабжение российской военной базы в Гюмри. Строящиеся в настоящее время транспортные коридоры Карс – Архалаки – Тбилиси политически мотивированы и фактически выводят Армению за рамки экономической системы Закавказья. Всё это, помимо негативного влияния на экономику страны, грозит ухудшением её экономического и военно-политического положения. Это вталкивает Армению в ситуацию, которая может сделать военные потенциалы Армении и Азербайджана настолько несопоставимыми, что Баку может рассчитывать на блицкриг в Карабахе в надежде на близкую победу. Причём в данной ситуации помощь Армении со стороны России и ОДКБ также становится более проблематичной. Ситуация усугубляется политикой Турции, которая имеет мощные позиции в Азербайджане и Грузии. Анкара демонстрирует Еревану альтернативу российскому вектору и способность поддержать конкурентоспособность через турецкое «окно». Однако Турция увязывает эту возможность с уступками Армении в карабахском вопросе. Чувствуя ослабление сдержек и противовесов, которое ведёт к усилению позиций США на Южном Кавказе, Армения попыталась получить гарантии Вашингтона относительно политики Турции. Гарантии были даны, вследствие чего в Цюрихе были подписаны армяно-турецкие протоколы, направленные на деблокирование Армении. Однако после переговоров вновь обострились разногласия по карабахскому вопросу, соглашения были сорваны, и Турция вернула протоколы в парламент. В Армении появляется всё больше сил, считающих, что для обеспечения политической, экономической и военной безопасности Еревану необходимо искать опоры вне России и, возможно, окончательно сблизится с НАТО.

В этих обстоятельствах России придётся изыскивать новые эффективные средства, чтобы укрепить свои дружественные отношения со своим основным союзником на Южном Кавказе, который, будучи членом ОДКБ, является единственным гарантированным фактором её военного присутствия в регионе. Но при этом вряд ли можно согласиться с высказываемыми суждениями, что для оказания давления на Армению Россия могла бы переориентироваться на Азербайджан. Подобного рода беспрецедентный поворот мог бы привести к непредсказуемым последствиям. Главный вектор российских усилий, как и ранее, должен быть направлен на предотвращение силового решения карабахской проблемы, возможно, с более активным привлечением к решению этой проблемы США и ЕС.

Позиции России в **Азербайджане** продолжают оставаться относительно слабыми. Пока в 1990-е и 2000-е гг. Россия занималась своими внутренними проблемами, Баку активно искал политических и военных союзников, и вакуум в российско-азербайджанских отношениях заполнила Турция (на которую Баку ориентируется в рамках пантюркистской идеологии) и отчасти США – в вопросах научно-технического сотрудничества и решения энергетических проблем. Россия располагает лишь относительно скромными рычагами воздействия на Азербайджан. Самым эффективным было бы, конечно, обещание оказать всемерную помощь в возвращении Нагорного Карабаха. Именно этого ждал Азербайджан, но это, по основательному мнению многих российских политиков, было нецелесообразно делать, чтобы не нарушать баланс сил в регионе. Этого тем более нельзя делать сейчас, когда Азербайджан имеет развитую экономику и может позволить себе играть более самостоятельную роль. Как известно, с 2003 по 2008 г. ВВП республики вырос в 2 раза. По состоянию на 2010 г., Азербайджан лидирует среди стран СНГ по темпам экономического роста. Это позволяет ему вкладывать больше средств в модернизацию армии и развитие своего ВПК по сравнению с Арменией.

Теперь, когда после казанской встречи президентов Армении и Азербайджана, посредническая роль России в карабахском конфликте существенно снизилась, для Москвы стал актуален поиск новых способов военно-политических контактов с Азербайджаном. В частности, согласно не подтверждённым слухам, в 2010 г. Рособоронэкспорту не удалось продать Азербайджану комплекты С-300 из-за активного противодействия Армении. Это вызвало известное недовольство Баку. В качестве компенсации между Москвой и Баку были заключены два соглашения, по которым Азербайджану отошла половина водозабора реки Санур (ранее принадлежавшей России) и две лезгинских деревни – Ульянова и Храхова вместе с пятьюстами жителями-лезгинами. Это, видно, не совсем удовлетворило Баку. В связи с истечением срока аренды Российской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРИ) в Габале, Азербайджан неприятно удивил Москву требованием увеличить арендную плату с 7 до 300 млн. долл.¹¹ Масло в огонь подлило предложение Армении бесплатно разместить новый радар (СПРИ) на своей территории.

В целом перспективы военно-политических отношений между Москвой и Баку остаются не достаточно надёжными. Вместе с тем пока Россия имеет важное преимущество в отношениях с Азербайджаном по сравнению с США и

ЕС. Как известно, Вашингтон неоднократно пытался активизировать свои связи с Баку. Однако при этом США постоянно подчёркивали недовольство внутренней политикой азербайджанского режима. Поэтому, как считают эксперты, Азербайджан, зачастую предпочитает сотрудничать с Россией, которая представляет альтернативную повестку сотрудничества, свободную от политического давления. В настоящее время, по мнению наблюдателей, расширению военно-политического сотрудничества между двумя странами могло бы помочь оказание Азербайджану помощи в борьбе с радикальным исламским экстремизмом.

Вышедшая из СНГ в 2009 г. **Грузия** продолжала оставаться ключевой страной на Южном Кавказе, прежде всего с точки зрения транспортных коммуникаций. Тбилиси энергично содействовал продвижению интересов США в этом регионе. После войны 2008 г. России с Грузией США не только дополнительно обозначили своё военное присутствие в Закавказье, но и обзавелись грузинскими рычагами давления на Армению и Азербайджан. Грузия является одним из центров транспортно-коммуникационного направления Восток – Запад (Азербайджан – Грузия – Турция), что выводит Армению (и Россию) из региональной транспортной сети. Однако это лишь промежуточная цель. Запад лоббирует присоединение к этому коридору стран Центральной Азии, стремясь наполнить «санитарный коридор» вокруг России вполне осязаемым политическим смыслом.

После войны отношения России с Грузией остались в целом трудно предсказуемыми. Во многом это объясняется пассивностью Москвы. Как известно, российское правительство заявило, что пока у власти М.Саакашвили, дела с Грузией Россия вести не будет. Эта позиция, может быть, и была оправданной, но ныне, после прошедших в октябре 2012 г. выборов и успеха на них оппозиции ситуация существенно изменилась. Очевидно, что новый расклад сил еще подлежит внимательному изучению.

Грузия, активно использующая помощь Запада, сумела укрепить свои экономические и военно-политические позиции, что невозможно игнорировать. Россия, несомненно, смогла обеспечить безопасность Южной Осетии и Абхазии. Однако ей не удалось добиться международного признания этих государств, да и отношения с ними самой России не вполне свободны от осложнений. Ценою дальнейшей пассивности России может оказаться Северный Кавказ. Не секрет, что после окончания войны Тбилиси, не имея возможности вернуть утраченные территории, сделал ставку на дестабилизацию ситуации в регионе и его откол от России. Тбилиси надеется, что ухудшение положения на Северном Кавказе рано или поздно вынудит Москву вернуть Абхазию и Южную Осетию. Налицо целая серия попыток Грузии осложнить ситуацию в северокавказском регионе, например, разжигая сепаратистские и националистические тенденции, а также используя внешние факторы. Так, в частности, Грузией эксплуатируется тема «черкесского геноцида», с целью поставить Россию в положение Турции (геноцид армян).

В этих условиях в случае невозможности оказать прямое военно-политическое давление, России было бы целесообразно использовать другие действенные средства влияния на Тбилиси. Это - несоблюдение Грузией цело-

го ряда конвенций в области прав национальных меньшинств и их языков, включая элементы дискриминации мингрелов, армян, азербайджанцев; уничтожение автономии Аджарии, что является нарушением Карского договора, а также сложное экономическое положение и долг Грузии России (118 млн. дол.), выплату которых можно ожидать в 2014-2018 гг. Разумеется, применение таких рычагов потребовало бы от России и ее союзников большой гибкости, а также основательного предварительного анализа новых тенденций политической динамики.

III. Центральная Азия

В последние годы резко возросло геополитическое значение **Центральной Азии**. Специфика региона состоит в том, что, несмотря на его кажущуюся периферийность, в нём пересекаются интересы крупных держав мира, а также других акторов. Само географическое положение Центральной Азии во многом определяет её политический вектор. На востоке региона находятся Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на юге – Афганистан и страны Ближнего и Среднего Востока и другие исламские государства; на Севере – Кавказ, Турция, Европа и Россия. В Центральной Азии переплетаются интересы США, ЕС, а также других стран. Эти страны как правило, стремятся отвлечь элиты центрально-азиатских республик от ориентации на Россию, на интеграцию с ней, используя экономические и политические рычаги влияния для проникновения западного капитала на пространство Центральной Азии. Эти угрозы усугубляются нестабильным положением внутри региона. Между некоторыми странами продолжают тлеть религиозно-этнические конфликты, а относительная слабость государств Центральной Азии превращает их в заложников террористических сил с сопредельных территорий и транзитную зону наркотрафика в Россию и Европу. Ситуация усугубляется событиями в Афганистане и исламским фактором.

В этих условиях дополнительную актуальность получает реализация российской Стратегии национальной безопасности до 2020 г. Согласно этой стратегии, если на долгосрочную перспективу внимание будет сосредоточено на обладании источниками энергии в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии, то основной ставкой в среднесрочном плане будет оставаться военное присутствие России в регионе, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Военно-политическое сотрудничество со странами Центральной Азии является сложным и противоречивым процессом. В нём в гипертрофированном виде сконцентрированы негативные моменты, так или иначе касающиеся отношений России в этой области практически со всеми другими странами СНГ.

В данном регионе России приходится иметь дело с авторитарными режимами, зачастую осуществляющими весьма противоречивую и трудно прогнозируемую внешнюю политику. Они заинтересованы в военно-политической помощи России, в борьбе с так называемой «оранжевой» революцией внутри своих стран, в качестве гарантии от угрозы экстремизма, от исламского фундаментализма и наркотрафика, а также в получении дешёвого оружия и в области подготовки кадров. В то же время в целом ряде случаев эти страны опасаются

более тесного сближения с Россией, подозревает её в имперских амбициях. Более того, они зачастую весьма специфически трактуют проблемы безопасности и склонны иной раз жертвовать связями в рамках СНГ ради переключения на контакты с внешними державами в военно-технической области. Очень возможно, что в данной зоне России придется искать новые и по возможности более адекватные формы взаимоотношений с партнерами.

Самое крупное государство Центральной Азии **Узбекистан**. В последние годы его политика начинает приобретать всё менее предсказуемый характер. С одной стороны, он активизировал свои действия, чтобы стать ведущей державой в регионе, что создало напряжённость в его отношениях с соседями, прежде всего в области водных проблем. С другой стороны, Ташкент старается придать своей политике многовекторный характер, извлечь выгоды из сделок с США, ЕС, Китаем и другими странами. Еще до своего выхода из ОДКБ летом т.г. он осуществлял прямой саботаж уже принятых решений по линии этой организации.

В частности, Узбекистан блокировал целый ряд инициатив ОДКБ на афганском направлении, предлагая «альтернативную» модель урегулирования по формуле 6 + 3. Согласно предложению Ташкента, в переговорах по афганской проблеме должны участвовать все соседние с Афганистаном страны, в том числе Пакистан, Туркменистан, а также США и ЕС. В то же время из числа участников узбекская дипломатия хотела исключить страны Содружества, не имеющие с Афганистаном общей границы. Естественно, что эти предложения, очевидно, направленные на то, чтобы ограничить влияние своих конкурентов в регионе, не встретили поддержки у других стран – членов ОДКБ в Центральной Азии.

Узбекистан отказывался участвовать в любых наднациональных структурах, созданных в рамках ОДКБ. Он не подписал ряд ключевых документов о силах и средствах коллективной безопасности – решение по созданию КСОР, положение о порядке реагирования на кризисные ситуации и др. Ташкент также не участвует в деятельности миротворческих сил. Наряду с этим он продолжает искать способы сближения с США. Одним из таких способов явились предложения Ташкента предоставить Вашингтону военную базу в Ханабаде, которым США, хотя они и испытывают трудности в Афганистане, пока не спешат воспользоваться. В 2006 г. между Россией и Узбекистаном был заключён договор о союзнических отношениях. Однако положение статьи 8 этого договора об открытии в Узбекистане российской военной базы так и осталось на бумаге.

В последние годы проводимая Узбекистаном двусмысленная политика начала приносить прямой ущерб деятельности ОДКБ, подрывая единство этой организации и не давая выполнять в полном объёме поставленные задачи. Но, как считают многие эксперты, некоторые акции Ташкента оказались не без пользы. В организации появилось большее осознание необходимости действительной, а не декларативной общности интересов. ОДКБ реально начинает складываться в интегрированную группу с достаточно прочными связями между её участниками. По поводу приостановления своего членства в ОДКБ, авторитетный источник в МИДе республики заявил, что Ташкент, в частности, не согласен «со стратегическим планом ОДКБ на афганском направлении» (хотя не

совсем ясно, что имелось ввиду), а также с планами изменения сотрудничества в рамках блока. МИД России по справедливости назвал эти аргументы «неубедительными».¹² Что касается прессы, то она связала подобную акцию Узбекистана с планами усиления сотрудничества с США и размещения на своей территории американской военной базы. Как считают некоторые специалисты, здесь должны сказать свое слово, прежде всего, экономические и связи с Россией.

Кыргызстан является страной – членом СНГ с наиболее слабой экономикой. Республика практически не располагает собственными энергоносителями, за исключением гидроэнергоресурсов. Запасы нефти незначительны, а запасы природного газа недостаточны для удовлетворения внутренних потребностей. В целом Кыргызстан едва ли способен существовать и развиваться вне системы устойчивых связей с Россией, Казахстаном, Узбекистаном и Китаем в сфере политики, экономики и безопасности. Однако из перечисленных государств только Россия исторически является реальным экономическим и военно-политическим партнёром РК. В республике дислоцируются российская военная авиабаза «Кант», испытательная база противолодочных вооружений ВМФ и сейсмическая станция. Со стороны России налажена военно-техническая помощь и осуществляется подготовка военных кадров. В последние годы Киргизия старалась уравновесить свои отношения с Россией, осуществляя сотрудничество с внешними державами, прежде всего с Китаем и США. После прихода к власти после «тюльпановой» революции нового правительства, некоторые признаки как будто бы свидетельствовали в пользу того, что ситуация изменится.¹³ Однако этого пока не произошло.

Главная ставка нынешним руководством страны делается на балансирование между ведущими игроками в надежде обострить внешнюю конкуренцию и получить экономические и политические выгоды. Нетрудно понять, что такая ставка в конкретных кризисных условиях чревата конфликтными осложнениями. Так, с одной стороны, Кыргызстан заявляет, что Россия остаётся его главным стратегическим партнёром, с другой, пытается критиковать Москву по целому ряду экономических и политических вопросов и, более того, требует существенного увеличения денежной компенсации за использование российских военных объектов на своей территории. В этой ситуации вряд ли можно всерьёз рассчитывать, что РК захочет ликвидировать базу «Манас» за пользование которой США платят Бишкеку от 60 до 80 млн. долл. в год. В результате политика лавирования в отношениях между Москвой и Вашингтоном продолжается. Нынешний президент Кыргызстана А.Атамбаев, ещё накануне президентских выборов, в ноябре 2011 г. заявлял, что военная база США после 2014 г. прекратит своё существование, и подтвердил это на декабрьском саммите ОДКБ 2011 г. в Москве. Однако чёткого определения понятия «военная база» в решениях ОДКБ до сих пор нет, и руководители государств могут достаточно вольно трактовать заключённые соглашения. Так и происходит в случае с Кыргызстаном: официально база «Манас» называется Центром транзитных перевозок. Пока Бишкек не даёт чётких разъяснений по этому вопросу. Более того, 12 июня 2012 г. министерство обороны Киргизии объявило о намерении повысить арендную плату за использование Россией её военных объектов на территории

страны (за исключением авиабазы «Кант», которая работает в интересах ОДКБ). Подобная политика Кыргызстана представляется контрпродуктивной. В частности Москва приостановила процесс перечисления Бишкеку кредита на сумму 106 млн. дол., которым она рассчитывала премировать РК за твёрдую, как казалось, позицию в отношении американской базы.

Таким образом, Бишкек скорее всего выбирает путь, который вряд ли может быть назван оптимальным. Вместо того, чтобы активизировать военно-политическое сотрудничество со странами ОДКБ и получать от них серьёзную компенсацию, он пытается стать на скользкий путь подрыва единства этой организации, ослабляя этим и свою собственную безопасность. Скорее всего помочь в этом случае может более сплоченная позиция ОДКБ, к чему организация и начинает все более определенно склоняться в последнее время. Должная твердость лидера объединения тут способна сыграть немаловажную роль.

С учётом территориальных масштабов, экономического потенциала, запасов нефти и географического положения ключевой державой Центральной Азии является **Казахстан**. В условиях национально-этнических конфликтов, религиозного экстремизма, вероятностного обострения политического кризиса в Киргизии, возможности дестабилизации ситуации в Таджикистане и Узбекистане, активизации наркотрафика, близости Китая, Казахстан не видит иного выхода в области обеспечения собственной безопасности, кроме дальнейшего укрепления экономической и военно-политической интеграции с Москвой. Именно эта задача поставлена в стратегии развития Казахстана до 2030 года. В ней подтверждается намерение «развивать и укреплять доверительные и равноправные отношения с нашим близким исторически дружественным соседом – Россией».¹⁴

В настоящее время российский вектор является важнейшим во внешней политике Казахстана. Между двумя сторонами почти не существует проблем, которые не могли бы быть решены путём конструктивного диалога при учёте взаимных интересов. Ни одна из стран СНГ не имеет столь тесных связей с Россией в области оборонного комплекса как Казахстан. В совместном российско-казахстанском пользовании находится космодром «Байконур» и четыре военных полигона. К тому же 70% продукции 13 казахстанских предприятий, работающих на оборонную промышленность, поставляются в Россию.¹⁵ Основу военно-политических отношений составляет Договор между РФ и РК о военнотехническом сотрудничестве от 28 марта 1994 г.

В последующие годы отдельные пункты этого документа были расширены и дополнены. Россия поставляет в Казахстан вооружение по ценам, равным стоимости оружия для самой российской армии. Военнослужащие из РК обучаются в России на льготных условиях. Результатом данного направления координации стало достижение однотипности в подготовке военных и научных кадров. В сентябре 2008 г. было подписано межправительственное соглашение о реализации программы совместных работ в сфере военно-политического сотрудничества в интересах вооружённых сил РФ и РК на 2008-2012 гг. В первую очередь в рамках программы имелись в виду поставки в Казахстан российских комплексов С-300 и военных самолётов последних поколений. Ещё одним важным направлением военно-политических отношений двух стран явилось при-

граничное сотрудничество. Сторонами ведётся совместная охрана внешних границ. Со времени распада СССР обе стороны официально придерживаются концепции о нерушимости границ, что официально закреплено в Декларации о нерушимости границ, подписанной Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном в 1994 г.

В целом военно-политическое сотрудничество между Россией и Казахстаном имеет под собой реальную почву и в данном контексте военное присутствие России в Казахстане вполне отвечает общему духу двусторонних отношений. Вместе с тем, хотя ряд экспертов утверждают, что Казахстан опасается чрезмерного сближения с Западом, стремящимся упрочить свои позиции в стране, тем не менее в рамках своей многовекторной политики он в известной, правда, пока что в достаточно взвешенной степени осуществляет сотрудничество с ведущими мировыми державами, в том числе и в военно-политической области. Так, поддерживаются контакты как с НАТО в рамках программы «партнёрство ради мира» (казахские политики утверждают, что оно проходит только «в рамках консультационной помощи»),¹⁶ так и с США в области подготовки военных кадров, совместных военных учений, поставок военной техники. Специалисты считают, что в последнее время президенту Казахстана Н.Назарбаеву удалось добиться определённого баланса в отношениях России и США, поставляя в Россию дешёвую нефть, в то же время став для США неотъемлемой частью их борьбы с терроризмом. Казахстан также пытается наладить военно-техническое сотрудничество с Китаем, продавая ему в небольшом количестве некоторые виды вооружения, взамен получая военно-техническую помощь.

В целом можно сказать, что Казахстан, при всех определенных частностях, являет образец честного следования общесоюзнической линии. Это в какой-то мере пример, на который следовало бы равняться.

В условиях повышенной нестабильности в Центрально-азиатском регионе в связи с опасностью усиления терроризма и религиозного экстремизма, особенно после вывода войск США и их союзников из Афганистана в 2014 г., специфическую функцию приобретают отношения России с **Таджикистаном**. Эти отношения до последнего времени развивались по двум ключевым направлениям – в области экономики и в области военно-политического сотрудничества, в рамках которых Россия пыталась создать единое пространство. Но если в области экономики отношения развивались достаточно успешно, то в сфере военно-политического сотрудничества они переживали взлёты и падения, несмотря на то, что Таджикистан постоянно выражал озабоченность по поводу собственной политической стабильности и безопасности.

Как известно, Таджикистан оказался единственной страной СНГ, ничего не получившей при разделе имущества советской армии. Даже границу республики охраняли российские пограничники. 201-ая российская мотострелковая дивизия, дислоцированная в Таджикистане, принимала активное участие в наведении конституционного порядка в республике и оказывала военно-техническую помощь правительственным силам Таджикистана. После завершения гражданской войны в период с 1999 по 2001 гг. на российских предприятиях были отремонтированы радиолокационные станции и зенитно-ракетные комплексы С-

125, которые затем поступили на вооружение частей ПВО Таджикистана. В 2006 г. Москва безвозмездно передала таджикской армии 4 вертолёта МИ-8 и МИ-24, 4 учебно-боевых самолёта Л-39. Через год было добавлено 2 ударных вертолёта, имущество военного назначения, боеприпасы и обмундирование на сумму свыше 50 млн. долл. Всего Душанбе получил от России военной техники и боеприпасов на 1 млрд. долл. В свою очередь Россия получила РЛС в Нуреке, списав за это 241 млн. долл. из долга Таджикистана.¹⁷ В 2005 г. 201-я мотострелковая дивизия официально получила статус военной базы. По мнению экспертов, база нужна обеим странам. Для России она является форпостом её влияния в Центрально-азиатском регионе, а также стабилизирующим фактором, обеспечивающим пророссийскую ориентацию Таджикистана. Вместе с тем, в первую очередь, эта база нужна самому Таджикистану. Как считают компетентные специалисты, её наличие обеспечивает стабильность существующего в Таджикистане политического режима. Вывод российских войск мог бы привести к резкой активизации радикальных исламистов. А сил у нынешней таджикской власти, чтобы самостоятельно с ними справиться, может не хватить. Поэтому, несмотря на обостряющуюся в последние годы критику России в таджикской прессе, вопрос о выводе российской базы руководством Таджикистана официально и не ставится. Зато таджикские власти постоянно выдвигают требования о повышении арендной платы за имеющуюся российскую базу и другие объекты. Всё это не всегда благоприятно отражается на российско-таджикских военно-политических отношениях. В этих условиях весьма обнадеживающим фактором явилась состоявшаяся 2 сентября 2011 г. встреча в верхах в Душанбе между президентом России Д.Медведевым и президентом Таджикистана Э.Рахмоном. Важнейшим достижением встречи с точки зрения Москвы явилось принципиальное решение вопроса о дальнейшем пребывании российской военной базы в Таджикистане, срок действия которой истекает. Новое соглашение должно быть ориентировано на 49 лет, правда, не было сказано на каких условиях это соглашение будет осуществлено.¹⁸ Однако процесс оформления соглашения затянулся. Как отмечается в прессе, Таджикистан выдвинул Москве свыше 20 новых предложений, включающих увеличение материальной компенсации за использование базы до 300 млн. долл. В ответ Россия в июне 2012 г. была вынуждена сделать заявление, что прекращает финансирование базы в связи с неясностью её использования после 2014 г.

Процесс взаимодействия в военно-политической области между Россией и **Туркменистаном** тесно связан с экономическими проблемами. Как известно, Туркменистан является крупнейшим поставщиком газа, и Россия всегда проявляла заинтересованность в его получении. На этой основе в первые годы после провозглашения независимости Туркменистана отношения между двумя странами, в том числе военно-политические, успешно развивались. 31 июля 1992 г. Москва и Ашхабад подписали базовый документ – «Договор о дружбе и сотрудничестве», на основании которого Россия выступила гарантом безопасности Туркменистана. Тогда же был подписан Договор «О совместных мерах в связи с созданием вооружённых сил Туркменистана». На основании достигнутых договорённостей многочисленные части ВВС и ПВО бывших вооружённых сил

СССР, а также подразделения пограничных войск на территории Туркменистана на переходный период (10 лет) оставались под юрисдикцией РФ. Россия также обязывалась выплатить Туркменистану компенсацию за размещение на его территории совместных подразделений. В 1993 г. Москва и Ашхабад подписали бессрочный «Договор о совместной охране государственной границы Туркменистана и статусе российских войск на территории республики». Однако уже с середины 1990 г. отношения между двумя странами начали пробуксовывать. Туркменистан стал чаще дистанцироваться от России, обвиняя ее в нежелании развивать рациональный партнерский диалог (поводы, к сожалению давали и некоторые действия Газпрома). Вектор внешней политики Туркменистана стал смещаться в сторону США, ЕС и Турции. Так, в 1994 г. Туркменистан первым из центрально-азиатских государств принял участие в программе НАТО «Партнёрство ради мира». В конце 1999 г. Ашхабад в одностороннем порядке отказался от заключённых с Россией договоров в военно-политической области.

Признаки изменения к лучшему в подходах Москвы и Ашхабада в отношениях друг к другу стали вновь отмечаться после прихода к власти президента В. Путина в 2000 г. В апреле 2002 г. был подписан новый «Договор о дружбе и сотрудничестве», в начале 2003 г. были подписаны два взаимоувязанных соглашения – о долгосрочном (на 25 лет) экспорте энергоносителей из Туркменистана в Россию и «О взаимодействии в сфере безопасности». Последнее, в частности, предусматривало сотрудничество в борьбе против международного терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, что подразумевало более тесную координацию действий силовых структур России и Туркменистана. Кроме того были определены конкретные задачи по военно-техническому сотрудничеству двух стран. Однако эти договорённости не были практически реализованы из-за возникшего в 2006 г. политического кризиса между Москвой и Ашхабадом, связанного с проблемой двойного гражданства в развернувшейся в Туркменистане кампании по искусственному вытеснению из республики русскоязычного населения.

С приходом в 2007 г. к власти в Таджикистане нового президента Г.Бердимухамедова стало отмечаться возросшая готовность Ашхабада поднять уровень отношений с Россией, в том числе и в военной сфере, развивая в первую очередь военное сотрудничество. Однако новый газовый скандал 2009 г., обусловленный резким сокращением закупок Россией туркменского газа, а также созданием Россией препятствий для поставок туркменского газа в страны ЕС, вновь поставил под вопрос сотрудничество России и Туркменистана в военной области.¹⁹

В целом можно с определённой долей уверенности сказать, что развитие военного взаимодействия двух стран пока не приобрело «второго дыхания», хотя имело для этого достаточные возможности. В условиях преобладания у обеих стран чисто коммерческих подходов к выстраиванию отношений в сферах политики, экономики и безопасности ситуация остаётся не вполне удовлетворительной. От того, насколько России удастся предложить Туркменистану новые формы экономического и энергетического сотрудничества (причём не только газового взаимодействия), увязывая свои геополитические и энергетиче-

ческие интересы с интересами Ашхабада, во многом будет зависеть дальнейшая судьба российско-туркменских отношений, в том числе и в военной сфере.

IV. ОДКБ

Ключевым элементом формирования системы коллективной безопасности стран **Содружества** является многостороннее военно-политическое сотрудничество РФ с партнерами по СНГ и прежде всего в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (**ОДКБ**). Эта организация представляет собой военно-политический союз, созданный 14 мая 2002 г. государствами Евразии путём преобразования Договора о коллективной безопасности, подписанного 15 мая 1992 г. Во время его образования в ОДКБ входили шесть государств – Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь, Армения, Узбекистан. Как было заявлено при создании ОДКБ, её основную задачу составляет защита территориально-экономического пространства стран – участниц совместными усилиями их армий и вспомогательных подразделений от любых внешних агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба.

Наряду с решением вопросов военной интеграции перед ОДКБ также были поставлены более широкие задачи. В частности, она должна была стать инструментом, обеспечивающим экономическую (и политическую) интеграцию и содействующим реализации крупных водно-энергетических и других совместных проектов, в первую очередь, региональных.

За годы своего существования ОДКБ удалось добиться существенных практических успехов. Важнейшим результатом военно-политического сотрудничества государств – членов ОДКБ явилось принятие решений о создании и развитии интернациональных систем безопасности (в Восточно-европейском, Кавказском и Центрально-азиатском регионах), а также систем безопасности ОДКБ в целом. В ходе коалиционного военного строительства в рамках ОДКБ к настоящему времени развернуты объединённые региональные группировки войск (вооружённых сил России и Белоруссии, России и Армении), а также коллективные силы быстрого реагирования (КСБР), обеспечивающие коллективную безопасность. В дальнейшем в этом регионе предусматривается создание объединённой группировки войск. В КСБР входят 10 батальонов вооружённых сил (численностью до 4-х тыс. чел.), из них 5 батальонов предоставляет Россия, по 2 – Казахстан и Таджикистан, 1 – Киргизия. В них также входит российская авиабаза в Киргизии «Кант», где дислоцировано 10 самолётов и 14 вертолётов.

14 июня 2009 г. в Москве состоялся принципиально важный Саммит ОДКБ. Основным пунктом его повестки дня стало соглашение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Как подчеркнул в этой связи Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа, «создание КСОР это не один, а два шага вперёд (в деле обеспечения коллективной безопасности); это фактически создание очень сильного по оснащённости многофункционального потенциала, способного реагировать на любые вызовы и угрозы».²⁰ Действительно, если раньше о КСБР в составе ОДКБ говорили, что они могли бы противостоять,

прежде всего, вторжению, военным или пограничным конфликтам, то КСОР должны быть готовы не только противодействовать названным угрозам, но и пресекать деятельность террористических и экстремистских группировок, наркотрафика и других сил организованной преступности. Поэтому можно говорить не только о военной, но и обо всей силовой составляющей ОДКБ. Для этого в их состав предполагается включить соединения, части, подразделения вооружённых сил специального назначения, аэромобильные подразделения органов внутренних дел, органы безопасности, других спецслужб, а также органы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций всех государств – членов ОДКБ. В рамках принятого решения в Москве был создан штаб, который должен заняться оперативным руководством КСОР. Правда, пока развертывание КСОР совершается недостаточно высокими темпами.

Несмотря на то, что соглашение должно было быть подписано всеми его участниками на основе консенсуса, Белоруссия отказалась участвовать в саммите (по причине разгоревшейся «молочной» войны с Россией). Позднее Минск согласился с решением о создании КСОР, но продолжает утверждать, что Конституция страны не разрешает Белоруссии использовать свои войска за границей.

В свою очередь, Узбекистан подчеркнул, что выступает против использования КСОР для разрешения внутренних конфликтов в странах – членах ОДКБ. В результате, несмотря на опубликованные сообщения о создании КСОР, эта проблема не решена до конца. В частности, не согласованной осталась формулировка применения этих сил. Подобная ситуация уже приводила к прискорбному «невмешательству» в событиях 2010 г. в Киргизии. До сих пор нет окончательного решения о численном и структурном составе КСОР. Действует принципиальное решение: каждое государство – участник ОДКБ выделяет для КСОР по национальному воинскому подразделению (минимум бригада). Однако, учитывая тот факт, что в наше время вооружённые силы не всех стран – членов ОДКБ, в силу различных причин, обладают подобными формированиями, на первом этапе от них будут входить в объединенные контингенты отдельные полки или батальоны. В мирное время они будут находиться в местах своей постоянной дислокации на национальной территории, а в «особое время» будут использоваться в соответствии с решением Совета коллективной безопасности. Применение КСОР – крайняя мера, вводимая в действие только после того как исчерпаны все иные возможности для мирного урегулирования взаимных конфликтов в регионах коллективной безопасности.

Важным вкладом в деятельность ОДКБ явился неформальный саммит, прошедший в декабре 2011 г. в Москве. По итогам московской встречи было подписано 23 документа, нацеленных на совершенствование системы коллективной безопасности и перевооружение особых подразделений сил оперативного реагирования ОДКБ. Участники договорились формировать систему информационной безопасности, а также осуществлять совместные мероприятия по противодействию угрозам и вызовам, идущим из Афганистана. Принято принципиальное решение, согласно которому военные базы третьих стран на территории государств – членов ОДКБ могут размещаться лишь с согласия всех участников ОДКБ.²¹

Вместе с тем надо отметить, что несмотря на ряд достигнутых успехов, считать ОДКБ полноценным военным или военно-политическим союзом все еще было бы преждевременно. Состоящая из резко различающихся по целому ряду параметров, конкурирующих, а иногда и враждующих между собой государств, по-разному понимающих уровень внешних и внутренних угроз, организация сталкивается с целым рядом крупномасштабных проблем. При таком раскладе выстраивать полноценные общие планы по борьбе с угрозами и противодействию вызовам, особенно с участием коллективных воинских формирований, весьма непростое дело. Серьёзную проблему создает и то обстоятельство, что сложность поставленных перед ОДКБ задач значительно превышает достигнутый к настоящему времени уровень сотрудничества и военно-политической интеграции.²²

Не определившись с дальнейшей эволюцией и не сложившись до конца как полноценный военный блок, ОДКБ стремится представить себя как универсальную организацию по обеспечению региональной безопасности. Это трудновыполнимая задача. Ценность ОДКБ – как раз в том, что эта организация на постсоветском пространстве должна быть единственной специализированной организацией безопасности, не имеющей дополнительных измерений (экономика, культура и т.д.). Именно в таком виде она имеет реальный смысл. Превращение в универсальную структуру приведет к снижению ее эффективности.

Кроме того, если ОДКБ претендует на роль организации коллективной безопасности, она должна делать акцент на развитие политических компонентов и, главное, работать с конфликтами на территории стран-участниц, заниматься предконфликтным мониторингом, развивать арсенал предупредительных мер и санкций, организовывать переговорный процесс. «Соглашение о миротворческой деятельности» и другие соглашения получают реальный смысл, когда и если ОДКБ возьмёт ориентир на коллективное посредничество, хотя бы на территории стран-членов ОДКБ.

Ещё одним важнейшим аспектом укрепления позиций ОДКБ послужило бы её международное признание, в том числе налаживание сотрудничества с НАТО. До сих пор этому противодействуют США, подчёркивающие что «возможность сотрудничества ОДКБ – НАТО усилила бы влияние России в Центральной Азии».²³ России необходимо найти аргументы, доказывающие, что ОДКБ является инструментом, обеспечивающим не только безопасность России, но и коллективную безопасность в Центральной Азии.

Несомненно, приостановление членства Узбекистана в ОДКБ – негативный сигнал. Пока линия ответных действий со стороны ОДКБ ещё не до конца сформирована, однако уже имеется заслуживающий внимания набор оценок отдельных специалистов. В частности, отмечается, что действия Узбекистана могут подстегнуть аналогичные тенденции в Кыргызстане и затянуть процесс подписания нового Договора о российской базе в Таджикистане. Вряд ли это произойдёт, поскольку обе страны опасаются Узбекистана и нуждаются в обеспечении своей безопасности со стороны ОДКБ. Как считают серьёзные эксперты, учитывая уже достигнутые результаты, мощь ОДКБ не ослабнет в результате действий Узбекистана. Желательно, однако, создать более жёсткую структуру, в рамках которой участники ОДКБ должны нести полную собственную от-

ветственность за происходящие события. В частности, требования и претензии отдельных стран к России должны обсуждаться не в рамках двусторонних переговоров, а коллективно с принятием по ним общих решений.

* * *

Подводя итоги, отметим, что пока, хотя и с большими издержками, удаётся обеспечивать минимальную безопасность на постсоветском пространстве. Однако в связи с обострением старых и появлением новых вызовов, связанных с меняющейся внешней политикой стран - партнёров, активизацией деятельности внешних держав на территории СНГ, трансформацией американского присутствия в Афганистане и т.д., необходим поиск новых средств сохранения военно-политического партнёрства при обязательном, в том числе и со стороны России, совершенствовании и традиционных форм внешнеполитического сотрудничества. ОДКБ предстоит преодолеть практику декларативного оформления двусторонних отношений России со своими партнёрами; России следует отказаться от политики «полного невмешательства» в конфликты стран-партнёров друг с другом. Свои отношения с каждой из стран Россия должна строить так, чтобы оказывать умиротворяющее воздействие на соседние страны. Она уже в силу своей возросшей мощи обязана взять на себя основную тяжесть усилий по недопущению со стороны внешних держав неконструктивного влияния на ситуацию, складывающуюся на территории СНГ. Москва должна использовать все доступные ей средства для того, чтобы сделать образ России достаточно привлекательным, лишив всяких оснований обвинение её в «имперских амбициях».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российская газета. 19.05.2009; Российская газета. 10.02.2010.

² Цыганок А.Д. Военно-стратегическое сотрудничество России и Беларуси / Фонд стратегии Культуры. Аналитический центр по актуальным вопросам мировой политики. 04.02.2012.

³ Там же.

⁴ Цветков В.А. Место и роль России на постсоветском пространстве // Пространственная экономика. 2011. №1. с. 51.

⁵ Там же. с. 52–53.

⁶ Новая редакция военно-политической доктрины Украины // Newsru.ua. 09.06.2012.

⁷ Независимое военное обозрение. 27.02.2012.

⁸ Независимая газета. 12.04.2012.

⁹ РИА-Новости. 26.06.2011.

¹⁰ Адашев А. Внешний фактор на Кавказе и отношения Россия – Армения // Единое отечество. 23.10.2012. с. 24-32.

-
- ¹¹ Независимая газета. 20.06.2012.
- ¹² Lenta.ru. 29.06.2012.
- ¹³ Парамонов В. Сегодня – Кыргызстан, а завтра – Россия?... // Военно-промышленный курьер. 02.02.2012. с. 12-14.
- ¹⁴ <<http://www.regnum.ru/news/polit1428861.html>>.
- ¹⁵ Актюбинский вестник. 11.11.2011. с. 32-38.
- ¹⁶ Вести. 12.10.2010.
- ¹⁷ Старчак М.В. США vs Россия в сотрудничестве с Таджикистаном в военно-политической области // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №3. с. 20-35.
- ¹⁸ Визит Д.А.Медведева в Душанбе: нелегкие переговоры Рахмона и Медведева // Новости СНГ. 01.09.2011.
- ¹⁹ Strannic. 30.03.2011. с 8; <<http://www.newsland.ru/news/detail/id/666410/>>.
- ²⁰ Русские новости. 01.06.2012.
- ²¹ Независимое военное обозрение. 21.11.2011.
- ²² Вести. 30.06.2011.
- ²³ Фергана.ру. 06.04.2012.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО СДЕРЖИВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАРАБАХСКОЙ ПРОБЛЕМЫ)

Еще два века назад Карл Клаузевиц дал достаточно емкое определение того, что ныне принято обозначать термином сдерживание: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение... Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир».¹

Теоретическая база исследований в сфере проблем сдерживания насчитывает множество научных и научно-практических публикаций, особенно в англоязычной литературе. Можно даже утверждать, что в течение полувекового периода холодной войны ни одна из отраслей исследований в сфере безопасности или теории международных отношений не получила такого широкого распространения, как сдерживание. Развитие данной теории связано с именами таких «классиков жанра», как Бернард Броди, Генри Киссинджер, Томас Шеллинг, Герман Кан, Джон Миршеймер, Патрик Морган, Лоуренс Фридман, Самуэль Хантингтон, а также со становлением и развитием таких всемирно известных аналитических центров, как РЭНД-Корпорейшн, Фонд Карнеги, СИПРИ, Международный институт стратегических исследований, ИМЭМО и ИСК РАН.

Отмечая научно-практическое значение теории сдерживания, российский ученый-международник Сергей Караганов подчеркивает, что названная концепция «фактически является одной из основ теории международных отношений; теория сдерживания применима как к отношениям между государствами, так и к отношениям внутри общества, к отношениям даже между людьми».² После завершения холодной войны теория сдерживания приобрела во многом новый смысл и содержание. Заметно смещение с уровня тематики стратегического ядерного сдерживания в сторону более востребованных теорий сдерживания с помощью обычных вооружений (т.е. конвенционального сдерживания), а также их применения к региональным, а не глобальным системам безопасности.

Проблематика сдерживания в региональных конфликтах представляет несомненный практический интерес, одновременно требуя специфического конкретного преломления. Для анализа возможности практического использования сдерживания при проецировании на региональные конфликты необходима прежде всего особая типология и классификация ее составляющих элементов. Такой подход позволяет лучше понять механизм функционирования и специфические особенности применяемых средств.

Проблематика конвенционального сдерживания применительно к карабахскому конфликту в целом освещалась в ряде работ автора.³ В данной статье задачей ставится более детальный анализ основных компонентов и комплекса структур и механизмов эффективной реализации конвенционального сдерживания при проецировании на ситуацию карабахского конфликта.

I. Типологические подходы

Основываясь на богатом теоретическом инструментарии, учеными-международниками и специалистами по стратегическим исследованиям выработана достаточно стройная и многогранная типология военно-политического сдерживания. Хотя, как и в большинстве теорий в рамках общественно-политических наук, однозначного консенсуса у специалистов по данной типологии не существует, в основном речь идет о следующих основных категориях:

- в соответствии с *сущностью сдерживания* - ядерное, с использованием иных видов ОМП – химического и бактериологического оружия, или же на основе обычных вооружений – т.е. конвенциональное сдерживание;
- в соответствии с *определением субъекта сдерживания и/или распространением обязательств* - «узкое» («минимальное») и «расширенное» сдерживание;
- в соответствии с *динамикой и временным охватом сдерживания* - «общее» и «непосредственное» («ситуативное») сдерживание по *характеру реализации угроз* - «сдерживание наказанием» и «сдерживание лишением».

В соответствии с *сущностью* (или иными словами - «материальной основой» реализации возможных угроз), военно-политическое сдерживание теоретически мыслимо как ядерное; с применением других видов ОМП (химического и бактериологического) или же обычных вооружений (*конвенциональным*). В период холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав основной упор в исследованиях и практике сдерживания делался на сдерживающий потенциал ядерного оружия. Однако примерно с 1980-х гг. и после окончания холодной войны все большее значение стала приобретать концепция сдерживания обычными (конвенциональными) вооружениями. Особую актуальность она стала получать применительно к региональным конфликтам. Очевидно, что в ситуации карабахского конфликта и без вовлечения внешних акторов – ядерных сверхдержав, речь может идти именно о конвенциональном сдерживании.

В соответствии с *определением субъекта сдерживания и/или распространением обязательств по его реализации*, сдерживание может характеризоваться как «узкое» (иногда оно еще называется «минимальное») и «расширенное». «Узкое» сдерживание непосредственно касается обеспечения безопасности и интересов самой сдерживающей стороны, тогда как «расширенное» сдерживание применяется в ситуации, когда военно-политические гарантии и обязательства сдерживания распространяются также на другую страну (группу стран). Последний период холодной войны (примерно с 1960-х гг.) концепция «расширенного» сдерживания была одной из фундаментальных основ военно-политического планирования НАТО. Соединенные Штаты распространяли свои «ядерные гарантии», как составной элемент глобального ядерного сдерживания, также и на европейских членов Альянса. Аналогично, США распространили принципы расширенного сдерживания и в Азиатско-Тихоокеанском

регионе, в отношении Японии и Южной Кореи. Достаточно схожими были и подходы бывшего СССР по распространению «гарантий безопасности» в отношении своих союзников по ОВД.

Исходя из указанной типологии, в карабахском конфликте мы сталкиваемся со смешанным вариантом сдерживания. С одной стороны, очевидно, что имеет место ситуация «расширенного» сдерживания. Республика Армения в своих основных концептуальных документах в сфере безопасности и обороны – Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине и др., зафиксировала четкие обязательства перед Нагорно-Карабахской Республикой, как гарант ее безопасности и представитель интересов НКР на международной арене. Таким образом, возникает ситуация «расширенного» сдерживания – Армения своими военно-политическими гарантиями сдерживает Азербайджан от возобновления боевых действий против Нагорного Карабаха. Одновременно с этим Армения осуществляет сдерживание в отношении того же Азербайджана применительно к себе, поскольку военно-политическое руководство Азербайджана неоднократно заявляло о готовности нанести военные удары по всей территории Армении.⁴ В данном случае очевидна ситуация «минимального» или «узкого» сдерживания, когда Армения реализует политику сдерживания для противодействия вероятной агрессии со стороны Азербайджана (частично – и Турции). Наконец, в свою очередь сама Армения является также бенефициарием «расширенного» сдерживания, с учетом распространения на нее военных гарантий безопасности со стороны России и ОДКБ.

В соответствии с параметрами динамики и временного охвата, сдерживание может подразделяться на «общее» и «непосредственное» («ситуативное»). Первое подразумевает совокупность военно-политических мер по парированию фундаментальных угроз от развязывания прямой военной агрессии. «Общее» сдерживание, как правило, не имеет временных рамок, осуществляется непрерывно и с учетом долговременного стратегического планирования. Исходя из этого, уместно применительно к нему использовать также термин «стратегическое» сдерживание.

Примером «общего» сдерживания является долговременная реализация Арменией и Нагорным Карабахом (как минимум – после заключения перемирия в мае 1994 г.) политики сдерживания перманентно воспроизводимых уже второе десятилетие угроз со стороны Азербайджана возобновить боевые действия в зоне карабахского конфликта. Необходимостью реализации «общего» сдерживания обусловлены нынешний формат военно-политического сотрудничества Армении на двустороннем и многостороннем уровнях, членство страны в международных организациях и военно-политическом блоке ОДКБ, номенклатура закупок вооружений и военной техники (ВВТ), дислокация вооруженных сил и военных объектов, цели и задачи осуществления военных реформ и военного строительства.

«Общее» сдерживание в случае карабахского конфликта напрямую сопрягается с действием фундаментальных (перманентных) процессов, связанных с общей логикой развития конфликта, переговорного процесса и вовлечения мирового сообщества. Данного рода фундаментальные процессы в карабахском конфликте связаны, в первую очередь, с действиями и подходами кон-

фликтующих сторон и государств-посредников. Они характеризуются общим форматом переговорного процесса и/или попытками его изменения (например, Минская группа ОБСЕ), посредническими инициативами международного сообщества (т.н. «Мадридские принципы», являющиеся основным переговорным документом по общим рамкам достижения возможного окончательного урегулирования), отношением к ситуации сохраняющегося статус-кво и гонкой вооружений (попытками изменить военно-политический баланс), внутривнутриполитическими процессами и готовностью элит и обществ конфликтующих сторон к уступкам/взаимным компромиссам.

Представляется, что на нынешнем этапе наиболее актуальной темой практического анализа на уровне фундаментальных процессов являются перспективы и формат переговорного процесса, в том числе дальнейшая судьба Мадридских принципов. Данная тематика актуализировалась на фоне укрепления статус-кво в зоне конфликта, в частности, после неудачной попытки сопредседателей «продавить» Мадридские принципы в ходе трехсторонних саммитов президентов Армении, Азербайджана и России в Казани в июне 2011 г. и в Сочи в январе 2012 г. Как представляется, дальнейшая фиксация и заморозка облегчает реализацию армянскими сторонами «общего» силового сдерживания в карабахском конфликте, в силу совпадения интересов армянских сторон, стран-сопредседателей МГ ОБСЕ и подавляющего большинства международного сообщества в вопросе недопущения возобновления боевых действий в карабахском конфликте на обозримую перспективу.

Важным элементом, напрямую сопрягающимся с реализацией «общего» военного сдерживания, является вопрос его сопряжения с политико-дипломатическим сдерживанием (*containment*)⁵. Более полувека назад один из основоположников теории сдерживания Бернард Броди дал весьма интересное определение сущности политико-дипломатического сдерживания: «политику, направленную на защиту всего того, что у нас есть, называют политикой или стратегией «сдерживания».⁶ В теории сдерживания очень трудно отметить ту грань, где кончается сдерживание военно-политическими методами (*deterrence*) и начинается политико-дипломатическое сдерживание (*containment*). Особенно это касается роли военно-политических союзов и вовлечения третьих стран в конфликтное урегулирование, режимов контроля над вооружениями, поддержания регионального военного паритета, т.е. политико-дипломатического обеспечения эффективности силовой составляющей на уровне «общего» или «стратегического» сдерживания.⁷

В свою очередь, «непосредственное» или «ситуативное» сдерживание возникает в форс-мажорных ситуациях, накануне или в период кризисов. Как отмечает разработчик данной классификации Патрик Морган, когда вероятный противник «планирует или уже готовится к нападению» или же необходима четкая реакция, чтобы развеять сомнения противника в степени решимости и состоятельности угроз сдерживающей стороны – именно тогда и включаются механизмы «ситуативного» сдерживания⁸. «Ситуативное» сдерживание также реализуется в случае возникновения форс-мажорных ситуаций регионального уровня, когда внешние факторы и акторы оказывают такое влияние непосред-

ственно на военно-политическую обстановку или военный баланс в зоне конфликта, которое способно снизить действенность «общего» сдерживания.

Элементами «непосредственного» сдерживания в кризисных ситуациях могут быть: эффективная «сигнализация» (военные парады, учения в непосредственной близости от зоны конфликта), демонстративные приобретения новых видов ВВТ, инициирование соответствующей реакции союзных государств и международных организаций, полная или частичная мобилизация, введение чрезвычайного положения и т.д. «Ситуативное» сдерживание в определенных рамках может включать в себя и непосредственные силовые акции в виде ответных карательных действий ограниченного/пропорционального масштаба для парирования попыток прощупывания решимости сдерживающей стороны. Наглядными примерами реализации армянскими сторонами механизмов «ситуативного» сдерживания могут являться:

- операция частей Армии обороны НКР у села Леонарх Мартакертского района в ночь с 3 на 4 марта 2008 г., удержавшая азербайджанское военно-политическое руководство от искушения интерпретировать поствыборные события в Армении как удобный повод для начала боевых действий;

- «акции возмездия» карабахских войск в августе - сентябре 2010 г. и масштабные учения в непосредственной близости от линии фронта осенью того же года с участием президентов Армении и НКР, (предотвратившие намеренную эскалацию напряженности на линии фронта после диверсионной акции азербайджанских войск на мартакертском направлении в ночь на 18 ноября 2010 г.;

- события начала июня 2012 г. на северо-восточном отрезке границ Армении с Азербайджаном, когда в ответ на операцию азербайджанской армии против передовых частей армянских пограничников последовали ответные действия армянских войск сразу в нескольких направлениях. В результате, в течение всех последующих летних месяцев на данном участке армяно-азербайджанской границы не было зарегистрировано более ни одного серьезного инцидента.

II. Арсенал средств

Типологическое «расщепление» сдерживания на «общее» и «ситуативное» не является искусственным интеллектуальным «продуктом», наоборот – оно стало результатом глубоких теоретических разработок в рамках общей теории сдерживания. К концу 1970-х гг., учеными был выявлен т.н. парадокс сдерживания, когда повышение реалистичности и убедительности взаимного сдерживания в противостоянии ядерных сверхдержав одновременно повысило риск войны. Концептуальное деление на два типа сдерживания позволило избежать данного противоречия⁹.

В соответствии с *характером реализации угроз «возмездия»* и согласно фундаментальной классификации Глена Снейдера, выделяется два основных типа сдерживания: *сдерживание наказанием* и *сдерживание лишением*¹⁰. Первый тип был особенно актуален для ядерного биполярного противостояния сверхдержав в период холодной войны. Он предполагал нанесение противнику

(его территории, населению, промышленности, инфраструктуре) неприемлемого ущерба ракетно-бомбовыми ударами в случае инициирования агрессии, вне зависимости от самого исхода боевых действий. Предполагалось, что, просчитав все возможные издержки от ответного удара возмездия, вероятный противник откажется от идеи инициации военных действий.

Сдерживание наказанием было и остается основным содержанием теории и практики ядерного сдерживания, концептуальной базой т.н. *противоценностной стратегии* (направленной против важнейших гражданских и промышленных объектов, а также военно-политического руководства противника). В последние десятилетия *сдерживание наказанием* стало актуальным и применительно к конвенциональному сдерживанию, когда наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к «катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы». ¹¹ В первую очередь, речь идет о появлении на вооружении даже небольших стран, вовлеченных в региональные конфликты со своими соседями и/или влиятельными внешними акторами, высокоэффективных крупнокалиберных реактивных систем залпового огня (РСЗО), тактических и оперативно-тактических ракетных комплексов, других типов ракетно-артиллерийского вооружения.

Следовательно, при анализе ситуации вокруг карабахского конфликта, так же как и при планировании американскими и советскими стратегами ядерного сдерживания времен холодной войны, основными целями конвенционального *сдерживания наказанием* будут являться не столько вооруженные силы и военные объекты вероятного противника, сколько инфраструктурные и промышленные предприятия, а также военно-политическое руководство. Очевидно, что в случае с Азербайджаном, приоритетными целями *противоценностной стратегии* армянских сторон будут являться в первую очередь объекты промышленной добычи и переработки энергоресурсов, пути их транспортировки и сопутствующая инфраструктура. В арсенале как вооруженных сил Республики Армения, так и карабахских войск находится значительное количество РСЗО крупного и среднего калибра (300-мм 9А52 «Смерч» и 220-мм 9К57 «Ураган» советского/российского производства, 283-мм WM-80 «Тайфун» китайского производства), а также оперативно-тактических ракетных комплексов 9К72 «Эльбрус» (с дальностью стрельбы до 300 км и более известных по натовской классификации как «Scud-B») и тактических ракетных комплексов 9К79-1 «Точка-У» (с дальностью стрельбы до 120 км). ¹²

В основе другого типа сдерживания – *сдерживания лишением* – лежит идея убеждения вероятного противника в том, что, если на предыдущем этапе *сдерживание наказанием* окажется неэффективным и он (невзирая на ущерб от возможного возмездия) решится прибегнуть к военным действиям, он столкнется с таким сопротивлением, что не сможет добиться успеха и достичь своих военно-политических целей. Данный тип сдерживания *априори* наиболее применим к конвенциональному сдерживанию, хотя и в ядерном сдерживании он лежал в основе стратегии «контрсилового удара», ¹³ т.к. к исходу холодной вой-

ны и в США и в СССР пришли к выводу, что в силу громадной поражающей мощи ядерное оружие фактически превратилось из средства ведения войны в политический инструмент сдерживания.

В постбиполярный период *сдерживание лишением* получило новое развитие, особенно в региональных конфликтах и во многих случаях даже приобрело характер превалирующего. В отличие от ядерного, конвенциональное сдерживание не концентрируется преимущественно на ракетно-бомбовом потенциале с целью нанесения неприемлемого ущерба экономическому, демографическому и политическому выживанию противника. В виду относительно меньшей поражающей силы обычных вооружений, конвенциональное сдерживание имеет тенденцию акцентироваться больше на военно-технических аспектах снижения наступательного потенциала противника. Речь идет о способности сдерживающей стороны нанести неприемлемый ущерб наступательному военному потенциалу вероятного противника, лишив страну-инициатора надежды на быстрый блицкриг и тем самым удержав ее от развязывания новой войны.

Отметим также то обстоятельство, особо актуальное при нынешнем военно-техническом балансе в карабахском конфликте, что наличие у обороняющейся/сдерживающей стороны в достаточном количестве высокоточного управляемого вооружения «поля боя» играет решающую роль в «увеличении трудностей для атакующей стороны в реализации ее стратегии блицкрига».¹⁴ Важным элементом *сдерживания лишением* в карабахском конфликте является также наличие эшелонированных фортификационных укреплений вдоль линии соприкосновения. Такой метод способен значительно усложнить для потенциального инициатора возможность стремительных наступательных действий.

Другая особенность «сдерживания лишением» заключается в самом феномене войны, рано или поздно проходящей свою «кульминацию» и приводящей к переосмыслению первоначальных интересов и приоритетов, в соответствии с которыми страна-инициатор начала боевые действия. Как отмечает современный военный теоретик Эдуард Люттвак, «война может стать началом мира благодаря полной победе одной стороны над другой, или из-за полного истощения обеих, или (чаще всего) потому, что конфликт целей, изначально вызвавший войну, разрешился в силу преобразований, которые сама война несет с собою. Пока сражения продолжаются, ценность всего того, что можно завоевать или защитить, пересматривается в соответствии с ценой, уплаченной кровью, деньгами и страданиями, причем амбиции, мотивировавшие войну, ослабляются или вовсе упраздняются в первую очередь».¹⁵ Соответственно, чем более кровопролитными и чем более длительными будут инициированные противником боевые действия, тем больше шансов на эффективную реализацию «сдерживания лишением». Оно способно, если не предотвратить военную угрозу, то во многих случаях заставить противостоящую сторону отказаться от своих первоначальных намерений ввиду изменившихся приоритетов и интересов под влиянием прогнозируемых больших материальных и людских потерь и политических издержек.

Естественно, приведенный перечень не является полным, с учетом постоянного развития теории сдерживания (например, новых концепций «ком-

плексного», «динамичного» или «совершенного» сдерживания или актуализация роли рациональности в теории сдерживания).¹⁶ Однако воздержимся от дальнейшей детализации, тем более, что даже базовый охват основных параметров сдерживания вполне позволяет проецировать его на практику карабахского конфликта. Более целесообразной представляется классификация основных составных элементов и механизмов реализации, присущих практически всем типам сдерживания.

III. Механизмы реализации

Структурно реализация политики сдерживания подразумевает наличие трех основных составляющих элементов:

- *Потенциал сдерживания* (в первую очередь, в виде военно-технической компоненты его реализации);
- *Реалистичность и убедительность сдерживания* (наличие политической воли и решимости реализовать декларируемые угрозы в случае провала сдерживания);
- *Эффективность сигнализации* (возможность коммуникации с вероятным противником для донесения до него информации относительно двух предыдущих элементов сдерживания).

Как отмечал Бернард Броди, «максимально возможное сдерживание может требовать потенциал для достижения полной победы в войне, однако даже намного меньшие силы могут обладать значительной сдерживающей ценностью». ¹⁷ Очевидно, что для реализации эффективного конвенционального сдерживания в карабахском конфликте армянским сторонам необходимо наличие значительного и боеспособного военно-технического *потенциала*. Этот потенциал должен включать в себя две взаимосвязанные составляющие: 1) наличие крупнокалиберных РСЗО, оперативно-тактических и тактических ракетных систем дальнего и среднего радиуса, других средств дальнего поражения для нанесения ударов по чувствительным целям в глубине территории вероятного противника (*сдерживание наказанием*)¹⁸ и 2) эффективный арсенал оборонительных систем «поля боя» для недопущения достижения вероятным противником быстрой и убедительной победы.

Важнейшей характеристикой любого типа сдерживания, будь то ядерное или же сдерживание обычными (конвенциональными) видами (ВВТ), является также вопрос ее *убедительности*, или, иными словами, осознания вероятным противником неотвратимой реалистичности возмездия. Как отмечал французский военный теоретик Пьер Галлуа, «любая сторона тем скорее откажется подвергать себя риску войны, чем более подготовленным и решительным будет представляться ей противник». ¹⁹ Сдерживание «работает» лишь тогда, когда в представлениях военно-политического руководства сдерживаемой страны есть осознание того, что силовой потенциал противника способен нанести непоправимые потери при инициировании боевых действий и/или не позволит достичь поставленных оперативных задач.

Особо отметим, что отличие конвенционального сдерживания от ядерного в том, что последнее предполагает убеждение противника в необходимости воздержаться от определенного рода действия/бездействия взамен на альтернативу «взаимного самоубийства», тогда как при конвенциональном сдерживании, каким бы военным потенциалом ни обладала сторона, реализующая данную политику, у инициатора развязывания боевых действий всегда может существовать «окно сомнений». В результате даже в случае ответного удара возмездия у него может остаться надежда на достижение своих политических целей военными средствами. Таким образом, порог применения конвенционального сдерживания ниже, следовательно – убедительность его применения выше, чем у ядерного.

В расчетах военно-политического руководства Азербайджана важную роль играет ставка на инициирование гонки вооружений и ее использование в качестве одного из ключевых ресурсов давления и угроз. Расчет делается на кажущиеся рациональными надежды на использование нефтяных доходов для раскручивания гонки вооружений и изменения военного баланса. При этом упускается из виду то обстоятельство, что сохраняющийся количественный военно-технический баланс в зоне конфликта зависит не только от финансовых возможностей сторон, но и от позиций/вовлеченности влиятельных внешних акторов. Между тем расстановка сил и факторов этого плана не дает оснований для подобных предположений.

Не углубляясь в детальный анализ военно-технического баланса в карабахском конфликте, отметим, что за последнее время, несмотря на масштабные закупки Азербайджаном различного типа вооружений и военной техники (ВВТ), развитие им собственного ВПК и многомиллиардные затраты на военные цели за счет доходов, получаемых от продажи каспийских энергоресурсов, военно-техническое равновесие существенно не изменилось. Ни по одному из основных видов ВВТ (за исключением боевых самолетов и ударных вертолетов) у Азербайджана нет вожделенного подавляющего преимущества. А в то же время количественное преимущество Азербайджана в авиации в значительной мере компенсируется наличием достаточно мощной по масштабам региона и более многочисленной армянской ПВО, сопряженной с региональной системой ПВО СНГ/ОДКБ. Кроме того, непосредственную защиту воздушного пространства Армении существенно усиливает наличие на вооружении 102-й РВБ двух дивизионов ЗРК-300В в Гюмри и эскадрильи истребителей-перехватчиков МиГ-29, дислоцированных на аэродроме в Ереване.²⁰

Такого рода ситуация во многом объясняется тем, что одна из важнейших особенностей региональной гонки вооружений в зоне карабахского конфликта заключается в том, что она является паритетной и асимметричной. Военный паритет поддерживается приобретением одной из сторон преимущественно т.н. «оружия противодействия» (например, в ответ на закупки Азербайджаном боевых самолетов, ударных вертолетов или бронетехники, армянская сторона ставит на вооружение менее дорогостоящие системы ПВО или ПТУР) или же за счет льготных поставок вооружения страной-союзником или в рамках членства в военно-политическом блоке ОДКБ. В ходе нынешнего этапа милитаризации региона с одной стороны участвует использующий свои доходы от продажи

энергоресурсов Азербайджан, а с другой – Армения и Нагорный Карабах, с молчаливого согласия США и ЕС получающие «компенсирующие» или «паритетные» трансферты вооружений преимущественно из России или в рамках структур ОДКБ.

Военный баланс, естественно, является важным элементом реализации эффективного сдерживания. Однако он лишь один (и далеко не единственный) во многом элементов сдерживания, что было многократно продемонстрировано, например, опытом холодной войны. Более важным является баланс/дисбаланс интересов и мотиваций сдерживающей и сдерживаемой сторон. В теории сдерживания, как и в активно разрабатываемой и актуальной в настоящее время теории ассиметричных конфликтов, мы сталкиваемся с феноменом, когда численно уступающие стороны зачастую побеждают (или навязывают свою волю) количественно превосходящих.²¹ Проблема применимости количественных параметров до конца не решена и в военной теории, которая не содержит «удовлетворяющих практику количественных законов, имеющих адекватное математическое выражение, необходимое для точного прогнозирования хода вооруженной борьбы».²²

В данном случае проявляется феномен *асимметрии мотиваций*, зачастую более эффективно реализуемой, чем *асимметрия потенциалов*. Как указывает американский теоретик ассиметричного конфликта Айванн Аррегин-Тафт, «силовая асимметрия объясняет асимметрию интересов... Сильные акторы имеют меньший интерес к победе, т.к. их собственное выживание не является ставкой в конфликте. С другой стороны, слабые акторы имеют повышенную мотивацию к победе, т.к. только победа обеспечивает их выживание».²³ Таким образом, в карабахском конфликте важным фактором убедительности сдерживания армянских сторон является т.н. *асимметрия мотиваций*, более значительная, чем у Азербайджана. Победа или поражение в вероятной новой войне для Армении и тем более для Нагорного Карабаха являются вопросом самого выживания их государственности.

Другим фактором, повышающим убедительность армянского сдерживания является наличие успешного исторического прецедента готовности пойти на крайние издержки для сохранения имеющихся политических достижений в карабахском конфликте. В политической науке схожая ситуация рассматривается в рамках теории т.н. «повышающейся репутации» (*theory of reputation-building*).²⁴ Этот феномен был наглядно продемонстрирован способностью армянских сторон выдерживать тяготы конфликта в условиях войны 1991-1994 гг. и двух десятилетий сохраняющегося статус-кво.

Убедительность, а следовательно, и успех сдерживания, во многом зависят от эффективности *сигнализации* и возможности донесения до вероятного противника реальной информации о степени решимости и силовом потенциале сдерживающей стороны. Сигнализация в реализации сдерживания может принимать различные формы – от проведения масштабных учений и демонстраций новой военной техники до праздничных парадов или парламентских и общественных обсуждений с целью фиксации верхней планки своих политических подходов в конфликте. Сигнализация является одним из самых чувствительных для вероятного противника элементов политики сдерживания. Эффективная и

наглядная демонстрация потенциала и решимости сдерживающей стороны расшатывает аргументацию одного из важнейших ресурсов сдерживаемого – убежденности (зачастую преувеличенной) в собственной мощи и способности изменить сложившийся статус-кво. Соответственно, реакция на эффективную реализацию сигнализации у вероятного противника иногда может принимать непропорционально эмоциональные и неадекватные формы.²⁵

IV. Стратегическая перспектива

Государства преднамеренно начинают войны только тогда, когда полностью уверены в своем успехе, основываясь на благоприятном военном балансе и благожелательных внешнеполитических ожиданиях, а не исходя лишь из собственного желания. Если же ни один из этих двух факторов не срабатывает, обычно действуют механизмы сдерживания, препятствующие возобновлению войны. Соответственно, сдерживание в карабахском конфликте основывается на двух основных элементах:

- сохраняющемся военно-техническом балансе (включающем также фактор географически удобной для обороны конфигурации фронта с эшелонированной линией фортификационных укреплений) и более благоприятном для Армении формате военно-политического вовлечения третьих сторон (членство в ОДКБ и расширенные с августа 2010 г. военные обязательства со стороны России);

- однозначного консенсуса со стороны международного сообщества в вопросе недопущения возобновления боевых действий, повышающего политическую степень ответственности вероятного агрессора в случае их инициирования.

Специфика динамики в соотношении силовых факторов в зоне карабахского конфликта по итогам двух десятилетий не позволила изменить качественный (а по некоторым параметрам также и количественный) военно-технический баланс между конфликтующими сторонами. По существу она лишь закрепила пусть даже хрупкий, но от этого не менее долговременный статус-кво, обеспечивающий армянским сторонам (при молчаливом согласии международного сообщества) реализацию эффективного конвенционального сдерживания.

Естественно, что сдерживание, как и любая военно-стратегическая теория и реализуемая на практике политика, кроме очевидных преимуществ, имеет также свои недостатки и уязвимые стороны. Политика сдерживания не может быть статичной и должна постоянно развиваться, чтобы оставаться эффективной, способной действительно «сдерживать» вероятного противника, утратить его возможными потерями и заставить отказаться от своих намерений. В частности, на эффективность сдерживания в ситуации карабахского конфликта могут повлиять кардинальные изменения военно-технического баланса, степени рациональности принимающих политические решения лидера противоположной стороны, геополитического контекста, внутривнутриполитической ситуации и общественных настроений.

У сдерживания также есть собственные концептуальные ограничения. В частности, серьезной проблемой при оценке эффективности политики сдерживания является то, что ее успех зачастую проявляется именно в том, что «ничего не произошло».²⁶ Очень сложно прояснить, явился ли отказ сдерживаемой стороны от своих намерений результатом осознания издержек от реализации своих же шагов или же в успехе сдерживания сыграли роль другие факторы.

Применительно к карабахскому конфликту это означает, что армянским сторонам практически нереально убедить (и заставить признаться) противоположную сторону, что не возобновление военных действий происходит именно в результате эффективной реализации сдерживания. И скорее всего в этих кругах не захотят признать и то, что комбинация иных факторов (позиция внешних акторов, расчет на долгосрочный эффект экономической блокады или даже «миролюбивое и проявление доброй воли» азербайджанского руководства) не является более существенным препятствием к возобновлению войны, чем реальное военно-стратегическое сдерживание. Здесь возникает необходимость соответствующего просветительского воздействия на собственную общественность и массовую аудиторию.

Конечно, очень серьезным концептуальным изъяном сдерживания и в данном случае является то, что оно не способно решить проблему урегулирования конфликта. Сдерживание «лишь» содействует выигрышу времени посредством замораживания конфликтности. Но это достижение никак нельзя преуменьшать. Обстановка мира и стабильности, пусть не достаточно надежной, которую такой статус обеспечивает, работает на общее утверждение мира и укрепление безопасности в долговременном плане, что крайне важно не только в национальном – и весьма трудном региональном -- но и в общемировом, стратегическом аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клаузевиц К. О войне. М., 2007, с. 44

² Караганов С. Теория сдерживания оказалась общей теорией международных отношений // Международные процессы.). сентябрь – декабрь 2005. Т. 3. №3 (9). с. 122.

³ См.: Minasyan S. The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment / PONARS Eurasia Policy Memo No.188, September 2011.

⁴ Из заявления министра обороны страны: Вооруженные силы Азербайджана имеют возможность уничтожить любую цель на территории Армении // Day.az. 24.04.2010.

⁵ В силу особенностей русскоязычной политологической терминологии (использование слова «сдерживание» для обозначения двух различных англоязычных терминов) следует отличать термин deterrence – преимущественно военно-силовое сдерживание от сдерживания политико-дипломатическими методами – containment. В рамках общей теории силовой политики в качестве составляющего элемента используется именно deterrence (т.е. сдерживание путем «устрашения»). Следовательно, основным смыслом данного типа сдерживания является недопущение реализации политического акта

(в полном соответствии с хрестоматийным определением Клаузевица) – начала военных действий «ревизионистской» стороной, не согласной с сохранением существующего статус-кво

⁶ Brodie B. *Strategy in the Missile Age*. -- Santa Monica: RAND, 1959. p. 269.

⁷ Morgan P. *Deterrence Now*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. p. 85.

⁸ Ibid. p. 9.

⁹ Фененко А. Парадоксы ядерного сдерживания // *Международные процессы*. май-август 2004. Т. 2. №2 (5). с. 153.

¹⁰ Snyder G. *Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security*. -- Princeton: Princeton University Press, 1961. p. 14-16.

¹¹ Буренок В.М., Ачасов О.Б. Неядерное сдерживание // *Военная мысль*. 2007. №12. с. 12.

¹² Минасян С. Поиск стабильности в карабахском конфликте: между конвенциональным «устрашением» и политическим сдерживанием // *Россия в глобальной политике*. январь – февраль 2012. Т.10. №1.

¹³ Это понятие раскрывается как развитие тех ракетно-ядерных систем и средств стратегической разведки и целеуказания, которые предназначались для ударов по силам ядерного сдерживания потенциального противника с целью лишения его возможности нанесения ответного/ответно-встречного удара «возмездия». «Контрсилловая стратегия» используется и в конвенциональном сдерживании, будучи направленной против вооруженных сил и военного потенциала вероятного противника

¹⁴ Для лучшего понимания данного вопроса необходим комплексный анализ соотношения оборонительных/наступательных вооружений сторон (например, возможностей ударной авиации страны-инициатора в сопоставлении с системой ПВО страны, осуществляющей сдерживание или аналогичного соотношения между бронетанковым парком страны-агрессора и ракетно-артиллерийскими системами противотанковой обороны сдерживающей страны). В свое время ученые-международники предсказывали (основываясь на опыте локальных конфликтов и динамики развития военных технологий того периода), что развитие высокоточного управляемого оружия «поля боя» существенно облегчит асимметричное конвенциональное сдерживание при использовании наступающей стороной стратегии «блицкрига». Высокоточное управляемое оружие в арсенале сдерживающей стороны тем самым играет роль т.н. «противооружия» (в первую очередь - ПТРК, ПЗРК, мобильные ЗРК и ЗАСУ), эффективно нивелирующего количественное превосходство вероятного агрессора по т.н. «наступательным типам» ВВТ (танкам, ББМ, ударной и армейской авиации). См. подробнее: Mearsheimer J. Precision-guided munitions and conventional deterrence // *Survival*. 1979. V. 21. №2. p. 69-71.

¹⁵ Люттвак Э.Н. *Стратегия: логика войны и мира*. – М., 2012. с. 84.

¹⁶ См. подробнее: *Complex Deterrence* / Ed. by T.V.Paul, P.M.Morgan & J.J.Wirtz). -- Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2009; Zagare F.C., Kilgour D.M. *Perfect Deterrence*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

¹⁷ Brodie B. *Op. cit.* p.viii.

¹⁸ В виду относительной слабости ВВС конфликтующих сторон они не смогли бы сыграть существенной роли при реализации «сдерживания лишением»

¹⁹ Галлуа П. Стратегия в ядерный век. – М., 1962. с. 131.

²⁰ О динамике военно-технического баланса в зоне карабахского конфликта см. подробнее: Минасян С. Региональная безопасность на Южном Кавказе-2010 // Кавказ-2010: Ежегодник Института Кавказа. – Ереван, 2012.

²¹ Дериглазова Л., Минасян С. Нагорный Карабах: Парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте / Аналитические доклады Института Кавказа. январь 2011. №3.

²² Ваккауз М. Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер // Военная мысль. 2008. №3. с. 71.

²³ Arreguin-Toft I. How the weak win wars: a theory of asymmetric conflict // International Security. Summer 2001. V. 26. №1. p. 95-96.

²⁴ Например, в категориях данной теории указывается, что именно фактор «повышающейся репутации» в двух войнах с Советским Союзом в 1939-1944 гг. помог не только спасти Финляндию от советизации, но и во многом способствовал сравнительно мягким условиям заключения перемирия в 1944 г. и Парижского мирного договора между СССР и Финляндией в 1947 г. «Финляндия, таким образом, пережила проигранную войну как часть усиления своей репутации упорства, которая должна была усилить ее переговорную силу в будущих переговорах». См. Sechser T. Goliath's curse: coercive threats and asymmetric power // International Organization. Fall 2010. №64. p. 646.

²⁵ Например, по случаю двадцатилетия независимости Армении 21 сентября 2011 г. в Ереване прошел самый масштабный в ее истории военный парад с демонстрацией новых видов ВВТ, в том числе тактических, оперативно-тактических и зенитных ракетных комплексов. Чтобы не повредить асфальтное покрытие Площади Республики, тяжелая гусеничная техника (танки, БМП и САУ) демонстрировалась на лафетах тяжелых колесных тягачей. См. подробнее: Минасян С. Дипломатия военных парадов // Военно-промышленный курьер. №39(405). 5-11.10.2011. Через несколько дней президент Азербайджана Ильхам Алиев выступил с заявлением, где, в частности, содержались следующее высказывание: «После проведенного ими так называемого «военного парада» все поняли, в каком состоянии, в каком плачевном положении находится армянская армия. Я, наверное, и вы, и вся общественность впервые увидели, что военная техника не способна двигаться сама, их демонстрировали на параде, везя на прицепах и грузовиках. У этого может быть несколько причин. Либо эта техника не работает, находится в неисправном состоянии, либо там нет топлива, либо обе эти причины вместе». См.: Минобороны Армении недоумевает // Радио Азадлыг. 02.11.2011.

²⁶ Freedman L. Framing strategic deterrence: old certainties, new ambiguities // The RUSI Journal. August 2009. V. 154. №4. p. 47-48.

БАСКСКИЙ КОНФЛИКТ: КОНЕЦ НАСИЛИЮ?

Международная мирная конференция, которая прошла 17 октября 2011 г. в Сан-Себастьяне (Страна басков, Испания) и имела своей целью содействовать окончательному прекращению вооруженной борьбы баскской террористической организации ЭТА, вновь привлекла внимание к проблеме этнического терроризма и путях урегулирования подобных асимметричных конфликтов, связанных с вооруженным насилием против гражданского населения.¹ По-прежнему исследователей и широкую общественность интересуют феномен давнего баскского конфликта, истоки которого восходят к концу XIX в., причины протivoестественной живучести этнического терроризма в этом регионе Испании. Однако сегодня на повестку дня встали и новые серьезные вопросы: способно ли государство в одиночку противостоять этническому терроризму, может и должна ли проблема локального терроризма становиться направлением деятельности субъектов и институтов формирующейся системы глобального управления.

I. Природа баскского конфликта

Под баскским конфликтом в широком смысле принято понимать противостояние как радикальных националистов Страны басков испанскому государству, так и другой, умеренной части ее социума по поводу целесообразности политико-территориального размежевания с Испанией и определения наиболее предпочтительного территориального статуса региона. Составными элементами баскского, и в этом его специфика, являются национализм, сепаратизм и терроризм.²

Территориальное разнообразие не является исключительной особенностью Испании, однако оно сыграло особую роль в ее истории и в определении самосознания испанцев, которые издавна чувствовали и продолжают ощущать до сих пор сильную привязанность к местности, где родились, – к своей малой родине. Этому способствует и лингвистическое разнообразие страны: сегодня в Испании наряду с испанским (кастильским) статусом официального языка обладают региональные языки. В Стране басков (Эускади, баскское самоназвание региона) и части Наварры – таким языком является баскский (эускера).

Исторически Испания складывалась как сообщество христианских королевств, каждое из которых отличалось своеобразием, имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии – одному из наиболее крупных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии и управлении ею. Во многом благодаря традициям, в том числе и традициям старинных вольностей – фуэро (в ведении регионов

оставались³ местное самоуправление и законодательство, налогообложение, таможенные границы) региональная специфика не была ассимилирована процессом становления единой испанской нации.

Для Испании, где столь сильны региональные различия, задача укрепления взаимоотношений между центром и периферией приобретает существенное значение. Тот «ежедневный плебисцит», о котором говорил Эрнест Ренан, характеризуя природу нации вообще, оказывается для испанской нации отнюдь не пустой фразой. Будучи «единой и разной», она изначально была поставлена перед жизненно важной для себя задачей поиска наиболее адекватной формулы сохранения своего единства. Отсюда становится понятной особая роль государства – интегрирующего стержня нации и гаранта ее единства перед лицом центростремительных настроений регионов.

Несмотря на реформы по централизации государства, в условиях промышленной революции усиливающаяся неравномерность экономического развития (аграрный консервативный центр и передовая индустриальная «периферия») превращается в фактор дезинтеграции. Выражением конфликта центра и периферии становится подъем регионалистских движений на рубеже XIX и XX вв. В Каталонии, Стране басков, Галисии они возникли, оформились организационно и приобрели влияние, избрав в качестве главной политической цели автономию региона. Особенностью Испании стало то, что окончательное становление национальной и региональной идентичности пришлось примерно на одно и то же время. Катализатором обоих процессов стало поражение в испано-американской войне 1898 г.

Баскская националистическая идеология с самого начала приобрела воинствующе агрессивный клерикальный характер, ее чертами стали консерватизм, а порой и реакционность, тенденция к изоляционизму, антииспанизм. Столь характерные свойства объясняются историей баскского общества – сама природа горных труднодоступных районов на северо-востоке Испании создала идеальные условия для формирования замкнутой по своей сути аграрной общины и издавна защищала народ от чужеземного влияния. Баскам удалось избежать романизации, не достигли их и волны варварских и арабского завоеваний. К тому же, эускера, не принадлежащий к группе романских, в которую входят остальные языки жителей Испании, и столь трудный для изучения, способствовал обособлению баскского общества и консервации его обычаев и традиций.

Известная удаленность Страны басков, пограничное положение и малая доступность этой области, архаизм, который до самого последнего времени характеризовал быт и воззрения басков, развили в местной культуре сознание своей самобытности и даже исключительности. Баскская знать традиционно была лояльна Мадриду, социальной основой карлистского движения⁴ в местных провинциях стало, в основном, крестьянство. Баскская буржуазия в большей степени подверглась кастилизации, имея возможность более активного, нежели каталонская, участия в управлении страной.

«Отцом-основателем» баскской националистической идеологии стал Сабино Арана, сын известного деятеля карлизма. Идеи провинциального

публициста явились реакцией на потерю басками старинных фуэро,⁵ с одной стороны, а с другой, – на последствия промышленной революции в баскских провинциях. Развитие тяжелой и добывающей индустрии в регионе, где веками господствовала замкнутая сельская община с клановой социальной структурой, огромный по численности приток иммигрантов из других провинций, в основном из центральной Испании, для работы на железорудных шахтах Бискайи, вызвали взрыв националистических настроений в баскском обществе.

Созданная в 1894-1895 гг. Баскская националистическая партии (БНП) поначалу имела сторонников лишь в промышленной Бискайе. Лишь в первой половине XX в. ее влияние распространяется на соседние Алаву и Гипускоа. Привлечение к деятельности партии представителей баскской буржуазии внесло новую струю. Идеи карлизма, сентиментальную идеализацию традиционного баскского общества, клерикализм, неприятие быстрой индустриализации региона начинают теснить более прагматичные либеральные идеи местной автономии.

В Стране басков не было того культурного Ренессанса, который стал отличительной чертой каталонского регионалистского движения, которое имело автономистский характер и не отличалось столь агрессивной антииспанской направленностью, было более либеральным по своей сути. Более того, идеологи и лидеры баскского национализма не знали родного языка, а занялись его изучением лишь став профессиональными политиками.

Рост регионалистских движений на рубеже XIX-XX вв., предоставление в 1913 г. ограниченной автономии Каталонии (создание Манкомунитата), а затем и успехи регионов в борьбе за автономию в период Апрельской республики (в частности, разработка, а в случае с Каталонией и Страной басков – и принятие, статута, предоставлявших каждому из регионов права автономной области) явились одними из причин установления в Испании XX в. военно-монархической диктатуры Примо де Ривера и режима генерала Франко. Угроза сепаратизма казалась многим испанским государственным и политическим деятелям не меньшей, чем коммунистическая. Свидетельство тому – ставшее хрестоматийным высказывание лидера правых монархистов, министра экономики в правительстве Примо де Ривера Хосе Кальво Сотело о том, что он предпочел бы Испанию красную Испании раздробленной.

В годы франкизма настойчивое желание руководства страны видеть в любом проявлении национальных чувств выступление против режима и тенденции к сепаратизму также дало обратный эффект: движение за автономию поднялось не только в исторических областях Каталонии, Стране басков, Галисии, но и по всей Испании, явившись частью оппозиционного режиму движения. При этом демократия в глазах оппозиции подразумевала и предоставление территориальной автономии. Подъем региональных чувств в этот период объясняется причинами политического характера, неприязнью к Мадриду, который стал при Франко своеобразным символом авторитарной диктатуры с ее централизацией власти.

II. Феномен ЭТА

Политическая активизация баскской молодежи на волне подъема антифранкистского движения по всей Испании во многом объясняет появление феномена ЭТА (баск. *Euskadi ta Ascatasuna* – Страна басков и свобода) в конце 1950-х гг. Поначалу многие исследователи (советские и зарубежные) заблуждались, считая деятельность ЭТА исключительно частью оппозиционного режима движения. Вскоре оформление общих идеологических воззрений ее участников постепенно начали все более убеждать в обратном. Политические построения новой организации основывались на том, что Эускади представляет собой нацию, из чего следовало признание естественного права басков на самоопределение и создание независимого государства за счет интеграции испанских и французских провинций, населенных басками. Таким образом, речь по сути дела шла не просто о сопротивлении авторитарному режиму, а борьбе с испанским государством с целью его ослабления ради достижения независимости Эускади.

Впрочем, возникновение террористической организации не является в Испании исключительной особенностью Страны басков. В такой аграрной стране как Испания, где противостояние богатых и бедных, старого и нового, центра и периферии было чрезвычайно острым и болезненным, выливаясь в конфликт «двух Испаний», крайне левый радикализм и анархизм порой принимал уродливые формы терроризма. Обратившись к прошлому, достаточно вспомнить организацию «Мано Негра» (“*Mano Negra*”, букв. с исп. «Черная рука»), действовавшую в Андалусии в конце XIX в. В послефранкистский период известность получила радикально левая «ГРАПО» (аббревиатура по первым буквам испанского названия “*GRAPO (Grupos de Resistencia Antifascista Primero de Octubre)*”, букв. «Группы антифашистского сопротивления первого октября»), избравшая идеи антифашизма, коммунизма, социализма и маоизма в качестве основы своей идеологической платформы, а террор – основным средством борьбы за социальную справедливость. В современной Испании так называемые этнические террористические группировки появляются и в других исторических областях, помимо Эускади: в Каталонии – «Терра Льюре»,⁶ в Галисии – «Ресистенсия Гальега».⁷

Историки выделяют три этапа в эволюции ЭТА. Первый этап (1959-1962 гг.) отличался сильным влиянием идеологических постулатов Сабино Арины и поиск компромиссов с БНП. На втором этапе (1962-1967 гг.) происходит разрыв с БНП на фоне поиска путей приспособления идеологии Араны к реалиям второй половины XX в., внутри ЭТА формируются различные, зачастую антагонистические идеологические течения. Третий этап (1967-1975 гг.) характеризуется расколами и переходом к активным террористическим действиям. С появлением ЭТА баскский национализм распался на два влиятельных течения: было покончено с монополией БНП, усложнилась структура баскского конфликта – теперь Мадриду противостояли две силы, находившиеся в сложных и неоднозначных отношениях между собой.⁸

К концу франкистского периода ЭТА сложилась как радикальная националистическая сепаратистская террористическая группировка левого толка. Она не отличалась монолитностью, для нее были характерны частые смены руководства, внутри ее существовали идеологические разногласия, различные организационно оформленные течения, фракции и ячейки. Ключевым вопросом, который разделял участников ЭТА, касался возможности и необходимости применения террористического насилия в деятельности организации. Наиболее радикально настроенные члены ЭТА выступали преимущественно за вооруженные методы борьбы («военный фронт», или «военная» ЭТА).

Рост оппозиционных франкизму настроений в баскском обществе был массовым, отличался националистической окраской и не зависел от принадлежности к той или иной социальной группе. Деятельность ЭТА существенным образом оказывала влияние на настроения и образ мыслей местных жителей. Показательно, что даже представители баскского католического духовенства встали в ряды массовой оппозиции, многие из них не осуждали вооруженное насилие со стороны ЭТА, считая его частью антифранкистской борьбы.

Специалисты различного профиля пытаются понять природу баскского терроризма. Одну из таких попыток предпринял испанский социальный антрополог, баск по происхождению, Хосеб Сулайка. Ученый, стремясь интерпретировать непрекращающееся насилие в Стране басков в контексте социальной жизни, сравнивает политическое убийство у басков с охотой за головами в одной из филиппинских культур: в обоих случаях насильственная смерть воспринимается – сама по себе – как ритуализированная необходимость. Сегодня напрашивается само собой сравнение с исламскими террористами-смертниками. Также любопытно указание социолога на то, что в традиционной баскской культуре вербальное отрицание («нет») играет гораздо более значимую и позитивную роль, нежели утверждение и согласие («да»). Столь же характерное для баскского языка разделение понятий «говорить» и «делать» несет свою долю ответственности за органическую неспособность боевиков к договоренностям и компромиссам.⁹ Впрочем, в последние годы членами ЭТА становятся не только этнические баски, для которых эускера – родной язык. Среди боевиков есть выходцы из других регионов Испании.

III. Трансформация баскского конфликта в послефранкистский период

Политико-институциональные перемены в послефранкистский период носили кардинальный характер. Конституция 1978 г. юридически закрепила существование в Испании так называемого государства автономий, отказавшись от прежней формулы жестко централизованного унитарного государства и провозгласив уравновешивающие друг друга принципы единства и автономии. Основным закон предоставил провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право получить самоуправление. Таким образом было образовано 17 автономных

сообществ в целом в соответствии с прежним делением страны на провинции и исторические области, а не по этническому принципу.

В новых политических условиях произошла трансформация баскского конфликта, однако степень его накала не снизилась, а напротив, возросла. В государстве автономий, которое формально остается унитарным, хотя и чрезвычайно децентрализованным, конфликт стал формой отношений между центром и регионами, а так называемый конституциональный конфликт главной формой стратегии автономных сообществ в их отношениях с центральной властью.¹⁰ Созданные в регионах политические институты, региональные элиты и бюрократия, превращаются в своеобразный стимул формирования региональной идентичности с определенным этническим подтекстом. Усилия элит по конструированию коллективной идентичности в установленных границах регионов проявляются в поддержке региональных политических партий, процессов культурной дивергенции региона в общем политическом пространстве государства, фактически ставящих своей конечной целью политическую дифференциацию.

Региональные власти, политические партии и общественно-политические движения, другие политические акторы на местах играют главную роль в становлении и развитии территориальной идентичности. Добиваясь решения поставленных задач в отношениях с центром, они зачастую облекают свои требования в этнические термины, считая подобный выбор политической стратегии наиболее успешным в современных условиях и наполняя территориальные идентичности новым содержанием, видоизменяя ее.

Все это особенно наглядно можно это наблюдать на примере Эускади, которая одной из первых вступила на путь получения автономии. К тому же этот передовой в социально-экономическом отношении регион Испании добился для себя не только достаточной политической, но и финансовой автономии от центра (особая «форальная» модель финансирования действует в отношении Страны басков и Навары).¹¹ Предоставив региону широкие права автономии, центральные власти тем не менее стремятся не допустить его политической обособленности. На это направлен комплекс различных мероприятий – от планов по строительству скоростных дорог до реализации масштабных программ по изучению эускеры испаноговорящими работниками и служащими, которые живут и работают в регионе и стране (например, младшим медицинским персоналом).

Реформа автономных статутах регионов,¹² начатая правительством социалистов с середины 2000-х гг., во многом явилась ответом на попытки баскских властей изменить модель территориально-административного устройства Испании. В сентябре 2003 г. председатель автономного правительства Страны басков (леэндакари) Хуан Хосе Ибарретче представил в местный парламент план пересмотра статута Эускади – он предложил превратить автономию в «свободно присоединившееся к Испании государство» по аналогии с Пуэрто-Рико.¹³

Реформа автономного статута Страны басков по-прежнему ждет своего решения. В отличие от своих предшественников – правительства консервативной Народной партии, направившего осенью 2003 г. в

Конституционный суд запрос о соответствии Основному закону решения Совета баскского правительства принять «план Ибарретче» и отказавшегося рассматривать его в конгрессе депутатов, социалисты выразили желание наладить институциональный диалог Мадрида и Витории и поставили на голосование в нижней палате генеральных кортесов проект леэндакари. Результат оказался вполне предсказуемым: 313 (абсолютное большинство) депутатов проголосовали против, 29 – за, 2 – воздержались. В итоге конгресс вернул «план Ибарретче» в автономный парламент Эускади. Удалось Мадриду и отразить угрозы Х.Х.Ибарретче созвать референдум в регионе по вопросу судьбы нового Статута.

IV. Пути политического урегулирования проблемы баскского терроризма в демократической Испании

Демократические преобразования и процесс автономизации в Испании после смерти Франко не способствовали прекращению деятельности ЭТА, как это, например, произошло с другой испанской террористической организацией «Терра Льюре», действовавшей в 1978-1995 гг. в Каталонии.

Угроза террористического насилия влияла на ситуацию в регионе и в стране в целом, причем в самых различных областях – от экономики и создания благоприятных условий для ведения бизнеса (боевики ЭТА, помимо прочего, взимали «революционный налог» с местных предпринимателей) до психо-эмоциональной атмосферы. В 1978-1997 гг. число жертв от терактов ЭТА достигало от 13 (в 1997 г.) до 93 (в 1980 г.) человек ежегодно.¹⁴ В основном это были представители силовых структур государства (вооруженных сил, гражданской гвардии и полиции), политики и чиновники. Гражданские лица составили примерно треть погибших от рук боевиков, при этом это чаще всего запланированные убийства, боевики выбирают свои мишени. Общее число убитых за все время существования ЭТА составило 839 человек, более 60% убийств было совершено в самой Стране басков, около 15% – в столице Испании Мадриде.

В борьбе с террористами испанское государство использовало различные методы, вплоть до создания в период нахождения у власти социалистов в 1980-е гг. нелегальных подразделений по уничтожению лидеров террористов на территории самой Испании и соседней Франции (так называемых *GAL – Grupos Antiterroristas de Liberación*) в 1983-1987 гг., хотя тогдашний глава кабинета и лидер Испанской социалистической рабочей партии Испании Фелипе Гонсалес всегда отрицал и продолжает отрицать свою причастность к делу *GAL*. Несомненным успехом правительства Ф.Гонсалеса следует считать достижение прогресса на весьма непростых переговорах с руководством соседней Франции относительно возможности ареста баскских боевиков, имевших базы во французских Пиренеях.

Правительство Народной партии во главе с Хосе Мариа Аснаром повело борьбу с ЭТА на новом историческом этапе. Придя к осознанию утопичности идеи «войны на истощение» с государством, ЭТА попыталось наладить отношения с БНП, создать широкое объединения радикально-

националистических сил под своим контролем и активно участвовать в политическом, прежде всего, электоральном процессе через созданную ею партию «Эрри Батасуна» (баск. «Народное единство»).¹⁵

Правые продолжили сотрудничество с французскими спецслужбами по обнаружению арсеналов оружия, уничтожению, поимке и экстрадиции на родину боевиков ЭТА. Х.М.Аснар принципиально отверг возможность официальных переговоров с террористами, несмотря на неоднократное объявление ими о перемирии и прекращении огня (неофициальные и не прямые переговоры велись всегда). Усилиями правительства был законодательно закреплён особый статус за жертвами терактов, реформирован Закон о политических партиях, позволивший лишать легального статуса партии, так или иначе связанные с террористическими организациями, внесены изменения в Уголовный кодекс, которые расширили юридическое понимание терроризма, ужесточили наказание террористам и приравнивали участие в уличных беспорядках к уголовным преступлениям.

Правительству Народной партии удалось заручиться поддержкой международного сообщества в борьбе с ЭТА (свою роль в этом сыграли, безусловно, и события 11 сентября 2001 г. в США). Так, в сентябре 2001 г. Совет Европы одобрил План чрезвычайных мер по борьбе с терроризмом,¹⁶ а Совет безопасности ООН принял Резолюцию 1373 о необходимости того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма.¹⁷ В декабре 2001 г. Совет Европы включил ЭТА и ее представителей в список лиц и организаций, занимающихся террористической деятельностью.¹⁸ Аналогичным образом поступили в феврале 2002 г. Соединенные Штаты, а в июне 2003 г. – Европейский союз (добавив к самой ЭТА «Батасуну» и созданные на ее основе политические партии, лишённые легального статуса).¹⁹

Неоднозначную реакцию населения вызвало решение председателя правительства социалистов Хосе Луиса Родригеса Сапатеро пойти на первые в истории страны прямые официальные переговоры с представителями запрещенной в 2003 г. партией «Батасуна» – политическим крылом ЭТА. Главной целью переговоров стало мирное урегулирование баскской проблемы, прежде всего этнического терроризма. Взамен официального порицания терроризма и отказа от насильственных методов борьбы со стороны лидеров «Батасуны» правительство Сапатеро готово было предоставить партии возможность обрести легальный статус, а значит, законный путь к борьбе за большую автономию Страны басков. Однако организованный боевиками ЭТА взрыв в столичном аэропорту Барахас в декабре 2006 г. и объявленное в июне 2007 г. руководством террористов решение о выходе из режима прекращения огня, которого организация с оговорками придерживалась с марта 2003 г., и возврате к методам вооруженной борьбы свели на «нет» усилия сторон.

Успехи принесли создание в мае 2004 г. Национального антитеррористического центра для более эффективного противодействия угрозе терроризма в стране, а также продолжение сотрудничества с

французскими силами правопорядка. В период первой легислатуры социалистов в 2004-2008 гг. на территории Франции были арестованы 148, а в 2008-2011гг. – 115 боевиков ЭТА и представителей политического руководства «Батасуны» (для сравнения в 2000-2003 гг. эта цифра равнялась 162).²⁰ В результате «Батасуна» была фактически обезглавлена, а многочисленные влиятельные руководители и рядовые боевики ЭТА получили длительные тюремные сроки наказания в Испании и Франции. Согласно сообщениям испанских СМИ, некоторые из осужденных в тюрьме пересмотрели свои убеждения, раскаялись и объявила о своем разрыве с ЭТА.

Испанским властям удавалось удачно сочетать силовые и правовые методы борьбы с баскским терроризмом. В декабре 2007 г. был вынесен обвинительный приговор по делу «Экин» – сети фирм и организаций, обеспечивавших политическое прикрытие и денежные средства для ЭТА. Главным аргументом судей стало признание того, что террорист – не только тот, кто взял в руки оружие, но и тот, кто позволяет сделать это, оказывая ему политическую и финансовую поддержку. Весной 2008 г. власти Лихтенштейна (после финансового скандала с участием банков этой страны) по просьбе Испании о юридической помощи заблокировали банковские счета частных лиц и компаний, которые, как полагают в Испании, принадлежат ЭТА, и пообещали сотрудничать со следствием.

IV. Отказ ЭТА от вооруженной борьбы в октябре 2011 г.: очередная уловка или продуманный шаг?

Что касается нынешнего развития событий в Стране басков, то по итогам выборов в автономный парламент в марте 2009 г. победу одержало региональное отделение Испанской социалистической рабочей партии. Главой автономного правительства впервые был избран не представитель региональных националистов, а лидер регионального отделения социалистической партии ИСРП – «Эускадико эскера» Франсиско Хавьер (Пачи) Лопес.

Социалисты Страны басков получили уникальную возможность самого активного участия в урегулировании баскского конфликта в широком смысле. Подобное понимание баскского конфликта подразумевает достижение согласия между центральным правительством, с одной стороны, властями, политическими силами и населением региона, с другой, в вопросе о будущем Страны басков в политическом пространстве испанского государства автономий, прежде всего – в вопросах разработки и принятия нового автономного статута Страны басков, поиска альтернативных путей решения проблемы терроризма ЭТА, возможного возврата легального статуса политическим партиям, лишенным его в связи с обвинениями в связях с ЭТА.

Со своей стороны, в стратегии ЭТА наметились перемены. В марте 2010 г. Европейским парламентом была принята так называемая Брюссельская декларация, в которой содержался призыв к ЭТА о постоянном одностороннем безусловном и контролируемом независимой международной структурой прекращении огня. Инициатором декларации был Бриан Куррин (ЮАР),

который уже имел опыт посредничества на переговорах в Южной Африке и Северной Ирландии.²¹

20 октября 2011 г. сразу после завершения работы Международной конференции в Сан-Себастьяне с участием Кофи Анана, лауреата Нобелевской премии мира 2001 г. и генерального секретаря ООН в 1997-2006 гг.,²² ЭТА объявила об окончательном отказе от вооруженных методов борьбы. Сложно сказать, что в этом шаге руководства террористов было решающим – показательное участие международного сообщества, чего всегда добивалась ЭТА, серьезные потери боевиков в борьбе с властями, идеологические разногласия в лагере террористов или решение перегруппировать силы в условиях меняющейся политической ситуации в регионе. Некоторые уверены, что это очередная уловка террористов. Правительство Испании не препятствовало проведению Конференции, однако представители государства на ней не присутствовали.

21 октября 2012 г. выборы (внеочередные) в автономный парламент в Стране басков прошли в условиях отказа ЭТА от вооруженной борьбы. Итоги голосования подтвердили результаты социологических опросов о наибольших симпатиях со стороны местных избирателей левым баскским патриотам сравнительно новой избирательной коалиции «Бильду» (ее первый электоральный опыт, точнее – успех, пришелся на муниципальные выборы в мае 2011 г.) и умеренным националистам БНП²³. Баскская националистическая партия получила 27 мест в автономном парламенте (34,59% голосов), коалиция «Бильду» – 21 место (24,99% голосов), Социалистическая партия Эускади – 16 депутатских мандатов (19,18% голосов), народная партия – 10 депутатских мандатов и 11,73% голосов избирателей. Общенациональной партии «Союз, прогресс и демократия» социал-демократического толка удалось провести в баскский парламент одного своего депутата.²⁴

В октябре 2012 г. Испания вновь вернулась к обсуждению проблем будущего террористической организации ЭТА спустя ровно год после объявления ею отказа от вооруженной борьбы. В своем «внутреннем», закрытом для прессы докладе группировка вновь подтвердила, что не намерена отказываться от данного ею обещания, однако по-прежнему не заявляет о самороспуске. На сегодняшний день стратегия ЭТА состоит в том, чтобы заставить центральное правительство начать с ней прямые переговоры без предварительных условий.

При поддержке националистических партий ЭТА усилила давление на центральное правительство в вопросе о заключенных – баскских террористах, требуя разрешения отбывать срок заключения на родине в Эускади, а также возможности их досрочного освобождения по амнистии или за примерное поведение, как это принято в отношении осужденных на тюремный срок за другие уголовные преступления. Демонстрации в поддержку этих требований проходят не только в Испании, но и в соседних с ней Франции и Португалии, где также были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения боевики ЭТА. Общее число таких осужденных на сегодняшний день достигло 559 человек в самой Испании, в Португалии находятся трое осужденных боевиков, во Франции – 28. Однако общественное мнение в

Испании решает данную проблему весьма категорически: в ноябре 2011 г. 60,4% опрошенных заявляли о своем полном неприятии возможности для баскских террористов отбывать оставшийся срок наказания в родной автономии (среди электората Народной партии этот показатель был еще выше – 79,7% испанцев), против смягчения наказания в отношении тех, кто непосредственно не участвовал в терактах заявляют 70,5% испанских граждан (85% из числа тех, кто голосует за НП).²⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о природе асимметричных конфликтов см.: Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. М.: Научная книга, 2010; Она же. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. 2010. № 5. с. 47–54.

² См. Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2011.

³ Испанские фуэро, аналогичные португальским форалам и французским кутюмам, являлись документами обычного права, которые регламентировали правовые отношения населения с центральной властью

⁴ Карлисты – сторонники брата Фердинанда VII дона Карлоса, защищавших его права на испанский престол против вдовы Фердинанда и ее дочери Изабеллы. Фердинанд, не имевший сыновей, провозгласил наследницей дочь, отменив тем самым закон о передаче престола исключительно по мужской линии. Карлисты выдвинули лозунг защиты средневековых вольностей (фуэро), и это нашло понимание и поддержку в различных исторических областях и провинциях, потерявших или опасавшихся потерять остатки своих вольностей.

⁵ Фуэро баскских провинций были отменены в середине – второй половине XIX в. в наказание за поддержку карлистов. В населенных басками территориях соседней Франции – областях Лабур, Нижняя Наварра и Суль – аналогичные фуэро были отменены Великой французской революцией 1789 г. как пережиток феодального порядка. Кстати, фуэро остальных областей Испании – Каталонии и ряда других регионов страны (Валенсии, Арагона, Балеарских островов) – были ликвидированы еще в первой четверти XVIII в. за поддержку австрийского претендента на испанский престол в ходе войны за испанское наследство против французского принца Филиппа V Бурбона

⁶ Террористическая группировка «Терра Льюре» (“Terra Lliure”, букв. с каталанского «Свободная земля») крайне левого толка была создана в 1978 г. Провозгласив своей политической целью борьбу за независимость Каталонии от Испании, главным средством ее достижения считала вооруженную борьбу. На счету организации более 200 терактов (пятеро погибших, четверо из которых – боевики, десятки раненых). В 1991 г. «Терра Льюре» отказалась от вооруженной борьбы, в 1995 г. приняла решение о самороспуске. За годы деятельности организации органам правопорядка и спецслужбам Испании удалось задержать и привлечь к суду около 300 членов «Терра

Льюре». К настоящему времени большинство из осужденных боевиков отсидели положенный срок наказания или были освобождены досрочно по амнистии.

⁷ О своей деятельности террористическая группировка «Ресистенсия Гальега» (“Resistencia Gallega”, букв. с исп. «Галисийское сопротивление») заявило в 2005 г. через сеть Интернет, опубликовав программный манифест организации. Политической целью «Ресистенсия Гальега» объявила вооруженную борьбу за отделение Галисии. К настоящему времени преступная деятельность организации ограничивается поджогами объектов общественного назначения и закладками самодельных взрывных устройств. Силовым структурам Испании и Португалии удалось арестовать несколько десятков членов группировки.

⁸ См. подробнее: Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Ук. соч. с. 142-185.

⁹ О взглядах Х.Сулайки см.: Кожановский А.Н. Терроризм в Стране Басков: интерпретации // Испания в начале XXI века: учеб. пособие / отв. ред. С.М.Хенкин. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2006. с. 99-117.

¹⁰ См.: Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. с. 43-61.

¹¹ См.: Там же. с. 79-89

¹² Автономные статуты являются основным правовым актом каждого регионального автономного сообщества и регулируют вопросы его автономии, институциональной организации и компетенции. Проект статута требует обязательного одобрения и утверждения генеральными кортесами – испанским парламентом.

¹³ Пуэрто-Рико является зависимой от Соединенных Штатов Америки территорией и имеет статус «неинкорпорированной организованной территории», что означает, что данная территория находится под управлением США (а не является их неотъемлемой частью), действие на территории Конституции США ограничено, верховная власть принадлежит конгрессу Соединенных Штатов, но территория имеет собственную систему самоуправления.

¹⁴ См. данные министерства внутренних дел Испании на конец октября 2011 г.: Últimas víctimas mortales de ETA: Cuadros estadísticos. Ministerio del Interior de España (http://www.interior.gob.es/prentsa-3/balantzeak-21/ultimas-victimas-mortales-de-eta-cuadros-estadisticos-630?set_locale=es).

¹⁵ См. подробнее: Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Ук. соч. с. 218-220, 232-246.

¹⁶ См.: http://ue.eu.int/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/es/ec/concl-bxl.es1.pdf.

¹⁷ См.: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1373.htm>.

¹⁸ <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001E0931:ES:HTML>>.

¹⁹ <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32003E0482:ES:HTML>>.

²⁰ См. данные о задержании членов ЭТА и лиц, причастных к ее деятельности, на официальном сайте министерства внутренних дел Испании: <<http://www.interior.gob.es/prensa-3/balances-e-informes-21/lucha-contra-el-terrorismo-en-espana-eta-2000-2003-628>>, <<http://www.interior.gob.es/prensa-3/balances-e-informes-21/lucha-contra-el-terrorismo-en-francia-2000-2003-629>>; <<http://www.interior.gob.es/prensa-3/balances-e-informes-21/lucha-antiterrorista-contra-eta---viii-legislatura-2004-2008-158>>; <<http://www.interior.gob.es/prensa-3/balances-e-informes-21/lucha-antiterrorista-contra-eta--ix-legislatura-2008-2011-157>>.

²¹ См.: Currin lidera una declaración a favor de la solución del 'conflicto vasco // El Mundo. 26.03.2010; Mediadores en conflictos internacionales piden a ETA un alto el fuego supervisado // El Mundo. 29.03.2010.

²² См.: Los principales protagonistas de la conferencia de paz en San Sebastián // El País. 17.10.2011; Declaración de la Conferencia Internacional de Paz // El Mundo. 17.10.2011.

²³ См.: Elecciones vascas 21-O: López se arroga el final de ETA como el “mayor logro de la época democrática” // ABC. 22.08.2012; данные опроса общественного мнения, проведенного в сентябре 2012 г. Центром социологических исследований Испании: Preelectoral del País Vasco. Elecciones Autonómicas, 2012. Centro de Estudios sociológicas. Septiembre 2012. <http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2940_2959/2959/es2959PV.pdf>.

²⁴ См.: El País. 21.10.2012.

²⁵ См. данные опроса общественного мнения, проведенного Центром социологических исследований в Испании в ноябре 2011 г.: Centro de Estudios Sociológicos. Barómetro de noviembre. Estudio №2917. Noviembre 2011 (http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2000_2919/2917/Es2917.pdf).

БАСКСКИЙ ФЕНОМЕН

Административной реформой 1976–1977 гг. в Испании образовано 17 автономных областей. Одна из них – Страна Басков, небольшая территория на севере страны.

В экономическом плане она относится к числу наиболее развитых регионов. Основываясь на сложившихся традициях современная Страна Басков продолжает развитие металлургии и металлоёмкого машиностроения – ведущих отраслей обрабатывающей промышленности страны в целом на базе собственных железных руд. На долю автономной области приходится 32% стоимости продукции металлургии Испании.

Специфика размещения природных ресурсов и различие природных условий вкупе с экономико-географическим положением обусловили внутреннюю дифференциацию в специализации хозяйства. Провинции Бискайя и Гипускоа имеют ярко выраженный промышленный облик, сформировавшийся еще в конце XIX в. Главными отраслями специализации, помимо металлургии и машиностроения, являются отрасли химической и пищевой промышленности, развито рыболовство, хотя в настоящее время запасы рыбы в постоянных местах лова значительно сократились, и теперь приходится отплывать далеко от побережья. Основные рыбные порты находятся в Бермехо, Пасакесе, Ондарроа. Вдали от прибрежной полосы, во внутренних частях провинций сложилась лесная и целлюлозно-бумажная промышленность.

В межгорных котловинах поддерживается сельскохозяйственное производство. Здесь выращивают кукурузу (на корм скоту) и яблоки (для изготовления сидра). Вдоль побережья и в горах располагаются пастбища. Здесь с незапамятных времен разводят молочных коров.

Наиболее аграрная баскская провинция – Алава. Природные условия позволяют выращивать здесь пшеницу, ячмень, овес, а также сахарную свеклу и виноград. Тем не менее, столица Страны Басков Витория, расположенная в Алаве, является довольно крупным промышленным центром, специализирующимся на сельскохозяйственном машиностроении, производстве автомобилей, велосипедов, переработке растительной продукции.

Для оценки удельного веса Страны Басков в испанской экономике показательны следующие ключевые индикаторы.

На долю автономной области, занимающей всего 1,4% территории страны и аккумулирующей 5% населения, приходится около 10% ВВП, 18% национального дохода и 9% стоимости промышленной продукции Испании, а в некоторых отраслях хозяйств, например, в металлургии, этот показатель доходит до 32%. Экономический рост в Стране Басков с 1996 г. оказался более динамичным, чем в целом в Испании. В 2006 г. рост ВРП в Стране Басков составил 4,3% -- выше, чем в Испании (3,7%).

За период 1996–2006 гг. экономический рост в провинции удвоился по

сравнению со средними показателями по ЕС. На протяжении этого периода времени Стране Басков удалось сократить разрыв с наиболее развитыми странами ЕС.

Таблица

Прирост ВВП, %

Год	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Регион											
ЕС	1,8	2,7	3,0	2,9	3,7	1,8	1,1	1,1	2,4	1,6	2,6
Испания	2,4	4,0	4,3	4,2	4,4	3,5	2,7	2,9	3,1	3,5	3,7
Страна Басков	3,1	2,8	5,9	4,8	5,2	3,2	2,3	3,1	3,3	3,7	4,3

Источник: Eustat, 2007.

Если принять средний показатель ВВП по ППС на душу населения в ЕС за 100, то в Стране Басков он составил 122,9 в 2004 г. За последние десять лет этот показатель вырос на 18 пунктов по сравнению с 104,5 в 1995 г. В 2004 г. по этому показателю Страна Басков обошла такие высокоразвитые страны как Германия (109,3), Франция (110,3), Италия (104,9) и Великобритания (118,7). Только Нидерланды (124,9), Ирландия (140,6) и Люксембург (222,0) превзошли Страну Басков.

Стоит уделить отметить наличие внутренних различий в показателях ВВП на душу населения в пределах Испании. По данным Eustat, к началу XXI века на долю Страны Басков, которая занимает 7 261 кв. км, приходилось 33 362 млн. евро ВВП, в то время как на большую по площади провинцию Мурсия (11 317 кв. км) – 12 094 млн. евро ВВП, а на Андалусию (87 268 кв. км) – 68 213 млн. евро ВВП.

I.

Согласно сведениям Национального института статистики, средний показатель роста промышленного производства в Испании в 2000 г. составил 6,6%, из которых самые высокие показатели у Наварры (10,3%) и Страны Басков (9,3%). В это же время, например, в Андалусии темп промышленного роста приближался лишь к 4,4%, а в провинции Мурсия – к 3,3%. По мнению специалистов, такие высокие темпы в рассматриваемый период были определены увеличением объема экспорта.

Наиболее высокие показатели темпов роста характерны для металлургической промышленности – 21,7%, производства материалов для электроники – 18,1%, деревообрабатывающей промышленности – 13,5%, оборудования и материалов для энергетического сектора экономики – 12,8%. В отраслевой структуре ВВП 61,4% приходится на сферу услуг, 37,4% даёт промышленность, а оставшиеся 1,2 – сельское хозяйство.

Отмеченные особенности хозяйственной структуры региона в большей мере оказались стимулами подъема здесь автономистских и даже сепаратистских тенденций. Один из основоположников современной концепции движения за национальное освобождение, известный при франкизме как активист ЭТА Белца (Эмилио Лопес) в своей книге «Баскский национализм и

социальные классы», непосредственно связывает возникновение и расширение баскского национализма с наличием большой прослойки среднего класса. В целом ряде других европейских стран и регионов, где также существует довольно широкий «средний класс», сильных националистских движений не наблюдается. Возможно, что объясняется это во многом подъемами рабочего движения, активной классово-борьбой (например, та же Каталония, где по сей день сильно коммунистическое движение). По всей видимости, само по себе наличие среднего класса еще не обязательное условие националистической активности, тем более в странах высокого или хотя бы среднего, как в Испании, уровня социально-экономического развития.

Однако тут очень существенную роль играет фактор структурного состава пролетариата. В баскских территориях рабочий класс весьма неоднороден в национальном отношении.

Со времён промышленной революции конца прошлого века в Страну Басков приезжали иммигранты из различных районов Испании, в основном из Эстремадуры и Галисии. Хотя в настоящее время положение иммигрантов сильно изменилось, традиционно этот слой населения держится особняком. Он составляет наиболее организованную на низовом уровне часть политических и профсоюзных организаций. Большинство рабочих-иммигрантов к моменту падения диктатуры прошло путь политической адаптации в баскской политической системе того времени, за их плечами был долгий и упорный путь борьбы вместе с баскскими товарищами за свободу и демократию.

С середины 1970-х гг. наметилось размежевание в многонациональном и довольно многочисленном рабочем классе (около половины экономически активного населения Страны Басков в конце 1970-х гг. составлял промышленный пролетариат). Приток иммигрантов не уменьшился, несмотря на безработицу. Но положение безработных иммигрантов не изоляционистское, это не «гастарбайтеры» и других западноевропейских государств. Как отмечается в документах компартии Страны Басков, «узы солидарности и совместное стремление к труду стирают различие между расами и культурами».

Баскские националистическая партия (БНП), в частности, заняли в вопросе об иммигрантах позицию умеренного этноцентризма. Они не отказались от расовых теорий Сабино Арана Гойри, но в то же время поддерживали идею ассимиляции иммигрантов на основе их стремления к интеграции.

Средние слои баскского общества, в основном баски по национальности политически организованы главным образом в двух ведущих парламентских партиях БНП и Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). Наряду с сельским населением, это наиболее националистически настроенная прослойка общества. Кроме того, в средних слоях общества сильно религиозное влияние. Слой этот имеет большой политический вес, особенно в БНП – партии, защищающей интересы мелкого и среднего предпринимательства. Начало отхода от политики автаркии в Испании ознаменовало и наступление «чёрного времени» для средних и мелких хозяев. Многие небольшие предприятия потерпели крах, а именно они составляли

основу промышленности Страны Басков. Классовое возмущение этих слоёв вылилось в националистические формы.

II.

Баскские предприниматели тесно связаны с крупным испанским и международным капиталом. Их можно разделить на две группы. Первая, связанная с международными монополиями, фактически стоит в стороне от баскских проблем. Вторая группа крупных национальных предпринимателей, одним из лидеров которой является Л.Олара, придерживается идей национального самоопределения.

Особенностью баскского национального капитала является развитость финансовой олигархии, причём в масштабах всей страны. Исключительно велика роль банков. Как утверждает известный экономист Р.Тамамес, банковский капитал в Испании не только сильнее, чем промышленный, но и именно эта часть олигархии контролирует политическую власть. В семёрке ведущих испанских банков традиционно фигурировали два баскских: Банко ди Бискайя и Банко де Бильбао. Ещё один крупный баскский банк, правда за пределами семёрки, – Банко Уркихо.

Финансовая олигархия басков прочно связана с национальным капиталом, а через него – с международным. Баскский капитал постоянно стремился к экспансии. Поэтому в сфере его интересов – защита сфер влияния, рынков сбыта и т.д. Как отмечает большинство исследователей финансовой олигархии (например, Р.Тамамес в книге «Финансовая олигархия в Испании»), представители этой части монополистической буржуазии не имеют национальной принадлежности.

В социальной структуре баскского общества большую роль играет сельское население, хотя оно относительно немногочисленно (12%). Характер баскского сельскохозяйственного населения объясняется формой землепользования, сложившейся на протяжении веков. Так, например, в конце 1970-х гг. на сельское хозяйство приходилось лишь 7% всего активного населения. Основа баскской аграрной культуры – хуторское хозяйство, в настоящее время – с элементами интенсивного земледелия. Основа баскского сельского хозяйства – молочное животноводство.

Сельское население – хранитель баскских националистических традиций, патриархального духа. Крестьянство, особенно горных районов, далёких от промышленно-развитых центров, ведёт замкнутый образ жизни, религиозно и отличается крайне ортодоксальными формами католицизма.

Социально-психологическую характеристику баскскому крестьянству и корням его консерватизма обстоятельно даёт в своей книге «Баски» крупнейший этнограф, академик Испании Хулио Каро Бароха. Он представляет баска-крестьянина человеком, свято выполняющим заветы предков, сохраняющим уклад матриархата в своей семье, чрезвычайно националистичного, в целом мирного, но агрессивного и вспыльчивого, когда нарушают привычный уклад его жизни. Показательно, что подавляющее большинство баскского крестьянства голосует за БНП.

В Испании существуют три исторических национальных меньшинства, которые проживают в Галисии, Каталонии и Стране Басков. Во время существования Второй Республики последние две национальности имели автономии с определёнными политическими свободами. Франкизм на долгие годы закрыл путь возможным достижениям в сфере автономизации, не только запретив все выступления за право на самоопределение, но и установив режим насильственной ассимиляции.

Проведённые исследования подтверждают значимость экономической составляющей баскского национального движения. Учёные находят связи между экономической действительностью и националистическими настроениями в обществе. Согласно одной из версий, этническое противостояние возникает, когда две или более этнические группы имеют различные по величине доходы и борются за рабочие места на одном рынке труда. Профессор политологии Университета Южной Дакоты Рафаэль Зариский утверждает, что экономическая оккупация Страны Басков и последующая угроза экономической конкуренции со стороны более мощной испанской культуры неотъемлемо связаны с непрекращающимся сопротивлением со стороны басков.

Индустриализация и модернизация экономики также говорят в пользу экономической составляющей баскского движения. В конце XIX – начале XX в. Страна Басков подверглась модернизации через индустриализацию экономики, которая, по мнению Сюзан Ользак, профессора социологии Стенфордского университета, является центральным компонентом модернизации, создающей и поддерживающей националистические движения. В то же время, Сол Ньюмен, профессор Американского университета, утверждает, что хотя исследователи предполагали, что этнический конфликт придёт в упадок с развитием общества, их теория была опровергнута другой, констатирующей возможность обратного эффекта модернизации. Экономические реалии в Стране Басков начала XX в. подтверждают зависимость, выведенную последней теорией. Этот период характеризуется подъёмом национального движения, усиленного внутрорегиональным классовым расколом в дни Первой мировой войны, когда начавшая было затухать, баскская промышленность оживает, бесперебойно работая как на внутренний, так и на внешний рынок.

Помимо выше сказанного, была выявлена еще одна закономерность в развитии баскского сепаратизма. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. чрезвычайно возросла общественная поддержка баскских националистических партий. Профессор политологии университета штата Коннектикут утверждает, что доля голосов за националистов взлетела с 29,8% в 1972 г. до 44% в 1979 г., а затем до 47,6% в 1982 г. Внезапный рост поддержки националистов можно объяснить и быстрым ростом экономической нестабильности в этот период.

III.

Режим репрессий не смог искоренить национальный дух басков и их стремление к независимости: в конце 1950-х гг. зародилось движение за

освобождение, которое в настоящее время занимает одно из первых мест во всей структуре международных отношений в Западной Европе.

Западная Европа – продукт длительного исторического процесса. Этот процесс прямо затронул национальные меньшинства, угнетённые национальности, так как формирование большинства государственных образований происходило путём насильственного установления механизмов власти, в большинстве случаев со стороны одних национальностей над другими. Прежде всего, такой механизм власти устанавливался в сфере экономики, политики и в социальной области, что приводило к потере суверенитета и к полному включению национальных меньшинств в новые государства-нации.

Различные группы буржуазии с целью занятия доминирующих позиций в новых условиях, направляли усилия на поиски новых рынков сбыта, расширяя свои политические и экономические связи. Целью их политики было создание «удобных» государственных структур, какими и явились, хотя и в разной мере, современные государства. Зарождающийся капитализм параллельно с экспансией в колониальном мире на других континентах укреплял искусственные структуры западноевропейских государств, отличительной чертой которых стали формы подавления рабочего класса и тех народов, где рабочий класс особенно силён. Эта форма подавления – внутренняя эксплуатация привела к появлению локальных местных олигархий, которые в свою очередь практиковали режимы диктаторского стиля.

В 1953 г. были заключены испано-американские соглашения, предоставившие США право на использование военных баз на территории Испании (в январе 1977 г. заменены договором о сотрудничестве). В Стране Басков главным полигоном для стрельбы стал Басденас (450 кв. км), который находится между провинцией Наварра (Страна Басков) и Сарагосой (Арагон). С 1951 г. он был целиком отдан военно-воздушным силам США.

Ведущей политической силой в лагере новых сил является БНП. Она все теснее смыкается с крайней реакцией, в том числе и в вопросах внешней политики. При этом она умело использует аппарат Организации христианско-демократических партий (СОРЕ), основателем которой является. В настоящее время БНП Международного союза христиан-демократов. Партия поддерживает интенсивные контакты с Баварской партией христианских демократов (Христианский социальный союз), демократической и республиканской партиями США, а также с сионистскими организациями Израиля. Лидеры БНП оказали помощь военной хунте Сальвадора во главе с христианским демократом Наполеоном Дуарте.

С лево-радикальных позиций за независимость басков выступает также ЭТА, созданная в 1959 г. Но в последнее время ее активность существенно снижается. В отличие от правого фланга движения.

IV.

После прихода к власти генерал Франсиско Франко упразднил завоёванную в период Испанской республики (1936 г.) автономию Страны

Басков. Баскский язык был запрещён. Делопроизводство и обучение велись лишь на испанском языке. Только на нём издавались книги и выходили газеты, шли радио- и телепередачи. Лишь в 1960-е гг. была легализована система обучения на баскском языке – открыты школы «икастола». Баскские провинции Бискайя и Гипускоа, которые воевали на стороне республики, были объявлены «провинциями-предателями» и рассматривались как враждебные территории (в противоположность им Наварра и Алава считались «верными провинциями»). 26 апреля 1937 г. с лица земли была стёрта Герника – святыня басков, многовековой символ их национальных свобод. В годы диктатуры в Бискайе и Гипускоа неоднократно вводилось чрезвычайное положение.

Организация ЭТА была основана в 1959 г. как движение сопротивления диктатуре генерала Франко несколькими молодыми членами БНП, которые были недовольны отказом БНП от вооружённой борьбы, была основана организация ЭТА (баск. ETA, Euskadi Ta Askatasuna – «Страна басков и свобода»). Период организационного оформления ЭТА был завершён на состоявшемся в 1962 г. съезде баскских левых националистов. Основной целью организации провозглашалось создание независимого государства басков – Эускади.

С начала 1960-х гг. члены ЭТА приступают к практике покушений на чиновников и жандармов, а также начинают осуществлять взрывы полицейских участков, казарм и железнодорожных путей. После осуществлённых в 1962 г. репрессий авторитарного франкистского режима «Страна басков и свобода» была вынуждена на некоторое время воздержаться от активных действий. Восстановительный период был окончен в 1964 г., после чего вооружённые акции ЭТА приобрели систематический характер.

В 1960-е гг. власти Испании отказывались от официальных переговоров с ЭТА, но, по данным СМИ, стороны поддерживали неофициальные контакты. В конце 1960-х годов ЭТА пошла по пути «революционного» террора – с тех пор от её рук погибло более 850 человек. В 1973 г. организация предприняла одну из своих наиболее известных акций – убийство преемника Франко на посту председателя правительства Испании адмирала Луиса Карреро Бланко.

В дальнейшем Организация перешла на тактику предварительного оповещения о предстоящих взрывах. Тем самым удаётся избежать человеческих жертв.

Ведущие левые политические силы, в том числе решительно осуждают экстремистские акции и выступают против них. В 1978–1979 гг. в основном этими структурами был опубликован ряд заявлений с требованиями использовать средства, исключая насилие. Против этих позиций выступили представители движения левых аберцалес. Здесь следует отметить, что левые аберцалес считают, что революционные формы насилия являются логическим ответом на узаконенные формы насилия (репрессии). В итоге ЭТА продолжила вооружённую борьбу, выдвинув в качестве предварительных условий её прекращения следующие принципы:

- право на самоопределение, закреплённое Конституцией;
- легализация независимых партий;

- создание собственных сил общественного порядка (СОП) взамен существующих.

В период постфранкизма практика вооружённой борьбы пользовалась значительной общественной поддержкой.. Единственной возможностью в этих условиях, как считало большинство политических сил остановить террор, было вступление в переговоры с ЭТА. Но против переговоров выступили правые силы. Различными были лишь позиции политических сил по форме ведения переговоров. Так, представители движения левых аберцалес выступали за ведение переговоров не с Генеральным Советом, а с центральным правительством в Мадриде, т.к. у Временного правительства Страны Басков не было полномочий для разрешения следующей программы «Альтернативы КАС»:

- реальное установление режима демократических свобод;
- обеспечение возвращения политэмигрантов и свобода политзаключённым;
- обеспечение достойных условий жизни широким массам трудящихся;
- ликвидация СОП;
- конституционное закрепление права на самоопределение;
- установление автономного режима самоуправления с широкими полномочиями, причём автономный режим должен быть установлен в результате всенародного обсуждения.

- незамедлительное, безусловное вхождение Наварры в автономию Страны Басков;

- безусловное установление двух официальных языков на всей без исключения территории Эускади.

Представители ЭТА выдвинули свои условия:

- легализация всех без исключения партий, находящихся в подполье и борющихся за самоопределение Страны Басков;

- достойные условия жизни трудящихся;

- обеспечение эффективного контроля и руководства Временным правительством Страны Басков за СОП;

- национальный суверенитет Страны Басков, а пока временный автономный статут;

- подчинение регулярных частей испанской армии на территории Эускади Временному правительству.

Все эти условия характеризовали те силы, которые их выдвигали, как политические организации «демократического разрыва». Поэтому все попытки сторон прийти к общему знаменателю путём переговоров к успеху не привели. В то же время правительство СДЦ под руководством Адольфа Суареса, хотя и носило репрессивный характер в Стране Басков, в то же время делало попытки установить диалог с ЭТА, а премьер-министр А. Суарес считал, что для прекращения вооружённой борьбы ЭТА недостаточно одних репрессий, а необходимо «найти социальное решение».

Стремление разрешить «баскскую проблему» путём переговоров было характерным явлением начального этапа предавтономного периода. После

нападения на АЭС в г. Лимонисе в марте 1978 г. в ответ на продолжение апертуризма центрального правительства и явное продолжение политики репрессий и в связи с приездом главы государства в Страну Басков возможность проведения переговоров была исключена.

В рамках автономии Страны Басков, тем более в переходный период, когда главный орган самоуправления – Временное правительство – не имело реальных полномочий, разрешение баскской проблемы было невозможно. Прекратить вооружённую борьбу можно было только силами всех демократических организаций Страны Басков и Испании, и прежде всего разрешением путём глубокой реформы проблемы СОП в Стране Басков. Та реформа, которая разрабатывалась в 1978 году для СОП, являлась косвенным подтверждением того, что именно вопрос о характере СОП являлся одним из ключевых для разрешения проблемы «ruptura – apertura» в Стране Басков. Хотя реформа предусматривала, прежде всего, улучшение условий для членов СОП, а не разрешение проблемы характера пребывания их в Стране Басков, она говорила о том, что эта проблема беспокоит также членов СОП и их руководство как в Стране Басков, так и в Мадриде. Руководство СОП, мало осведомлённое о реальном положении в Стране Басков, не пошло на радикальное разрешение этой проблемы.

Относительное спокойствие в Стране Басков, наметившееся в результате приостановки «боевых действий» ЭТА обозначило новый этап в современной истории Испании.

Долгие годы (с конца 1950-х гг.) регион фактически раздирали гражданская война. Надо учесть, что за ЭТА и связанные с ней политические организации в разные годы за них голосовали до 20% населения региона. Это – политическая сила, с которой нельзя не считаться. Появление так называемой «Социалистической Кубы в Пиренеях», по всей видимости, откладывается на долгие годы или вообще отменяется. Центральное правительство Мадрида победило в затянувшейся борьбе с сепаратизмом.

Пацифистские силы в Стране Басков одержали верх. Закат террористической организации ЭТА, наметившийся в 2008 г., завершился фактической остановкой деятельности этой организации. Пока ещё не известно, являемся ли мы свидетелями паузы, или окончательного и бесповоротного завершения деятельности ЭТА.

Как бы то ни было, правоохранительные органы Испании поспешили отрапортовать об окончании эры ЭТА. Руководители ЭТА осуждены на различные длительные сроки. Глава ЭТА осуждён на 105 лет лишения свободы.

Политические обозреватели отмечают вновь наметившийся ренессанс баскской экономики. Аналитики свидетельствуют о начавшемся пока ещё слабом притоке прямых иностранных инвестиций в некоторые отрасли народного хозяйства Страны Басков.

На наш взгляд можно констатировать большое оживление в пацифистских секторах баскской политической системы. Наметились союзы, группировки, альянсы среди тех организаций и политических партий и профсоюзов, где раньше этого не наблюдалось.

Правительство народной партии во главе с М.Рахоем уже провозгласило курс на диалог со всеми политическими партиями Страны Басков.

Нынешняя эпоха получила название эпохи «замирения». По всей видимости обстановка и политический климат в Стране Басков будет характеризоваться подъёмом миротворческих усилий со стороны основных сил Страны Басков – ИСРП, БНП, ИНП.

Демократические силы одержали победу в многолетней схватке с террором. Пацифистские силы в Европе, в том числе в Европарламенте, празднуют свою победу.

Как отмечают наблюдатели, должно пройти какое-то время, чтобы можно было бы в этом убедиться.

ЯДЕРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА АЛЬБИОНА

В свете набирающей силу идеи о всеобщем ядерном разоружении, возрастающий интерес приобретает политика в этой области «младших партнеров» по ракетно-ядерным вооружениям. Прежде всего, внимания заслуживает пример и инициатива Великобритании.

I. Старт лейбористских правительств

В июле 1998 г. лейбористское правительство Тони Блэра опубликовало «Стратегический обзор обороны». В нем было заявлено, что правительство хочет видеть «более безопасный мир, в котором нет места ядерному оружию».¹ В качестве одной из целей внешней и оборонной политики провозглашался прогресс в области контроля над вооружениями.

В порядке своего вклада в мировой позитивный процесс правительство решило сократить СЯС страны до уровня менее чем 200 боезарядов. Задача ставилась уменьшить число боеголовок на треть по сравнению с прежним уровнем и более чем на 70% потенциальной взрывной мощности с момента конца холодной войны. Максимальное количество ядерных боеголовок, которое могло быть развернуто на ПЛАРБ, находящейся на боевом патрулировании, было сокращено до 48 единиц (ранее 96 единиц).

Это означало серьезный поворот прежнего курса. В конце 2006 г. был опубликован документ под названием «Будущее ядерного сдерживания Великобритании».² В нем формулировались четыре основные задачи, которые, по мнению британского правительства призвано решать ядерное сдерживание:

1) поддержание мира и стабильности в новых, неопределенных условиях международной обстановки; 2) противодействие угрозам актов ядерного терроризма, спонсируемых каким-либо государством; 3) снижение вероятности угрозы «ядерного шантажа» со стороны региональных «стран-изгоев», обладающих ЯО; 4) противостояние угрозе ядерной агрессии в отношении Великобритании и НАТО и их жизненно важных интересов или угрозе «ядерного шантажа» со стороны крупных держав, обладающих большими ядерными арсеналами.³

Первое положение – в определенном отношении выглядело уязвимым. Как резонно указали некоторые компетентные эксперты, хотя до недавних пор ядерное оружие действительно помогало предотвращать крупномасштабные войны между ядерными державами, в то же время мир не раз оказывался на грани ядерной катастрофы, что с не меньшей долей вероятности может свидетельствовать о том, что именно ситуация ядерного противостояния – подводила к этой опасной черте. Кроме того, даже в достаточно «определенных» условиях холодной войны и биполярного противостояния ядерное сдерживание не предотвращало региональных конфликтов и не делало международную обстановку более стабильной и надежной.

Второе положение – сдерживание угрозы актов ядерного терроризма, спонсируемых каким-либо государством – также не выглядело вполне убедительным. Любое государство, которое руководство Великобритании сочтет ответственным за содействие ядерной атаке на свои жизненно важные интересы, может ожидать «пропорциональный ответ». Может ли гипотетическое нанесение даже ограниченного ядерного удара, влекущее за собой тысячи, если не десятки тысяч жертв из числа мирного населения, в ответ на акт ядерного терроризма считаться «пропорциональным»? Кроме того, попадание ЯО или ядерных технологий в руки террористов («Аль-Каиды» или Талибана, например) представляется возможным и с территории Пакистана, тем более учитывая прецедент с незаконной торговлей ядерными технологиями, организованной «отцом пакистанской ядерной бомбы» Абдул Кадир Ханом. Что может произойти, если случится акт ядерного терроризма на территории Великобритании или против британских войск, размещенных в Афганистане, и при этом он будет иметь явный пакистанский «след»? Неужели британское правительство будет всерьез рассматривать возможность ядерного «удара возмездия» по члену британского Содружества? Актом ядерного терроризма может быть и подрыв так называемой «грязной бомбы», в которой обычное взрывчатое вещество используется для разброса радиологических материалов.⁴ Другим актом ядерного терроризма может быть использование или повреждение ядерных объектов (наземных ядерных реакторов, реакторов, установленных на морских судах) таким образом, что происходит высвобождение или создается опасность высвобождения радиоактивного материала. И в этом случае нанесения ядерного удара скорее всего оказалось бы вне пределов целесообразности.

Возникают и другие проблемы: надежности технической экспертизы по определению принадлежности ядерных взрывных устройств, технологий и материалов; необходимости избежать чрезмерной политизации оценок такой экспертизы. Как известно, одним из предлогов для вторжения в Ирак 2003 г. послужили данные о разработке Багдадом ОМУ, которые впоследствии не подтвердились.

Кроме того, террористические акты в Мумбаи в ноябре 2008 г. еще раз подтвердили, что для достижения своих целей, исламские террористы не останавливаются перед самыми масштабными действиями. Вполне возможно, целью этих терактов было не просто создать новый виток напряженности в отношениях Индии и Пакистана, а спровоцировать вооруженный конфликт с его эскалацией вплоть до ядерного противостояния. Нельзя исключать того, что исламские террористы могут специально спровоцировать ядерную державу на нанесение «удара возмездия» по мусульманской стране для придания легитимности «мировому джихаду» в глазах сторонников ислама.

Третье положение - сдерживание угрозы «ядерного шантажа» со стороны «стран-изгоев», обладающих ЯО, также вызывало сомнения. Они связаны прежде всего с политикой КНДР и Ирана. Как известно, Северная Корея осуществила ядерные испытания в 2006 и 2009 гг., а если Ирану удастся создать ЯО, то официально непризнанных ядерных государств окажется столько же, сколько официально признанных. Это может повлечь за собой цепную реакцию - некоторые другие страны, выходя из ДНЯО, обрушили бы весь режим нераспро-

странения. Пока у Ирана и КНДР отсутствуют средства доставки ЯО, способные достигать территории Соединенного Королевства, а запасов плутония Северной Кореи, по оценкам экспертов, хватит всего на несколько боезарядов.⁵ Однако опасения британского правительства не лишены оснований, если говорить о долгосрочной перспективе. Пока, несмотря на принимаемые международным сообществом меры, целый ряд резолюций СБ ООН, Иран и КНДР не отступили от своих планов и продолжают развивать ракетный и ядерный потенциалы.

В случае Ирана и Северной Кореи ядерное сдерживание явно не срабатывает. Во-первых, угроза ядерного удара, возможно, не способна остановить тоталитарные режимы от реализации собственных планов. Во-вторых, обладание ЯО (особенно после событий в Ираке и Ливии) рассматривается этими режимами как гарантия от вторжения извне. Соответственно, если в результате военной интервенции с применением обычных вооруженных сил будет поставлено под угрозу пребывание у власти руководства «страны-изгоя», обладающей ЯО, то высока вероятность того, что лидер такой страны отдаст команду о нанесении ядерного удара. Судя по всему, в Лондоне, как и в Вашингтоне, это хорошо понимают, и именно поэтому факт ядерного испытания в КНДР исключил возможность силового решения «проблемы нуклеаризации Корейского полуострова».

Сомнительно и четвертое утверждение, относительно сдерживания угрозы агрессии в отношении Великобритании и НАТО со стороны крупных держав, обладающих большими ядерными арсеналами. Москва и Пекин все глубже интегрируются в глобальную экономику, становятся участниками международных процессов и взаимовыгодного сотрудничества. Изменения тенденций в отношениях Великобритании с Россией и КНР со времени окончания холодной войны следует рассматривать как позитивные. Что касается КНР, то даже в случае гипотетического в этой стране возрождения экспансионистского курса, в первую очередь, это коснется ее ближайших соседей (и возможно, в том числе России), но вряд ли затронет «жизненно важные интересы» Лондона. Что касается России, то подписание с США в апреле 2010 г. Договора о СНВ создает новые условия и перспективы для процесса сокращения вооружений и обеспечения международной безопасности.

Учитывая указанные новые факторы, Великобритания еще до начала российско-американских переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений предприняла шаги по одностороннему сокращению ЯО. В 2008 г. был полностью выполнен объявленный в 2006 г. план сокращения количества оперативно развернутых боеголовок на 20% -- это количество составило теперь менее 160 единиц.⁶

В то же время, исходя из неопределенности будущих вызовов и угроз, руководство Великобритании в конце 2006 г. объявило о своем решении принять меры для дальнейшего поддержания надежного потенциала сдерживания путем создания нового типа подводных лодок. Британским правительством было признано целесообразным присоединение к планируемой США программе продления сроков службы ракет «Трайидент II». Эта программа позволит США продлить срок службы названных ракет для ПЛАРБ типа «Огайо» примерно до

начала 2040-х гг. Участие в этой программе оценивается примерно в 250 млн. ф.ст.⁷

Лейбористское правительство Великобритании ожидало, что срок службы новых ПЛАРБ составит, по меньшей мере, 25 лет, то есть до 2050-х гг. Поскольку продление сроков службы ракет «Трайдент II» возможно до 2042 г., то до 2020-х гг. не планировалось ставить вопрос о том, какие БРПЛ придут на смену старым. Тем не менее, отмечалось, что Великобритания получила заверения от правительства США в том, что она может присоединиться к программе создания новой БРПЛ, если американские партнеры решат ее инициировать.

Что касается вопросов контроля над вооружениями, то в документе указывалось, что правительство приняло решение о сокращении числа пусковых установок (ПУ) БРПЛ на новых субмаринах до 12 единиц (на ПЛАРБ типа «Вэнгард» их 16). В сентябре 2009 г. Гордон Браун объявил о том, что он дал поручение совету национальной безопасности подготовить доклад о возможном уменьшении числа новых подлодок, которые придут на смену ПЛАРБ «Вэнгард» с 4-х до 3-х.⁸ Однако британские эксперты скептически относятся к уменьшению количества субмарин, отмечая, что экономия расходов будет весьма скромной, а риск, которому подвергнется устойчивость системы «постоянного сдерживания на море» очень велик.⁹

Программа по замене ПЛАРБ «Вэнгард» подлодками нового типа разделена на несколько этапов. В настоящий момент она находится в концептуальной стадии. Первую подлодку планировалось ввести в состав флота в 2024 г. Подписание контракта по проектированию новой подлодки, которое должно было завершить первую стадию проекта и состояться в сентябре 2009 г., было отложено. Такое решение было продиктовано внешними условиями. В первую очередь, это касается позитивных изменений в сфере контроля над ядерными вооружениями, связанных с ростом взаимодействия Москвы и Вашингтона, подписанием нового Договора о СНВ.

Другим важным фактором, повлиявшим на решение правительства Соединенного Королевства, явилась так называемая «ядерная сделка», достигнутая между ядерными и безъядерными странами в рамках ДНЯО – разоружение в обмен на нераспространение. Как подчеркнуло британское правительство, эта сделка закладывает краеугольный камень Договора. Однако отсутствие видимых и значимых результатов в области сокращения ЯО способно подтолкнуть некоторые неядерные страны к пересмотру своей ядерной политики. В результате в 2009 г. мир получил де-факто еще одну ядерную державу – КНДР, и перспективы денуклеаризации Корейского полуострова с тех пор выглядят достаточно призрачными.

В июле 2009 г. тогдашний премьер-министр Гордон Браун, выступая в парламенте Великобритании указал на необходимость в будущем многостороннего сокращения ядерных арсеналов, с обеспечением процедур верификации. «С нашей стороны, - подчеркнул он, - как только станет полезным включение нашего арсенала в более широкий переговорный процесс, Великобритания будет готова участвовать и действовать».¹⁰ Это заявление, как и другие позитивные шаги британского правительства, свидетельствуют о принципиальной готовности Великобритании подключиться в дальнейшем к российско-

американским переговорам по сокращению ЯО, что, в свою очередь, может подтолкнуть к вовлечению в «широкий переговорный процесс» и Францию. Очевидно, что движение к безъядерному миру невозможно без подключения всех ядерных держав к процессу ядерного разоружения на многосторонней основе. В то же время, серьезные сдвиги ожидать едва ли реалистично пока Москва и Вашингтон не сформулируют стимулы и принципы присоединения «третьих стран» к этому процессу.

II. Почерк коалиционного кабинета

На выборах весной 2010 г. ни лейбористы, ни консерваторы не смогли набрать абсолютного большинства в парламенте. В результате, консерваторы пошли на соглашение с либеральными демократами и создали коалиционное правительство. В мае 2010 г. с целью укрепления мер доверия министр иностранных дел Великобритании нового, коалиционного правительства консерватор Уильям Хейг объявил о том, что общее количество ядерных боеголовок, имеющихся у его страны, «не будет превышать 225 единиц».¹¹ Таким образом, британское руководство снова взяло на себя обязательство не увеличивать ядерный арсенал. Одним из факторов, повлиявшим на это заявление, явилось, возможно, оглашение американским руководством общей суммы своих ядерных боезарядов.

В октябре 2010 г. коалиционное правительство опубликовало «Стратегический обзор обороны и безопасности», одна из глав которого была посвящена ядерному сдерживанию.¹² Важным положением «Обзора» явилось обязательство Лондона не применять и не угрожать применением ЯО неядерным странам, которые соблюдают положения ДНЯО (или так называемые «негативные гарантии»). Однако в Стратегической концепции НАТО, вышедшей в ноябре 2010 г., такие гарантии не были даны. Как известно, СЯС Великобритании являются составной частью ядерных сил и оперативного планирования альянса. Таким образом, возникло определенное несоответствие между концептуальными доктринами Великобритании и НАТО.

В «Стратегическом обзоре» перечислялись дальнейшие меры по сокращению ядерных вооружений страны. Предполагается в течение нескольких лет сократить число оперативно развернутых боезарядов со 160 до 120 ед. Количество БРПЛ на каждой из ПЛАРБ типа «Вэнгард» сокращается до 8, а число боеголовок с 48 до 40 единиц соответственно. Сокращение числа оперативно развернутых боезарядов со 160 до 120 единиц позволит сократить к середине 2020-х гг. общее количество боезарядов до 180. В документе снова объявлено о том, что будет изучен вопрос о возможности сокращения стратегического подводного флота с 4 до 3 субмарин, но решение по этому вопросу отложено до 2016 г. В июне 2011 г. было сообщено, что работы по сокращению числа боеголовок на подлодках начались и одна из четырех ПЛАРБ уже несет на борту не более 40 боеголовок. Таким образом, общее число БРПЛ и боеголовок на каждой ПЛАРБ уменьшается, но при этом увеличивается с трех до пяти единиц число боезарядов на каждой ракете. Такая практика является довольно необычной, поскольку после окончания холодной войны среди ядерных госу-

дарств преобладала тенденция к сокращению числа боеголовок на одной ракете.

В «Стратегическом обзоре» 2010 г. говорится, что в оборонном бюджете существует «черная дыра» в 38 млрд. ф.ст. в течение ближайших 10 лет,¹³ что составляет примерно годичный бюджет МО. Поэтому британское руководство столкнулось с необходимостью урезать военные расходы. Премьер-министр коалиционного правительства Дэвид Кэмерон в конце 2010 г. обнародовал план сократить в 2011–2015 годах военный бюджет на 8%.¹⁴ По вопросу финансирования модернизации СЯС обнаружились разногласия даже внутри партии консерваторов. Министр финансов Джордж Осборн в июле 2010 г. высказался за то, чтобы финансирование модернизации проводилось за счет бюджета МО, а бывший тогда министром обороны Лайэм Фокс выступил за то, чтобы финансирование проводилось отдельной строкой в бюджете страны.

Режим экономии коснулся и модернизации СЯС, причем механизм этой экономии был довольно подробно расписан. Модернизацию СЯС Великобритании предполагается проводить по трем основным направлениям: перспективная ПЛАРБ на замену подлодок «Вэнгард», новые боеголовки и инфраструктура для подлодок. По оценке правительства, в течение 10 следующих лет предстоит затратить на программу на 3,2 млрд. ф.ст. меньше запланированного.

Согласно современной методике закупок Министерства обороны Великобритании, жизненный цикл оборонной продукции разделен на шесть стадий: выработка концепции, оценка проекта, создание опытного образца, серийное производство, эксплуатация, вывод из эксплуатации. Проект должен получить два одобрения. Их называют предварительное одобрение (“Initial Gate”) и основное одобрение (“Main Gate”).

В настоящее время МО закончило первую стадию (выработка концепции) программы и началась стадия оценки. В рамках этой стадии внимание сконцентрировано на определении конструктивных особенностей перспективной ПЛАРБ.

Основное одобрение программы отложено до 2016 г., после чего предполагается перейти к стадиям создания опытного образца и серийного производства ПЛАРБ. В этом случае, уже трудно будет повернуть процесс вспять политически и экономически. Дело в том, что в 2015 г. в Великобритании пройдут новые всеобщие выборы, по результатам которых будет создано новое правительство. Очевидно, что коалиционное правительство отложило принятие решения до 2016 г. из-за боязни брать на себя ответственность за расходы, которые придется понести на строительство новых ПЛАРБ до 2015 г. Вопрос о модернизации СЯС не будет ключевым на следующих всеобщих выборах, но он может оказать немалое влияние на настроения избирателей.

Важным фактором, формирующим позицию руководства Великобритании по ядерным вооружениям, является внутривнутриполитическая дискуссия по этому вопросу. Существует достаточно сильная оппозиция планам модернизации СЯС внутри страны. Если в 2006 г. 51% британских респондентов поддерживал модернизацию СЯС, а 39% были против, то в июле 2009 г. 54% респондентов высказалось за то, чтобы отказаться от ЯО, а 42% за то, чтобы его сохранить.

Крен в сторону отказа от ЯО в 2009 г. среди избирателей правящей тогда лейбористской, партии составлял 59% против 40% сторонников его сохранения, а среди избирателей либерально-демократической партии он составлял 59% против 35%. Только среди избирателей консервативной партии преобладали сторонники модернизации СЯС – 57%, в то время как 41% склонялись к отказу от ЯО. Сторонники всех остальных партий также предпочитали вариант, ведущий к ядерному разоружению – 59% против 37%. В сентябре 2009 г. такой же опрос показал, что уже 58% респондентов высказалось за то, чтобы отказаться от ЯО, и 35% за то, чтобы его сохранить. Крен в сторону отказа от ЯО в 2009 г. среди избирателей лейбористской партии увеличился, и составил 61% против 31% сторонников его сохранения, а среди избирателей либерально-демократической партии он составил 63% против 33%. Избиратели консервативной партии разделились на сторонников и противников сохранения ЯО почти поровну – 48% и 47% соответственно.¹⁵ Таким образом, британцы скорее поддерживают ядерное разоружение, чем перевооружение, причем тенденция поддержки отказа от ЯО усиливается.

Надо сказать, что среди электората лейбористской партии преобладают сторонники одностороннего отказа от ЯО, в самой же партии перевес за сторонниками ядерного разоружения на многосторонней основе. Электорат консерваторов настроен преимущественно скептически в отношении ядерного разоружения, видя в нем лишь отдаленную цель. Несмотря на это, избиратели консерваторов в большинстве своем выступают за меры по сокращению ЯО на многосторонней основе. Таким образом, и лейбористская и консервативная партии имеют консенсус по вопросу о ядерном разоружении – они твердые сторонники многостороннего подхода к этому процессу. Поэтому в политике обеих партий, сменяющих друг друга у власти, сохраняется определенная преемственность. Любая из них рассматривает одностороннее ядерное разоружение как нецелесообразное, но заявляет о своей приверженности идее безъядерного мира.

Консервативная партия, пришедшая к власти в мае 2010 г., и образовавшая коалицию с либеральными демократами, в своем манифесте объявила о поддержке модернизации СЯС в том виде, в котором он был задуман лейбористами. Что касается союзника по коалиции - либерально-демократической партии, то ее лидер, (а с мая 2010 г. и заместитель премьер-министра) Ник Клегг в июне 2009 г. выступил за альтернативные варианты модернизации СЯС. С целью сокращения расходов он предложил либо оснастить ПЛА типа «Эстьют» крылатыми ракетами с ядерными боеголовками, либо сохранить запас расщепляющихся материалов, достаточный для того, чтобы возродить военный ядерный потенциал за срок от 6 до 24 месяцев.¹⁶

В совместном документе коалиционного правительства – обе стороны заявили о необходимости изучения вопроса о модернизации СЯС с целью обеспечения «сбережения денег».¹⁷

В ходе исследований предстоит изучить вопросы выполнимости, стоимости, последствий для ОПК и возможных рисков, связанные с альтернативными путями обновления СЯС.

Во многом новый подход вызван последствиями мирового финансово-экономического кризиса. Ведь цена модернизации СЯС Великобритании в ценах 2006 г. составляет 15-20 млрд. ф.ст., а если прибавить к этому расходы на их содержание в 2024-2054 гг. (оцениваются в 5-6% от оборонного бюджета), то, по экспертным оценкам, общая сумма может составить 76 млрд. ф.ст. или даже более. Сумма немалая, если учесть, что военные расходы страны составили, например, в 2008-2009 бюджетном году 38,7 млрд. ф.ст.¹⁸ Еще лейбористское правительство Гордона Брауна заявляло, что процесс модернизации СЯС не будет проходить за счет уменьшения расходов на обычные вооруженные силы. Однако, учитывая, что проведение операции в Афганистане затянется до 2015 г., принимая во внимание планы строительства двух авианосцев нового типа и закупку для них парка авиатехники, продолжающееся строительство эсминцев 45-го проекта и другие довольно затратные военные программы, в долгосрочной перспективе это обещание может оказаться невыполнимым. Кроме того, инфляция увеличивает расходы на модернизацию СЯС. В мае 2011 г. министр обороны Великобритании признал, что если в 2006 г. строительство ПЛАРБ нового поколения оценивалось в 11-14 млрд. ф.ст., то теперь, с учетом инфляции оно составляет 20-25 млрд. ф.ст.¹⁹

Поэтому британское правительство прилагает усилия к уменьшению расходов на СЯС посредством расширения сотрудничества с союзными державами. В дополнение к связям с США в ядерной области, британское правительство рассматривает Францию в качестве перспективного партнера в сфере обмена ядерными технологиями и разработками. В ноябре 2010 г. в Лондоне состоялся саммит глав правительств Великобритании и Франции, по итогам которого была опубликована Декларация о сотрудничестве в области обороны и безопасности, и состоялось подписание двух договоров сроком действия в 50 лет. Первый из них – о сотрудничестве в области обороны и безопасности, второй – о сотрудничестве в ядерной сфере. Последний предусматривает строительство совместной исследовательской лаборатории в центре ядерных исследований «Вальдук» французского Комиссариата по атомной энергетике. В британском Олдермастоне будет создан совместный центр технологий и разработок, для проведения исследований в этой области.

Сотрудничество в ядерной сфере является «прыжком» в британско-французских отношениях, толчком к которому, как представляется, послужило не только совпадение интересов двух стран, но и финансово-экономический кризис. Еще в марте 2010 г. президент Франции Николя Саркози предложил объединить морские компоненты СЯС обеих стран так, чтобы иметь одну ПЛАРБ в море на боевом дежурстве.²⁰ На британско-французском саммите в ноябре 2010 г. такая договоренность не была достигнута. Однако эта идея не умерла. Ник Харви весной 2011 г. призвал к усилению сотрудничества Великобритании и Франции в области ядерного сдерживания. Он заявил, что две страны могли бы совместно проводить НИОКР по подлодкам, которые должны прийти на замену ПЛАРБ типа «Вэнгард» и «Триумфан», что, по его словам, почти вдвое снизило бы затраты на НИОКР и позволило бы сэкономить миллиарды обеим сторонам в течение 25-30 лет.²¹ Таким образом, нельзя исключить

создания в перспективе совместной британско-французской системы «постоянного сдерживания на море».

В 2011 г. Шотландская национальная партия (ШНП) выиграла выборы в парламент Шотландии, получила большинство мест в нем и сформировала правительство. Она объявила о проведении осенью 2014 г. референдума по вопросу о независимости Шотландии. В случае отделения Шотландии встанет вопрос о базировании британских ПЛАРБ в Фаслейне, а также о хранении БРПЛ и боеголовок к ним в Кулпорте. ШНП категорически против размещения ЯО на шотландской территории, и видит Шотландию в качестве неядерного государства в рамках ДНЯО.²²

В этом случае получится, что СЯС ядерного государства будут базироваться на территории другого, независимого государства, а на своей национальной территории будут отсутствовать. Таких прецедентов история еще не знала. Проблема могла бы быть в какой-то мере снята за счет того, что Шотландия оставалась бы членом НАТО. Но тогда количество баз размещения ЯО на территории неядерных государств-членов альянса пополнилось бы, что противоречит тенденции сокращения баз ЯО, размещенных на территории Европы. Ведь в свое время из Великобритании было выведено ТЯО США. Однако возможно Шотландия откажется и от членства в НАТО. Как известно правящая партия – ШНП, в своих программных документах заявляет о том, что она за сотрудничество с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» но против членства в альянсе.²³ Размещение же ЯО Великобритании на территории неядерного государства, не входящего в НАТО – это вообще нонсенс. Такой поворот событий может заставить Великобританию отказаться от ЯО, учитывая огромную стоимость перенесения СЯС и их инфраструктуры с шотландской на национальную территорию. Тогда возникает вопрос, будет это делать Соединенное Королевство в одностороннем порядке или же путем участия в многостороннем переговорном процессе? Другим возможным вариантом является еще более тесное и глубокое сотрудничество с Францией. Тогда усиливается перспектива совместной британско-французской системы «постоянного сдерживания на море». Третий, наиболее затратный вариант – сохранение независимых СЯС в прежнем составе с перенесением инфраструктуры полностью на национальную территорию, также не исключен. Но он представляется наименее вероятным, т.к. тогда уже потребуются такие ассигнования на модернизацию СЯС и на новую инфраструктуру, что они могут превысить даже самые смелые ожидания.

Итоги референдума о независимости Шотландии в 2014 г. окажут влияние и на всеобщие выборы, которые пройдут в Великобритании в 2015 г. Соответственно, возможно изменение, как настроений избирателей, так и позиций политических партий в отношении ЯО. В любом случае в Вестминстере в 2015 г. следует ожидать жарких дебатов вокруг вопроса о модернизации СЯС, да и вообще о целесообразности сохранения страной ядерного оружия.

III. Экспертные прикидки

Британское экспертное сообщество в ходе дискуссии о модернизации СЯС разделилось на противников и сторонников ядерного перевооружения. При этом в центр внимания выдвинулись вопросы «уместности» ядерного сдерживания и сохранения СЯС в новых условиях международной обстановки и возможности экономии средств за счет отказа от модернизации ядерных сил. Малькольм Чалмерс, профессор Королевского объединенного института оборонных исследований, предложил с целью снижения нагрузки на оборонный бюджет продлить сроки службы ПЛАРБ типа «Вэнгард» на пять или более лет. По его мнению, этот вариант имеет то преимущество, что позволяет приблизить по срокам британскую программу замены ПЛАРБ к американской.²⁴ Мнение о продлении сроков службы выразил и глава Британской Пагуошской группы (The British Pugwash Group) Джон Финни: «Если мы отложим решение об обновлении (СЯС – прим. авт.), - указал он, - то не только сэкономим деньги, но и создадим основу для фундаментальной оценки того, как наилучшим образом Британия сможет отвечать на угрозы сегодняшнего мира, а не мира вчерашнего».²⁵ Джулиан Льюис, депутат парламента от консервативной партии, оспорил точку зрения некоторых высших чинов в армии, склоняющихся к выбору в пользу приготовлений к тому, что называется войнами современного типа, и поэтому выступающих против модернизации СЯС. Он подчеркнул, что такой выбор неприемлем, и просматривающееся за этим выбором убеждение, что эра крупномасштабных межгосударственных войн прошла – опасное заблуждение.²⁶

Еще один сторонник перевооружения, военный эксперт Саш Туса, предостерег, что в случае отказа от модернизации СЯС Великобритания превратится во «второстепенную европейскую страну, такую как Италия или Испания». Кроме того, отказ от перевооружения, по его суждению, нанесет удар по оборонно-промышленному комплексу и приведет к утрате им квалифицированных кадров²⁷.

Наиболее решительным сторонником перевооружения является Джон Хаттон (лейборист), бывший министр обороны. Выступая за сохранение и модернизацию СЯС он заявил: «Британия должна сохранить способность, если необходимо защищать себя всеми доступными военными средствами. Слабость только навлекает большие опасности. [...] Чтобы защитить себя от этих, самых разных угроз, мы должны сначала понять, что наши независимые силы ядерного сдерживания остаются важнейшей опорой, от которой зависит все остальное. [...] Но мы не должны отказываться от сдерживания, пока другие страны обладают ядерным оружием, которое может быть нацелено на нас. Никакие другие системы доставки [ядерного оружия – прим. авт.], такие как бомбардировщики или ракеты наземного базирования, не смогут обеспечить эквивалентный уровень сдерживания. [...] Наши атомные подводные лодки не обнаруживаются и не могут быть выведены из строя упреждающим ударом. Вот почему они обеспечивают наилучший способ ядерного сдерживания, который нам доступен».²⁸

Напротив, Поль Левер, вице-президент Королевского объединенного института оборонных исследований считает необоснованным представление о том, что без обладания ядерным оружием вес и влияние страны в мире резко уменьшится. Он указывает, что влияние Лондона в мире поддерживается во многом благодаря статусу постоянного члена Совета Безопасности ООН. Франция имеет больше ЯО, чем Великобритания, и помимо стратегического ЯО обладает и тактическим, ее ядерные силы полностью независимы, но вряд ли Париж обладает большим престижем в мире, чем Лондон, а ФРГ, неядерная держава, в ЕС более влиятельна, чем ядерные Великобритания и Франция, отмечает эксперт. Он также считает, что альтернатива планам правительства по модернизации СЯС в виде КРМБ в ядерном оснащении имеет не только недостатки, но и ряд достоинств. Во-первых, число КРМБ на подводных лодках можно варьировать соответственно уровню угрозы, что невозможно в случае с БРПЛ. Во-вторых, КРМБ можно разместить на уже существующих ПЛА типа «Эстьют», что значительно сократило бы расходы.²⁹

Эксперт из Брэдфордского университета Ник Ритчи считает, что Великобритания вступила в полосу длительной рецессии, и высказывает опасение, что правительство недостаточно финансирует текущие военные миссии за рубежом, оставляя свои войска без оснащения необходимыми и эффективными вооружениями. Его вывод: по соображениям безопасности, экономии средств и поддержки режима нераспространения уже сейчас необходимо пересмотреть решение о модернизации СЯС.³⁰

Противники модернизации СЯС получили весомую поддержку в лице трех бывших высокопоставленных сотрудников министерства обороны Великобритании. В январе 2009 г. в газете «Таймс» было опубликовано их совместное письмо, в котором утверждалось, что британское ядерное сдерживание в новых условиях бесполезно и не может рассматриваться как независимое от США, поскольку опирается на поставки и регулярное обслуживание ракет со стороны американских партнеров. Авторы письма считают, что модернизация СЯС является пустой тратой средств, которые предпочтительнее было бы направить на оснащение страны обычными вооружениями.

Нельзя не упомянуть и о статье, вышедшей в газете «Таймс» и подписанной бывшими министрами иностранных дел Малкольмом Рифкингом, Дугласом Хэрдом и Дэвидом Оуэном, а также бывшим генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном.³¹ Авторы поддержали инициативу по избавлению мира от ядерного оружия четырех бывших высокопоставленных официальных лиц США Джорджа Шульца, Уильяма Перри, Генри Киссинджера и Сэма Нанна³² и призвали к проведению такой же дискуссии в Великобритании, а также в других государствах Европы. В статье сказано, что существуют весьма веские основания для резкого сокращения ядерных арсеналов, и Великобритания и Франция, будучи ядерными державами, могли бы присоединиться к возобновленным усилиям по существенному сокращению имеющихся ядерных вооружений на многосторонней основе.

IV. Крен тенденций

Пока еще рано говорить о четкой и однозначной общенациональной концепции по проблеме перестройки ракетно-ядерного баланса. В проводимом, как и намечаемом курсе все еще немало противоречий и нестыковок. Налицо, в частности, несоответствие между некоторыми положениями концептуальных документов Великобритании и НАТО. Великобритания, допустим по-прежнему, гарантирует неприменение ЯО против неядерных стран, которые соблюдают положения ДНЯО, а в Стратегической концепции НАТО (ноябрь 2010 г.) таких гарантий нет.

Тем не менее, в целом линия на сокращение ядерного щита Лондоном после окончания холодной войны выдерживается. Скорее всего сокращение арсенала ядерных средств будет продолжено (иной вопрос – какими темпами) и в течении всех 2010-х гг. Является во всяком случае фактом, что из ядерных государств, признанных в рамках ДНЯО, Великобритания продвинулась дальше всех в области создания потенциала действительно минимального ядерного сдерживания. Британское руководство предпринимает шаги по увеличению открытости и прозрачности своей ядерной политики, что способствует укреплению мер доверия. Помимо прочего в этом сказывается влияние электората на политику правящей партии.

И лейбористская и консервативная партии имеют консенсус по вопросу о ядерном разоружении – они сторонники многостороннего подхода к этому процессу. Поэтому, в 2000-х гг. в политике обеих партий, сохраняется определенная преемственность. Она выражается в том, что любая из них, придя к власти и публикуя концептуальные документы по вопросам ядерной политики, заявляет о своей приверженности идее о безъядерном мире. Правда, из-за «особой позиции» либеральных демократов в правящей коалиции нет единства относительно того, каким путем следует обновить ядерные силы сдерживания.

Можно выделить несколько факторов, под воздействием которых происходит сокращение ЯО Великобритании. Сказывается воздействие мирового финансово-экономического кризиса. Ведь цена модернизации СЯС вместе с расходами на содержание – сумма в 2 годичных военных бюджета Великобритании (а возможно и больше). Последствия финансово-экономического кризиса подталкивают Великобританию к более тесному сотрудничеству в ядерной сфере с другими ядерными державами, в частности, в последние годы наряду с США, также и с Францией. В долгосрочной перспективе это может привести даже к созданию совместной британско-французской системы «постоянного сдерживания на море». Позитивные изменения в сфере международной безопасности, связанные с «перезагрузкой» отношений между Россией и США и инициативами администрации Барака Обамы также оказывают свое влияние на процесс сокращения ЯО в одной из держав «ядерного клуба».

Немаловажным фактором, влияющим на позицию Лондона по вопросу сокращения ЯО, является кардинальное изменение отношения населения Великобритании к планам модернизации СЯС. Британцы все определеннее склоняются к отказу от перевооружения своих ядерных сил. И в экспертном сообществе все большую поддержку находит концепция движения к миру без ядер-

ного оружия, и, соответственно, идея участия Соединенного Королевства в многосторонних переговорах по сокращению ядерных вооружений.

Кроме того, итоги референдума по вопросу о независимости Шотландии в 2014 г. могут повлиять на принятие решения о модернизации СЯС следующим, сформированным по итогам всеобщих выборов 2015 г. правительством Великобритании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ministry of Defence. Strategic Defence Review. Cm 3999. L., July 1998. para 60.

² The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent, Cm 6994. L.: Stationery Office, 2006.

³ Ibid. p. 17-19.

⁴ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года, Ст. 2

⁵ SIPRI Yearbook 2010. Armaments, Disarmament and International Security. – Oxford: Oxford University Press, 2010. p. 365.

⁶ The National Security Strategy of the United Kingdom. p. 30.

⁷ The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. p. 26.

⁸ Brown G. Speech to UN General Assembly. 23 September 2009 <<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20091005111728/http://www.number10.gov.uk/Page20719%20>>

⁹ House of Commons Defence Select Committee. The Future of the UK's Strategic Nuclear Deterrent: the White Paper. HC 225-II, Ninth Report of Session 2006–07. <<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200607/cmselect/cmdfence/225/225ii.pdf>>.

¹⁰ Brown G. Op. cit.

¹¹ <<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm100526/debtext/100526-0005.htm>>

¹² Securing Britain in an Age of Uncertainty: The Strategic Defence and Security Review. Cm 7948. L.: Stationery Office, 2010.

¹³ Securing Britain in an Age of Uncertainty. p. 15.

¹⁴ Prime Minister David Cameron's statement to the House of Commons on the Strategic Defence and Security Review, 19 October 2010.

¹⁵ ComRes Poll for The Independent, September 4th-6th 2009.

¹⁶ Wintour P., Watt N. Nick Clegg says Lib Dems won't replace Trident because world has moved on // The Guardian. 16.06.2009.

¹⁷ The Coalition: our programme for government. L.: Cabinet Office, May 2010. <http://www.cabinetoffice.gov.uk/sites/default/files/resources/coalition_programme_for_government.pdf>

¹⁸ The Military Balance 2010. – L.: The International Institute for Strategic Studies, 2010. p. 168.

¹⁹ <<http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201011/cmhansrd/cm110518/debtext/110518-0001.htm#11051871000054>>

²⁰ Блинов А. Одна ядерная кнопка на двоих // Независимое военное обозрение. №038 (313). 08.10.2010.

²¹ Wintour P., Stratton A. UK and France should build nuclear deterrent together, says minister // The Guardian. 01.04.2011.

²² A National Conversation – Your Scotland, Your Voice. Scottish Government. November 2009. p. 120.

²³ Там же.

²⁴ Chalmers M. Britain's new nuclear debate // RUSI Journal. April 2009.

²⁵ Sabre rattling and the British nuclear deterrent: letters to the Editor // The Times. 20.01.2009.

²⁶ Lewis J. Soldiers against the bomb? // RUSI Journal. February 2009.

²⁷ Tusa S. Without Trident, the second division awaits // The Times. 22.06.2009.

²⁸ Hutton J. As long as others have nuclear weapons that can be aimed at us, we must never give up the ultimate deterrent // The Mail on Sunday. 05.07.2009.

²⁹ Ibid. p. 18.

³⁰ Ritchie N. Trident: Still the Wrong Weapon at the Wrong Time for the Wrong Reasons // Disarmament Diplomacy. Spring 2009.

³¹ Hurd D., Rifkind M. David Owen and George Robertson. Start worrying and learn to ditch the bomb // The Times. 30.06.2008.

³² Shultz G., Perry W., Kissinger H., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. 08.01.2007; Idem. Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street Journal. 15.01.2008.

РЕЗОНЫ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Глобальное уравнение международной безопасности, включающее в себя в качестве ключевых компонентов сферу ракетно-ядерных и стратегических вооружений (РЯСВ) и «смежные» области деятельности, становится все более сложным, многозвенным. Это обстоятельство еще сильнее затрудняет достижение договоренностей и нахождение развязок. Сегодня существует прямая угроза того, что РЯСВ из «привычного» фактора поддержания, при наличии соответствующих страхующих механизмов, глобального равновесия и стабильности, станет последовательно превращаться в свою противоположность. Расширение спектра РЯСВ и сопряженных с ними вооружений (и проблем) происходит как по горизонтали (многосторонность, увеличение числа субъектов), так и по вертикали. Проблема РЯСВ, как и ее часть – ПРО, грозит охватить еще более значительную группу стран (например, Китай), и уже по этой причине не может рассматриваться в качестве только двусторонней российско-американской «нестыковки».

Идет ускоренный процесс надстраивания стратегической ядерной «триады», ее превращения в «пентаду», с добавлением к ней таких компонентов, как стратегическая ПРО и стратегические неядерные вооружения. В ходе осуществления военной и внешнеполитической деятельности, решения конкретных задач возрастают и усложняется взаимозависимость ядерных и неядерных вооружений, военных и невоенных составляющих совокупной мощи.

Совсем не зря говорят, что «дьявол кроется в деталях». Но важно не потерять в деталях, не утратить видения главного. В данном случае главное сама концептуальная сторона безопасности. Нежелателен, в частности, такой подход к переговорно-договорному процессу (ПДП), при котором этот последний превратился бы в некую самоцель, без достижения реальных (а не текстуальных) результатов. Необходимо иметь в виду, что в сложившихся условиях, даже «очень хороший», но фрагментарный, не обеспечивающий существенного продвижения к решению проблемы в целом, договор отнюдь не станет весомым вкладом в дело обеспечения партнерства и безопасности.

В последнее время приходится слышать немало нареканий по поводу российского участия в ПДП в области РЯСВ, включая проблему ПРО. Раздаются сетования, например, на недоучет российских интересов и российской позиции. Насколько справедливы эти претензии? Во-первых, следует учитывать, что в принципе могут быть национальные интересы, не вполне совпадающие с интересами других стран и текущей международной конъюнктурой. Видение проблем ПРО из разных точек планеты, из разных столиц вообще неизбежно будет различным. Во-вторых, при оценке эффективности политики необходимо учитывать особенности современной ситуации, международного климата. В-третьих, всегда есть существенный зазор между «идеальным», желаемым – и действительным: конкретными возможностями практической дипломатии и особенностями ПДП. Так, сейчас уже несвоевременно и неактуально посыпать голову пеплом по поводу демонтажа Договора ПРО-72. Сам по себе фактор ПРО

сегодня – это данность, уже вмонтированная в общую канву РЯСВ и систему международной безопасности в целом. Из этой реальности необходимо исходить и в практической политике и в аналитических экспертизах. Наконец, сегодня многие решения на международной арене (фактор ПРО тут не исключение) могут быть мотивированы спецификой внутренней политики, обстоятельствами текущей внутривнутриполитической борьбы, которые нельзя не учитывать.

При всей преемственности сфер военной безопасности и безопасности в целом, сегодня, очевидно, сдвигаются некоторые сложившиеся в этой области соотношения. Фактор ПРО играет в этом процессе значительную роль. С одной стороны, он участвует в этих изменениях, иной раз серьезно дестабилизирующих ситуацию; с другой – отчасти призван заполнить бреши, нивелировать издержки в системе безопасности за счет создания некоего противовеса новым вызовам, прежде всего горизонтальным ракетно-ядерным угрозам. Тем больше актуальность фактора ПРО в свете формирования нового мирового порядка (НМП) и анализа его возможных сценариев, несущих конструкции: геополитику нельзя просчитывать только «до первого светофора».

I.

Фактор ПРО многофункционален, причем его функции взаимодополняют друг друга, конкурируют друг с другом, конвертируются друг в друга в зависимости от обстоятельств. Среди основных назначений ПРО - военно-силовая, политическая и политико-военная, экономическая и военно-технологическая. На нынешний день все они стремительно актуализируются, причем каждая по-своему. Отсюда следует, что если в данный момент военно-силовая составляющая ПРО не является главенствующей, то это не значит, что она не может оказаться таковой в будущем, при определенном стечении обстоятельств. Едва ли правы те из коллег-экспертов, кто априори считает американскую «национальную ПРО» неработающей даже в перспективе, чем-то из арсенала «звездных войн» времен Р.Рейгана (кстати, давших мощный толчок развитию военных и гражданских технологий США). Но фактор ПРО и в настоящее время действует, причем очень активно, на многих направлениях. Развитие и развертывание элементов ПРО в различных странах и регионах – это модернизация существующих и освоение новых плацдармов, зон передового базирования, потенциальных рубежей противостояния. Указанный процесс распространяется на их комплексное инфраструктурное оборудование, в том числе высокотехнологичное, для ведения современных, «инновационных» войн, отнюдь не «невозможно-глобальных», но в первую очередь региональных, а также для участия в иных конфликтах различной (совсем не обязательно только низкой) интенсивности. И важно четко понимать: фактор ПРО неизбежно тянет за собой в уравнение безопасности проблему анти-ПРО, которая теперь должна рассматриваться как вечный спутник и партнер по переговорам для всего кластера-связки РЯСВ-СНВ-ПРО-анти-ПРО.

На какие вызовы, угрозы в сфере РЯСВ в связи с «дополнительной» проблемой ПРО сегодня России предстоит дать первоочередные ответы? Не стоит надеяться, что мир обозримого будущего станет бесконфликтным и тем более «невооруженным». Одно из следствий глобализации – он становится более це-

лостным и взаимозависимым, но и более противоречивым, цивилизационно и геополитически. Заметим, что так называемый многополюсный мир, эта для кого-то панацея от всех бед, отнюдь не станет более безопасным, если геополитика будет по-прежнему основываться прежде всего на принципах поддержания равновесия через взаимное военно-силовое сдерживание. «Равновесие страха» будет возобновляться – просто на новом уровне, в новых условиях, с задействованием новых средств.

К сожалению, для обеспечения собственной безопасности, как военной, так и общей, у РФ слишком мал набор альтернатив, помимо сдерживания с использованием РЯСВ, в том числе из-за многочисленных изъянов ее сил общего назначения (СОН) и ОПК, вряд ли устранимых в обозримой перспективе, даже при масштабных финансовых вливаниях. Что касается российской «мягкой» и «умной мощи», то они находятся явно не на современном уровне и требуют самой серьезной работы над повышением их функциональных возможностей, о чем Президент РФ специально говорил на совещании в МИД РФ в июле 2012 г. Более того, в сложившейся ситуации, возможно, вполне оправданными были бы даже меры по диверсификации ракетно-ядерного потенциала РФ, в том числе для его задействования, в первую очередь как средства сдерживания в конфликтах пониженной интенсивности. Так что РЯСВ были бы востребованы РФ даже в качестве «Царь-пушки, которая не стреляет» - для того, чтобы реально НЕ ВОЕВАТЬ. А значит фактор ПРО у потенциальных оппонентов (не только у США), для РЯСВ РФ должен рассматриваться не только как политическая декларация и предмет политического торга.

Считается, что для РФ существует так называемое «окно безопасности», протяженностью в 10-15 лет, которое нужно максимально использовать в целях комплексной модернизации ВС, в том числе и сферы РЯСВ. Глобальность, сверхразрушительность современных вооружений диктуют и определенные, как правило, довольно жесткие правила поведения их обладателей на международной арене – а именно сдержанность, даже в риторике. Этих правил вынуждены будут придерживаться и те, кто сегодня в ракетно-ядерном клубе на вторых ролях или только рвется в него. Так что ни сегодня, ни завтра военно-силовое, тем более ракетно-ядерное противостояние между РФ и США даже в варианте косвенных угроз, практически нереально (см. об этом статью А.Н.Калядина «Вызов ЕВРОПРО: императивы реализма» в № 42 нашего издания). Более того, гипотетически речь могла бы даже идти о снижении, при благоприятном развитии событий, уже не только военного, но и политико-военного значения СЯС и РЯСВ в целом в российско-американских отношениях. Поэтому СЯС, ПРО, анти-ПРО – ныне важные аспекты взаимодействия, будут, сохраняясь, видоизменяться и модифицироваться. Подчеркиваем, это относится в текущей ситуации относительной глобальной стабильности, при нынешнем конкретном состоянии геополитики, техники и морали, прежде всего в двусторонних российско-американских отношениях.

В перспективе могут сложиться иные обстоятельства и иные сценарии. Что произойдет к концу десятилетия и в последующие годы в военно-технической сфере, сфере международной безопасности, глобально-поведенческих мотивациях эпохи переходного миропорядка и системной «мно-

гогорбой» стагнации, предсказать с должной точностью весьма трудно. Если боевой потенциал ПРО выйдет за рамки макетных демонстраций и станет реальной компонентой военно-силовых и политико-военных уравнений, то само его наличие может оказаться провоцирующим, быть конвертировано в мощное средство политического, политико-военного и прямого силового давления и шантажа.

II.

Помимо РФ и США в мире имеются и другие страны и силы, в будущем все более интенсивно вовлекаемые в уравнение глобальной и региональной безопасности, в том числе его ракетно-ядерной составляющей. И США для России – не единственный, как представляется, «вероятный противник», в отношении которого кластер РЯСВ, в том числе фактор ПРО, могут рассматриваться в качестве реального средства сдерживания. Мы вообще не стали бы абсолютизировать количественные характеристики РЯСВ у возможных оппонентов РФ (как и процесс взаимных сокращений) при оценке угроз ее ракетно-ядерной безопасности. Наверняка «менее опасен» вменяемый, предсказуемый, цивилизационно совместимый партнер-оппонент с 2 тыс. боеголовками, чем brutальный, несистемный инсургент-фанатик только с двадцатью. Так что некий «поведенческий срыв» совершенно не исключен (другой вопрос – насколько поможет в этом случае наличие ПРО).

С учетом всего этого при планировании долгосрочной политики страны, требующей соответствующих ресурсов, векторов научно-технического развития, следует рассматривать самые разные, в том числе негативные сценарии (разумеется, оценивая вероятность их осуществимости). Это касается и отношения к фактору ПРО как особому компоненту в системе стратегических вооружений и безопасности, как у самой РФ, так и у ее возможных оппонентов. И важно его заранее всесторонне оценить, например, с позиций его реального участия в уравнениях безопасности, глобальной и региональной.

Фактор ПРО актуализируется резким изменением ситуации на бывшей геостратегической периферии (ГСП). Приходится констатировать: надежные комплексные механизмы предотвращения дальнейшего расползания ракетно-ядерных потенциалов и угроз в настоящее время не отработаны в той степени, чтобы ракетно-ядерная угроза с ГСП не оказалась, в определенных обстоятельствах, достаточно вероятной. В современной международной ситуации даже сокращение ядерного оружия лидерами не обязательно будет автоматическим сигналом, стимулом на присоединение к данному процессу для всех остальных ядерных, околядерных, квази-ядерных стран и сил. Особенно после событий на Ближнем Востоке, когда очень многие могут испытывать вовсе не снижение, а рост заинтересованности в создании и обладании оружием «Судного дня», пусть и в весьма примитивной, нетранспортабельной, «грязной», даже символической форме. Так, сегодня идут процессы активного формирования Ближневосточно-исламского глобального центра силы, его структуризации; в борьбе за роль лидера в нем ядерный фактор, не исключено, может оказаться одним из веских и привлекательных аргументов. Экономические и политические санкции при этом могут не сработать настолько, чтобы решать проблему не-

распространения, тем более если речь пойдет о крупных, масштабно вовлеченных в мировую экономику государств. Отсюда – возрастание вероятности попыток силового решения, с их самыми неопределенными последствиями. Так что будем объективны, поиск противодействия глобальной нуклеаризации, в том числе в виде развитой и многоэшелонированной системы ПРО, со стороны самых разных государств и их коалиций, в принципе вполне обоснован. Другое дело – конкретные меры и способы подобных действий.

Очевидно, что участие РФ в данном процессе, в тех или иных масштабах, неизбежно. Существенно, чтобы оно не превращалось в «гонку», особенно с учетом нынешнего состояния российской оборонно-технологической сферы. Что касается ближайших одного-двух десятилетий, то на «феномен ПРО» для РФ наиболее возможен и пригоден в первую очередь асимметрично-симметричный ответ, прежде всего в виде совершенствования СНВ. Они не должны «упасть» ниже определенного, безопасного уровня и при этом оказаться гарантированно способны к преодолению перспективной ПРО оппонента (оппонентов).

Обратим особое внимание на то, что сокращение СНВ РФ, пусть взаимное, ниже определенной планки, может стать дестабилизирующим, с утратой самой идеи сдерживания и нанесения неприемлемого ущерба. Разоружение не всегда «абсолютное благо». Категорически нельзя согласиться с тезисом, согласно которому сокращение СНВ автоматически снижает и угрозу, исходящую от ПРО. Поэтому в обозримой перспективе какие-либо двусторонние или многосторонние переговоры по сокращению СНВ и РЯСВ в целом едва ли целесообразны с точки зрения как национальных интересов России так и интересов обеспечения мира и безопасности. В этом плане отметим, что задействованные головные мощности по производству РФ стратегических вооружений в настоящее время существенно ниже минимально необходимых и рекомендованных по Договору СНВ-3. Будут у США две или двадцать тысяч стратегических ядерных боеголовок – для России не имеет особой разницы в плане ее безопасности («принцип overkill»). Не исключено, что в перспективе США вообще могут отказаться (в качестве примера движения к «безъядерному миру») от значительной части своих ядерных вооружений по мере их функционального замещения эквивалентными или даже более совершенными неядерными силами и средствами, в том числе стратегическими.

Но вот проблема ПРО США для РФ может стать на перспективу действительно дестабилизирующей, по крайней мере способна оказаться таковой уже в середине следующего десятилетия. А ведь сегодня разработкой ПРО занимаются не только США и их союзники. Приходится признавать: по мере совершенствования средств ПРО существенная девальвация российских (и не только российских) ракетно-ядерных сил сдерживания и поддержания стратегического равновесия в обозримой перспективе является весьма вероятной. Отсюда - пристальное внимание к проблеме ПРО нельзя считать просто алармизмом. При этом мы не упускаем и возможности дальнейшего саморазрушения ответственных РЯСВ в результате деградации соответствующих структур ВС и ОПК страны. Значит, все же необходимы средства надежной «подстраховки» для обеспечения военной и общей безопасности РФ.

III.

Общепризнано, что при попытке зеркально-симметричного ответа в ходе создания собственной ПРО (и анти-ПРО) Россия наверняка столкнется с серьезными экономическими, технологическими проблемами. Например, России придется в этом случае заняться созданием и развитием, условно говоря, «антипротиворакетного» флота. Между тем гонка вооружений на море - одна из самых расточительных. А ведь еще наверняка речь пойдет о гонке ПРО и анти-ПРО в космосе. Очевидно, что России необходим поиск своего подхода, способного внести реальный вклад в обеспечение национальной и глобальной безопасности. Возможно, это будет акцент на «срезание технологических углов» и использование технологий, значительно более дешевых, но при этом вполне эффективных, в том числе на иных физических и функциональных принципах. Не исключено, что наиболее продвигаемые и рекламируемые сегодня средства ПРО в итоге окажутся лишь одним из вариантов, отнюдь не самым приоритетным, их развития.

Другая сторона вопроса – внешний аспект. Как и какими внешнеполитическими, политико-военными шагами РФ может конструктивно реагировать на наращивание США и другими странами деятельности в области ПРО? Что можно реально сделать для противопоставления усилиям США, в частности, размещению ПРО в Европе? Примем в расчет, что США уже «слишком вложились» в систему ПРО, чтобы просто сойти с этого пути. Москва никак не может «запретить» Вашингтону развивать ПРО. Другое дело, насколько возможно «притормозить» эту составляющую военных приготовлений США, играющую важную роль не только в военно-силовом отношении, но и в политическом, направить ее вектор в менее конфликтогенное русло.

Для США ПРО, помимо прочего, - предполагаемая возможность наглядно продемонстрировать миру, а ныне в первую очередь Китаю, свое безусловное глобальное технологическое лидерство. ПРО – это также важный фактор американской внутренней политики. В связи с нынешним кризисом торможение США в военных расходах, было бы вполне понятным. Между тем, напротив, делаются заявления об увеличении финансирования таких сфер, как РЯСВ, средства их защиты (и защиты от них), деятельность в смежных областях, включая комплекс мер по нераспространению. По крайней мере, по состоянию на осень 2012 г. обе палаты Конгресса США (каждая по-своему) отнеслись к сохранению расходов по кластеру ПРО и даже их увеличению в целом весьма благосклонно.

«Горизонтальное» совершенствование военной мощи («гонка вооружений») в рамках и под флагом борьбы с глобальным терроризмом оказалось для США крайне затратным, с самыми неопределенными геополитическими последствиями. Для этой борьбы безусловно нужны элементы «инновационных» вооруженных сил, с разработкой новых вооружений и способов их комплексного применения, в том числе в рамках всякого рода сетцентрических, дистанционно-неконтактных операций, с использованием новейших систем управления и разведки, включая космическую компоненту. Но все же в целом это экстенсив-

ный тип развития средств вооруженной борьбы, а для кого-то и пустая трата средств налогоплательщиков, что и вызвало недовольство общественности. Другое дело ПРО, которая олицетворяет собой именно интенсивную, «инновационную» составляющую военных приготовлений, причем масштабных, капиталоемких, престижных, и по крайней мере в настоящее время, находящихся широкую консенсусную, «бипартизанскую» поддержку и в обществе, и в политических кругах.

Между тем, для пиар-сопровождения военно-технологического развития, все более дорогостоящего, требуется очень серьезный внешний раздражитель. Для этой роли с оговорками, вполне подходит Россия. И карту РФ в данном качестве почти наверняка будут разыгрывать, в первую очередь на уровне риторики. На российской стороне тоже могут найтись любители и профессионалы «пободаться», сыграть с Западом именно эту партию. Поэтому сегодня в США любые, даже слабые намеки на смягчение реакции на российские шаги или критику в адрес ПРО воспринимаются чуть ли не как «национальная измена». И это несмотря на то, что у РФ и Запада много общих или совмещенных проблем и реальных интересов по вопросам безопасности, нераспространения, экономики, экологии, наконец, глобального выживания.

Даже если бы военно-силовая функция ПРО «в чистом виде» в настоящее время отсутствовала, у нее и для нее имеется мощная политическая и политико-пропагандистская составляющая, которая на сегодня играет приоритетную роль для стран западного блока – союзников и партнеров США. Скорее всего, это имело бы место даже при снижении, размывании той военной угрозы (включая угрозы одиночного ракетно-ядерного шантажа, «случайного запуска» со стороны государств-изгоев), для которой и во имя которой, собственно, ПРО конституируется.

Мегапроект ПРО как некий фактор консолидации западного мира в целом находит отклик в странах, участвующих или намеренных участвовать в этой программе совместно с США. Причем партнеры США, особенно не с самыми сильными экономиками и политико-военным статусом в западном сообществе, а также территориально расположенные «в пограничье» с регионами, от которых может, по их мнению, исходить потенциальная опасность, как раз и являются первыми жертвами «чар ПРО». Подобных стран, для которых значимы в первую очередь присутствие под «зонтиком безопасности» и партнерство с США, а не собственно ПРО, достаточно, например, в окружении РФ, а также Китая.

IV.

Может ли РФ практически повлиять на «победоносный марш» ПРО, растянуть его во времени, чтобы он не стал обвальным дестабилизирующим? Ясно, что эффективность различных мер может быть разной. Так, делаются попытки «корить» США, требовать от них лимитировать свою деятельность в области ПРО. Этот метод, пока что остается малопродуктивным. Не стали результативными и обращенные к США и НАТО требования дать письменные юридические гарантии ненацеливания ПРО в Европе на российские объекты. Но если такие гарантии и дадут, изменится ли что-то в лучшую сторону реально для безопасности РФ? В отсутствие общего развитого комплекса отношений, обес-

печивающих партнерство и союзничество, это в любом случае больше вопрос российского «удовлетворения». Из этой же серии - «угроза» выйти из ДСНВ-3 в ответ на разработку и соответствующее размещение элементов системы ПРО на беспокоящих Россию направлениях. А «угроза» начать совместные с КНР работы по созданию противовеса в виде собственной объединенной ПРО и анти-ПРО скорее всего была бы весьма осторожно воспринята и в самом Пекине.

Вряд ли разумно и возвращение в повестку дня, в качестве элемента дипломатической торговли, вопроса о ракетно-ядерных средствах средней дальности. Вроде бы, если «нет ничего святого» (хотя бы выход США из Договора ПРО 1972 г.), то почему «священной коровой» должен оставаться Договор РСМД-87? При ближайшем рассмотрении окажется, что в этом Договоре участвуют фактически те же СССР (РФ, Украина, Казахстан, Белоруссия) и США на прочие страны он и сегодня не распространяется. Излишнее внимание к данной проблеме может иметь даже обратный результат для РФ: для нее это скорее не козырь на переговорах, а дополнительная нагрузка. Что касается иных возможных разменов по ПРО, например, с участием ТЯО, которое, с учетом географического положения РФ, значит для России гораздо больше в функциональном отношении, чем для тех же США, то они еще менее реалистичны. И вообще этот «неразменный рубль» российской геополитики пока не подлежит каким-либо серьезным манипуляциям. Следует иметь в виду, что сами США в принципе против любых взаимоувязок, способных хоть как-то повлиять на их «свободу рук» в работе по ПРО. Заметим, что США хотят «решать» с РФ те проблемы, где Россия пока в состоянии (СНВ, ТЯО) выгладеть с ними «наравне». И категорически против таких решений там, где превосходство США неоспоримо и лишь имеет тенденцию к усилению (ПРО, высокоточные неядерные вооружения, космос).

В последнее время много говорится о возможности «прямого», потенциально силового российского ответа на присутствие американской ПРО в Европе, в частности, о возможности размещения ОТРК «Искандер» и других средств. Но не будет ли развертывание подобных систем расценено как подготовка России к «первому», превентивному удару? Это в определенных обстоятельствах может квалифицироваться как вызов. А вот продемонстрировать Европе - уже сегодня, что она не может остаться в стороне, «ни при чем» (очень даже «при чем!»), предоставляя США территорию для размещения комплексной инфраструктуры ПРО – просто необходимо. Было ли бы это названо «инструментом вразумления» или как-то еще, зато Европа получила бы полезное представление о рисках. В подобных шагах есть, безусловно, угроза эскалации, но об этом Западу нужно думать по крайней мере не менее крепко, чем России.

РФ категорически нельзя просто закрыть глаза на Европейский позиционный район ПРО, сделать вид (как это предлагают некоторые аналитики), что «ничего не случилось», оперируя ТТХ сегодняшних (прежде всего сегодняшних) американских противоракет или полагаясь на «добрую волю» и «благоразумие» США и их партнеров по НАТО. Если даже согласиться с тем, что вся эта затея, как и выход США из Договора ПРО-72, не несут ни для России, ни для ее РЯСВ на данный момент прямой военной угрозы, это вряд ли правомерно сказать о политическом ущербе, который может оказаться достаточно глубоким. Для РФ

это уже несомненно обернулось серьезным публичным унижением, еще одним указанием на несоразмерность РФ и США как геополитических величин в пост-биполярном мире. Упомянем и еще один аспект – «вклад» ПРО в возможное ухудшение отношений РФ с Большой Европой, что было бы крайне нежелательно для обеих сторон в силу «естественного» характера их партнерства.

V.

Специального внимания заслуживает проблема участия России в «объединенной» с НАТО и США ПРО. Во-первых, США вряд ли допустят полномасштабное сотрудничество с РФ в данной высокотехнологичной стратегической сфере, разве только в плане обмена информацией и иных шагов, носящих больше дипломатический, представительский характер. Во-вторых, для чего нужно самой России раньше времени девальвировать собственный стратегический ракетно-ядерный потенциал? В-третьих, совместная с Западом ПРО «против третьих стран» (чтобы их ракеты сбивались над территорией России?) заманчива для РФ только на бумаге. На деле это обернется втягиванием России в формирование единого фронта против того же Китая, а РФ превратится в предполье НАТО. Это явно не повысит российскую национальную безопасность, ибо противоречит долгосрочным интересам РФ и лишает ее геополитического маневра. Впрочем, с самого начала было понятно, что участие РФ в совместной ПРО - это скорее дипломатический ход, временная передышка в переговорах, чем реализуемый сценарий.

В целом приходится констатировать: реальные возможности РФ реагировать на продолжение западным сообществом работ в области ПРО относительно скромны. Переходящие от одного Президента РФ к другому, как эстафетная палочка, мантры о «совместной ПРО», «юридических гарантиях» и прочие дежурные концепты и утверждения от слишком частого употребления сегодня не вызывают эмоций, на которые были рассчитаны. На Западе вполне понимают истинный «коридор возможностей и намерений» внешней, внутренней, военной, технологической политики РФ, сегодняшней и завтрашней. И этот «коридор» Запад, очевидно, в целом устраивает.

Создается впечатление, что проблема ПРО вполне может надолго остаться в качестве серьезного барьера развитию российско-американских отношений. Нам кажется, что в использовании фактора ПРО для решения текущих политических (и прежде всего внутривластных) задач и Россия, и США зашли слишком далеко. Сегодня чуть ли не каждый «уважающий себя» политик, международный аналитик считает долгом «оттоптаться» на проблеме ПРО. Один из итогов такого «внимания» - проблема ПРО поднята на высоту, ею, по крайней мере в настоящих условиях, не вполне заслуженную.

Фактор ПРО действительно важен, но является ли он сегодня краеугольным для состояния международной безопасности и системы международных отношений, надо ли его считать некоей несущей конструкцией всей совокупности российско-американского, российско-западного взаимодействия? Нет ли здесь заведомого и вредного преувеличения? Создается впечатление, что при более взвешенном, в контексте иных задач, вызовов и угроз современности, подходе к проблеме ПРО мы, по крайней мере, можем избежать того «чувства

глубокого разочарования», которое сегодня испытывают многие аналитики и военные в отношении Договора СНВ-3. В текущий момент необходимо готовить поле для реализации иного, более безопасного сценария, помимо «подстраховки» в виде неизбежных усилий по совершенствованию СНВ, способных преодолеть перспективные ПРО любого оппонента и выполнять функции сдерживания и поддержания геополитического равновесия «до лучших времен». Если ворота закрыты (а они кажутся действительно в делах, связанных с ПРО, закрытыми), то, может, поискать обходной путь?

VI.

Позиции США в области ПРО настолько железобетонны и неприступны, что на их трансформацию не способны повлиять никакие, даже самые убедительные аргументы; более того, предъявление таких аргументов американской стороне было бы, скорее всего, пустой тратой времени. Представляется, что правильно, объективно и разносторонне оцененные текущие и перспективные цели и задачи, подлинные и камуфлируемые, меняющаяся геополитическая ситуация, в частности, глубинное воздействие экономического кризиса, в том числе на вопросы бюджетного обеспечения предрасполагают в целом к более оптимистическому взгляду на указанный сюжет. В стремительно и конвульсивно глобализующемся мире, в условиях перманентного системного, преподносящего все новые сюрпризы и способного спутать все карты кризиса, ситуация в мире может меняться очень быстро. Совсем недавно, вследствие «головокружения от успехов» - победы в холодной войне, США неоправданно самоуверенно, без учета собственных сил и особенностей геополитической среды, ее сложностей, бросили все на становление однополюсного, «одноценностного» миропорядка во главе с самими собой. И фактор ПРО был одним из составляющих данного проекта, который предусматривал создание абсолютно доминирующей военно-силовой мощи, не терпящей возражений и не требующей какого-либо учета возможностей и интересов прочих акторов международных отношений.

Сейчас мало кто сомневается и в западном мире - проект закончился практически неудачей. Он способствовал разрастанию глобального системного кризиса, росту противоречий и моральному коллапсу мессианства в самом американском обществе. Провал обернулся многими другими проблемами – для США, их партнеров и союзников, для мира в целом. Именно однополюсный блицкриг способствовал росту у ряда «несистемных», с точки зрения США и Запада, стран чувства особой неуверенности, интереса к средствам «абсолютной защиты». Это, в свою очередь, было использовано США в качестве повода для полномасштабных работ по ПРО. Вполне уместен вывод, что сегодня к «таранным средствам» установления однополюсного миропорядка США придется относиться совершенно иначе, чем прежде, - более сдержанно в финансово-экономическом плане и более аккуратно политически. Можно допустить, что, не будь этого «однополюсного помутнения» США, и Договор ПРО-72 существовал бы до сих пор, тем более, что он был весьма гибким, эластичным и толерантным по отношению к деятельности США в области ПРО.

Каждая сторона в дискуссии по ПРО уверяет, что уже сбросила весь запас для маневра и сближения позиций, а потому ожидает теперь лишь односторон-

них уступок от своего партнера-оппонента (что, впрочем, не мешает США проявлять подчеркнутое равнодушие к позиции России). Очевидно, что в настоящее время нет возможностей для каких-либо «прорывов», лобовых решений. Сдвигов можно ожидать лишь в сфере асимметричной политики по линии «непрямых сближений» и «заходов с тыла». Например, важно ориентироваться в тех переменах, которые трансформируют самый «новый миропорядок», включая его лидеров, в том числе в отношении перспектив «феномена ПРО». В условиях обвальной глобализации мир может быть очень жестким, конфликтогенным – и этот вектор развития прямо проецируется на сферу РЯСВ. Однако в мире накопились завалы серьезнейших проблем не только в военно-силовой сфере (и, более узко, сферы РЯСВ-ПРО). Фактор ПРО может на этом фоне оказаться девальвированным и отчасти даже маргинальным, особенно в политико-дипломатическом и информационном планах.

Российской дипломатии в текущем обстановке сильно мешает недостаточная консолидированность и обоснованность взглядов российского экспертного сообщества по РЯСВ и связанной с ней проблематике. Именно эти обстоятельства больше всего мешают выработке целостной, эффективной политики в данной области. Взаимные «обиды», а также инвективы в адрес США, действительно не учитывающих (а почему они должны это делать?) интересов России, отвлекают от выработки собственной реалистичной повестки дня, контригры по вопросам развития и совершенствования РЯСВ. Для современной России неизбежны усиление роли геополитических, дипломатических маневров, принятие асимметричных решений, но это отнюдь не значит «перехватывания любой инициативы», чем Россия пыталась заниматься многие годы.

При всех серьезнейших ограничителях, «скелетах в шкафу» и прочих наслоениях еще недавней истории, есть достаточно возможностей и инструментов, чтобы попытаться серьезно скорректировать повестку отношений России и Запада – разумеется, если в этом есть потребность. Да, мир меняется, полифонизируется, но отношения Россия-Запад все еще играют важную роль (зачастую, правда, умышленно или по недоразумению принижаемую) для глобальной и региональной безопасности. При этом очевидно, что РФ и Запад в ряде аспектов вовсе не такие антагонисты по своим интересам – и во всяком случае они не собираются «закапывать» друг друга. Им все равно придется осуществлять геополитическое партнерство по взаимоприемлемым правилам.

Нынешний глобальный, общесистемный кризис может внести в современные расклады существенные и неожиданные коррективы, в том числе по программам ПРО. Безусловно, проблема ПРО не рассосется «сама собой», даже при самом благоприятном развитии событий, но она, по крайней мере, не должна столь демонстративно препятствовать позитивному развитию российско-западных отношений в преддверии неизбежного становления НМП. Россия, в условиях необратимого смещения центра мировой геополитики из Трансатлантики в Евразию, будет неизбежно играть важнейшую роль в мире. Это значит, что игнорировать российскую позицию долго не удастся, а стратегические решения на международном уровне надо будет принимать вместе с ней.

КАК ОГРАНИЧИТЬ ВОЕННЫЙ ЭКСПОРТ?

Как известно, в июле с.г. Нью-Йорке представители более 190 государств начали переговоры о принятии Международного договора о торговле оружием (МДТО) — первого юридически обязывающего документа, устанавливающего единые правила рынка вооружений. Необходимость подписания такого рода документа диктовалась высокой озабоченностью мирового сообщества неконтролируемым ходом ряда международных и внутренних конфликтов, и, конечно, в немалой степени теми событиями, которые происходили и продолжают происходить в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии.

Накануне обратившиеся к генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну звезды мировой культуры так объясняли потребность в такого рода правовых документах: «Мировая торговля оружием и боеприпасами регулируется меньше, чем поставки бананов и бутилированной воды. Мы настоятельно призываем правительства разработать жесткий, эффективный договор, который поможет защитить права человека и положит конец бессмысленным смертям и увечьям, происходящим ежедневно из-за вооруженного насилия и конфликтов».¹

По сообщению прессы, работа над проектом документа началась еще в 2006 г., когда первый комитет Генассамблеи ООН 153 голосами проголосовал за разработку проекта универсального договора «о трансфертах обычных вооружений по максимально возможным международным стандартам». Необходимость принятия юридически обязывающего международного документа обуславливалась отсутствием серьезных ограничений на торговлю оружием, а также частыми нарушениями действующего в отношении ряда стран оружейного эмбарго ООН. Однако тогда 19 государств воздержались от подписания документа. Среди них были Россия, Китай, Индия, Пакистан и Венесуэла. На тот момент в мире было подписано более 300 соглашений, регулирующих поставки вооружений, однако каждая страна действовала по своим правилам, ибо ограничения зачастую носили рекомендательный характер. Предполагалось свести все эти ограничения в рамки одного международного договора.²

Однако уже на том этапе выяснилось, что проблема состоит не в технической и даже не в коммерческой стороне дела, а именно в политической. Западные страны и Соединенные Штаты как крупнейший в мире экспортер вооружений, в частности, обвинили Россию, как своего главного конкурента в поставках вооружений и продукции военного назначения в страны Ближнего Востока, в частности, Иран и Сирию. Тогда даже не предполагалось, что последняя вступит в «арабскую весну».

Годом позже В.Путин, будучи председателем на заседании Комиссии по военно-техническому сотрудничеству (ВТС) с зарубежными странами, состоявшемся в конце 2007 г. подробно прояснил позицию России на этот счет.

Россия, по его словам, отвергает необоснованные претензии к ее экспорту военной техники, особенно если основой им служат политические мотивы. Вместе с тем, президент России подчеркнул, что его страна «соблюдала, соблюдает и будет соблюдать все международные обязательства в военно-технической сфере, в частности действующие режимы экспортного контроля».³ Президент также подчеркнул, что вооружения и системы, экспортируемые из страны, направлены «исключительно на укрепление обороноспособности тех стран, в которые оно поставляется, на поддержание стабильности и региональной безопасности в отдельных регионах мира». В то же самое время он согласился с тезисом о необходимости усиления контроля за целевым использованием вооружений основными заказчиками.

Изначально инициаторы подготовки нового Договора закладывали в его основу гуманитарные и правозащитные цели. Подразумевалось, что имеется в виду поставить барьеры на поставки вооружений в те страны, где серьезно нарушаются права человека. Однако, критерии оценок такого положения могли носить сугубо субъективистский характер и использоваться в качестве средства политического манипулирования. Против такой перспективы Москва с самого начала и с полной ясностью предостерегала разработчиков МДТО.

Второй аспект, который также вызвал несогласие российской стороны, касался требований придать МДТО всеобъемлющий характер. Дело в том, что такой метод позволил бы на основе положений договора контролировать передачу за рубеж всех видов вооружений, включая не только те, по которым любой поставщик обязан информировать соответствующие органы ООН, но и обычные стрелковые вооружения, боеприпасы, снаряжение, используемое в боевых действиях. Кроме того, согласно намеченной разработчиками схеме, государства-поставщики вооружений должны регулировать все формы международной торговли обычными вооружениями — сделки, передачу, экспорт, реэкспорт, транзит и отчитываться по ним. Москва не согласилась и с принципом введения максимально широкого перечня вооружений, попадающих под действие договора. Со своей стороны российское правительство предложило усилить акцент на борьбе с нелегальными поставками вооружений, которые являются главным источником подпитки международных и внутренних вооруженных конфликтов, с контрабандой оружия в целом. Следует также отметить, что указанные подходы встретили интерес и понимание в кругах как отечественной, так и международной экспертной общественности.

Понятно, что за происходившими в Нью-Йорке дискуссиями неизбежно маячила сирийская проблема. Гражданская война в этой стране выявила сложность перспектив достижения МДТО. Так, в мае 2012 г. Телеканал Аль-Арабийя утверждал, что российский корабль с оружием на борту следует в сирийский порт Тартус, чтобы встать там под разгрузку».⁴ Со своей стороны, российские СМИ неоднократно указывали на факты поставок третьими странами вооружений сирийской повстанческой армии, называя при этом Катар и Саудовскую Аравию. Сообщалось, что на конец февраля 2012 г. ими в Сирию было доставлено более 30 000 единиц различного оружия. Общее число взрывчатых веществ составило 300 т.⁵ К сожалению, инициаторы заключения Договора предпочли игнорировать подобного рода сигналы, ограничившись выражением

надежды, что в будущем предлагаемы договором инструментарий послужит недопущению такого рода прецедентов.

Однако, подписание МДТО так и не состоялось, а его проект остался основой для будущих дискуссий, если таковые будут возобновлены. Тем более, что главный производитель и поставщик вооружений в мире в лице Соединенных Штатов отказался поставить свою подпись под проектом документа: Вашингтон потребовал для себя разъяснения ряда его положений.

В середине сентября 2012 г. к президенту США Б.Обаме со специальным обращением на этот счет обратились представители Организации «Парламентарии за глобальные действия». В письме, подписанном председателем организации Р.Робертсоном говорилось: «Мы обеспокоены тем, что международная торговля оружием, осуществляемая безответственно и незаконно, питает вооруженные конфликты и насилие. Она ведет к серьезному нарушению прав человека, законодательства в этой области, поддерживает терроризм и деятельность международных преступных групп, способствует незаконной торговле наркотиками...Прочный Договор о торговле оружием в значительной степени уменьшит бессмысленные многочисленные людские и материальные потери и в то же самое время придаст законным поставкам вооружений законность в полном соответствии с нормами международного права».⁶

Однако, как бы ни призывали парламентарии мира, какие бы усилия ни прилагались в рамках ООН, МДТО останется лишь желанным проектом до тех пор, пока главные мировые экспортеры вооружений не договорятся между собой о некоем кодексе поведения в военных поставках. А ситуация здесь намного сложнее, нежели, к примеру, в вопросах сокращения стратегических ядерных вооружений, поскольку проблема касается военно-стратегической, политико-моральной, финансово-экономической и даже производственно-социальной составляющей процесса. Здесь еще более очевидно, что Соединенные Штаты и Россия явно не захотят предпринимать двустороннюю инициативу в этой области. Поэтому логичнее выглядело бы принятие этого кодекса, скажем десятком ведущих мировых экспортеров – помимо двух названных это могли бы быть Великобритания, Франция, Германия, Италия, Китай, Голландия, Швеция, Израиль, Украина с последующим вовлечением в него всех остальных.

Но не все так безнадежно, особенно, если учесть, что ранее СССР и США удавалось придерживаться неких правил в вопросах военных поставок в зоны конфликтов, в частности, на Ближнем Востоке. Ранее известны случаи, когда крупнейшие экспортеры вооружений договаривались относительно ограничения военных поставок в зоны вооруженных конфликтов, особенно туда, где осуществлялся геноцид населения. Но и в этих случаях речи не шло о сокращении ими военного экспорта в целом.

Второе перспективное направление работы – это внесение определенной корректировки в ежегодный реестр ООН – добровольно декларируемый различными государствами мира список вооружений, которые они экспортируют, реэкспортируют. Он естественным образом мог бы быть расширен по ряду позиций.

И, наконец, третье направление работы - это борьба с серым и черным рынками вооружений, поскольку представители именно этих теневых структур

не несут никакой ответственности за поддержание напряжения, насилие и разжигание конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Коммерсантъ. 03.07.2012.

² Там же.

³ ИТАР-ТАСС. 31.10.2007.

⁴ <<http://www.inosmi.ru/russia/20120528/192706141.html#ixzz27ee7Lo7H>>

⁵ <http://rus.ruvr.ru/2012_02_29/67166136/>

⁶ <<http://controlarms.org/parliamentarian-declaration>>

ПОТРЕБНОСТЬ МОМЕНТА – НОВАЯ КОНВЕРСИЯ?

Слово «конверсия» мощно ворвалось в нашу общественную жизнь в декабре 1988 г. после того, как М.С.Горбачев, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, заявил о начале в нашей стране конверсии военного производства. То была уже третья по счету конверсия после Великой отечественной войны: первая – сразу после окончания войны в 1945-1947 гг., вторая – в хрущевские времена в начале 60-х гг. Но, само название вошло так активно в отечественный оборот впервые и... оказалось большим сюрпризом для многих советских руководителей, прежде всего, из сферы народного хозяйства, а потому и встречалось нередко с большой осторожностью и сомнениями, а то и вообще в штыки.

Между тем, основа для развертывания разумной конверсии в стране, безусловно, была. Народное хозяйство СССР к тому времени оказалось под бременем сверхмилитаризации: по разным оценкам, от 15% до почти 30% ВВП шло на военные цели. Правда, посредством диверсификации производства на предприятиях ВПК достигалось постепенное увеличение производства гражданской продукции, и в том числе ряда категорий высокой технологии. Но этого было явно недостаточно. Необходимо был своего рода радикальный прорыв, некий перевод количества в качество.

В строгом смысле слова понятие «конверсия» раскрывается как процесс трансформации оборонных производств и НИОКР, состоящей из ряда последовательных стадий.¹ На первом этапе происходит прекращение военных производств и НИОКР. Вторым – и важнейшим – этапом является развертывание гражданских производств и НИОКР вместо ликвидированных военных. Если же имеет место лишь налаживание гражданских производств наряду с военными – то это не конверсия, а лишь то частичное преобразование, которое и носило название диверсификации. Если же процесс останавливается, что часто и бывает, на своем первом этапе, то это – только прекращение военного производства, но никак не конверсия.

В 1989 г. в СССР была создана Советская национальная комиссия содействия конверсии (СНКСК). В ее состав вошли: маршал Советского Союза В.Г.Куликов, ряд видных ученых, государственных и общественных деятелей, некоторые руководители оборонных предприятий. В комиссии работали 5 депутатов Съезда народных депутатов. Руководил работами СНКСК – в качестве ее председателя академик В.С.Авдуевский, ему ассистировали: академик А.Г.Аганбегян, Г.И.Янаев и автор этих строк, исполнявший секретарские обязанности Ю.В.Андреев.

В это же время начал работу и Институт мира АН СССР, руководитель которого А.К.Кислов тоже вошел в СНКСК. И комиссия, и институт принялись за исследования проблем конверсии, результаты которых получали полное отражение уже с первого номера (1990 г.) бюллетеня ИМ АН СССР «Пути к безопасности».

В результате проведенных экспертных исследований в РФ и на международном уровне СНКСК пришла к выводам, что проблемы конверсии следовало бы решать в соответствии со следующим алгоритмом:

1. Определить концепцию национальной безопасности страны, включая военные и прочие аспекты.
2. Определить ту часть ВПК, которая будет необходима для обеспечения национальной безопасности.
3. Оставшуюся часть ВПК (а она, по всем оценкам, должна была составлять примерно 20-50% от уровня ВПК начала 90-х гг.) наметить для конверсирования, т.е. перевода на гражданские рельсы.
4. Конверсируемую часть мощностей ВПК предполагалось приватизировать. Что касается приватизации основного ядра ВПК, то для этого сектора рекомендовался осторожный, сугубо штучный подход.

В целом, конверсия должна была создать предпосылку для глубокой реструктуризации всего народного хозяйства страны.

В декабре 1990 г. была утверждена первая Государственная программа конверсии, отрабатывались конкретные задания по конверсии на уровне отдельных предприятий. В 1992 г. был принят закон о конверсии; в декабре 1995 г. была утверждена федеральная целевая программа конверсии оборонной промышленности на 1995-1997 гг., создавались и некоторые другие ориентирующие документы.

Однако распад Советского Союза в 1991 г. и начавшаяся общехозяйственная деградация не оставили возможности для осуществления сколь либо последовательных практических мероприятий в этой сфере.

В целом же вместо системной трансформации выходило нечто сугубо примитивное, разрозненное и мало эффективное, правда, как и надеялись, не слишком затратное. Итогом явилось уничтожение производственного, технологического и квалификационного ядра многих хотя бы в перспективе конкурентоспособных отраслей промышленного производства.

В первые 5 лет (с 1991 г. по 1996 г.) военное производство сократилось до одной пятой уровня 1991 г. Достижением это считать трудно, ибо при этом в отраслях ВПК сокращался и выпуск товаров гражданского назначения. В 1996 г. он составил 40% от уровня 1991 г. Процесс остановился на первой стадии, т.е. на прекращении военного производства, это означало, что вместо конверсии шло хаотичное и неконтролируемое разрушение технологического стержня народного хозяйства. По некоторым подсчетам, ВПК потерял более половины своих кадров, к тому же наиболее динамичных и молодых; часть их пополнила армию безработных.

Среди общественности получило широкое распространение мнение, что проблемы в ВПК вызваны конверсией. Между тем, в действительности именно ее отсутствие породило наиболее острые экономические и социальные проблемы. Переход к гражданскому производству означал бы новые возможности в качественной перестройке многих, в том числе ориентированных на экспорт отраслей, если бы были проведены соответствующие мероприятия инвестиционного и организационного характера. В статье В.В. Путина «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» справедливо отмечался

«печальный опыт «конверсии» с пресловутыми кастрюлями и лопатами из титана».² Дело в том, что в данном случае, как и в немалом числе других, аналогичных, по имеющимся сведениям, был использован обманный способ обхода запрета на вывоз из страны такого стратегического материала, как титан – вообще-то выпуск кастрюль и лопат был необходим для гражданского потребления. Думается, не зря слово конверсия взято автором статьи в предостерегающие кавычки.

В настоящее время в России, собственно, уже нет оборонно-промышленного комплекса в точном значении этого слова, ныне правильнее говорить о некоем наборе заводов и КБ, которые могут самостоятельно выпускать, по некоторым данным, только 17% военных изделий. Что касается гражданских изделий, то сегодняшний российский ОПК зависит от поставок из других стран СНГ зачастую на 100%. Конвертировать, в сущности говоря, уже почти нечего, хотя конверсия в принципе, вероятно, пока еще может оставаться в стратегической повестке дня.

Как заявил ответственный в действующем правительстве РФ за ОПК Д.О.Рогозин, «произошло то, что должно было произойти в условиях разрушения государства – СССР – и появления власти, которая вела компрадорскую линию».³ По оценке вице-преьера, уцелели в основном лишь предприятия, изготавливающие элементы СЯС, а также ориентированные на экспорт комплексы. Многие заводы и КБ закрылись или перестали быть оборонными, перейдя на производство гражданской продукции – но не в конверсионном, плановом ключе, а под ударами стихийного рынка, в связи с прекращением бюджетного финансирования.

Как могли, эксперты Комиссии пытались противодействовать негативным процессам. Позволю себе процитировать, к примеру, концовку одной из своих статей в 1998 г. – «Новой администрации страны надо будет озаботиться не столько конверсией, ибо скоро нечего будет конверсировать, сколько воссозданием военно-промышленного комплекса оптимальных размеров, совершенно необходимого для защиты наших полностью легитимных национальных интересов и отражения многочисленных угроз, прежде всего внешних, нашей национальной безопасности. Не видеть эти растущие внешние угрозы – «это не просто преступление, это ошибка».⁴

Сегодня налицо признаки существенных перемен в оборонной промышленной ориентации. В 2009-2011 гг. объем военной продукции вырос почти в 1,5 раза. Сегодня в этой сфере функционируют – 1300 организаций, число занятых - 2 млн. работников. Более 60% всей продукции выпускают интегрированные структуры, в которых сконцентрирован значительный научно-промышленный потенциал. Государство контролирует около 70% организаций ОПК. Доля военной продукции в общем объеме производства ОПК – около двух третей, из нее почти треть идет на экспорт по линии военно-технического сотрудничества.

В такой обстановке разными спектрами гражданского общества по-разному воспринимаются программы дальнейшего развития Вооруженных Сил и модернизации ОПК, на которые выделяется в предстоящем десятилетии 20 триллионов и 3 триллиона руб. соответственно. Ставить в упрек современному

российскому руководству такую уступку «милитаризму», как это порой склонны делать некоторые неопацифисты, конечно, нет основания: Россия в данном случае практически лишь «платит по счетам» за недофинансирование всего военного сектора в последнее двадцатилетие, когда ее партнеры усиленно вооружались. К тому же нельзя исключать, что на деле эти расходы могут оказаться и больше, превысив те 2,8% ВВП до 2020 г., о которых идет разговор. А в таком или сходном повороте о новой конверсии может встать вопрос не просто теоретически, но и опять – таки конкретно практически.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О системах преобразований конверсионного профиля в глобальных масштабах см.: Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д.О.Рогозина. – М.: Вече, 2011. с. 401-406, 426-427.

² Российская газета. 22.02.12. с. 6.

³ Завтра. Февраль 2012. №8(953). с. 1.

⁴ Независимая газета. 04.04.98. с. 4.

КИЕВСКИЙ РАКУРС

Трения и напряженности в российско-украинских отношениях нередко случавшиеся в последние годы главным образом по экономическим (годовым) мотивам, предрасположили многих экспертов к пессимистическим прогнозам насчет будущего сотрудничества Украины с Россией и другими странами – членами Содружества. Представляется, однако, что некоторые события лета и осени текущего года оправдывают и более оптимистические взгляды на перспективы в этой области.

12 июля с.г. в Ялте прошло пятое заседание российско-украинской межгосударственной комиссии, которым руководили президенты России и Украины. По сути дела это была очередная встреча на высшем уровне. Обсуждению подверглись критически важные вопросы отношений между нашими странами. Была достигнута договоренность о морских границах, проходящих по Черному и Азовскому морям. В соответствующем совместном заявлении президенты обязались активизировать процесс, чтобы закончить разграничение морских пространств и закрепить это в юридически подготовленном договоре в интересах экономического сотрудничества обеих стран.

Были предметно обсуждены проблемы военно-технического сотрудничества, от которого зависит не только состояние вооруженных сил, но и состояние некоторых отраслей экономики России и Украины, в том числе и высокотехнологичных. Намечено продолжение переговоров о функционировании Черноморского флота РФ на украинской территории. Были затронуты и некоторые другие сюжеты.

Ялтинская встреча могла бы обозначать и более значительный поворотный момент, если вопросы, на ней обсуждавшиеся, нашли бы одновременно и свое решение. Этого пока не случилось – были подписаны 12 документов, однако только два из них имеют статус межправительственных соглашений. Остальные – меморандумы, протокол, заявление, декларация; тоже важные, но менее обязывающие акты. Но тут главное определенный общий импульс; его долго не доставало и наконец он дан.

Представляется, что особое значение в перспективном плане, применительно к проблематике безопасности, способна получить Декларация о содержании российско-украинского стратегического партнерства. В последнее время в некоторых средствах массовой информации превалировали суждения, согласно которым между нашими странами нет никакого стратегического партнерства, а их отношения в лучшем случае можно оценивать, да и то с оговорками, как добрососедские. В Декларации подробно описаны цели стратегического партнерства: углубление сотрудничества, взаимная поддержка реформ, укрепление дружбы между народами. Достижение этих целей планируется через различные межгосударственные и межправительственные, а также обще-европейские и мировые механизмы.

Определены и основные сферы российско-украинского сотрудничества – политическая, экономическая, природоохранная, научно-техническая и куль-

турно-гуманитарная. В целом Декларация кладет конец заниженным оценкам настоящего уровня сотрудничества между нашими странами.

Понятно, что важнейшее слово в дальнейшем сближении России и Украины, как и других членов СНГ принадлежит интеграционным процессам в сфере экономики. Если начиная с 1993-1994 гг. делались шаги в рамках СНГ в направлении того, чтобы такой режим был установлен, то выход на многосторонний уровень, т.е. на полномасштабный режим свободной торговли осуществить не удалось.

18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге был подписан руководителями правительств 8 стран СНГ, в том числе Украины, Договор о зоне свободной торговли. После того как Договор был ратифицирован тремя из подписавшихся его стран – Россией (март 2012 г.), Белоруссией (май 2012 г.) и Украиной (июль 2012 г.) – он официально вступил в силу. Но до его полномасштабное функционирование еще предстоит обеспечить.

Сегодня Украина, находясь на пороге зоны свободной торговли СНГ, стоит лишь наблюдателем в Евразийском экономическом сообществе, и не участвует в других интеграционных союзах на постсоветском пространстве. Важнейшим из них, по экспертным оценкам, является Таможенный союз (РФ, Белоруссия, Казахстан; идет процесс присоединения Киргизии), ибо он тесно связан и с Евразийским экономическим сообществом, и с Единым экономическим пространством. Именно он Таможенный союз призван стать основой планируемого Евразийского экономического союза и впоследствии Евразийского Союза.

Существует много причин, приводимых украинской стороной, своего сдержанного отношения к полноценному вступлению в указанные образования.. Но не следует снимать и с российской определенной ответственности за не вполне удовлетворительное развитие событий. Возможно, что ей следовало бы гибче вести себя в пресловутом годовом споре, памятуя, что на карте находятся не только денежно-финансовые, но и стратегические проблемы обеспечения мира и безопасности для России и других стран, ныне составляющих ядро Содружества.

Конечно, руководство за и общественность России и ее ближайших партнеров по оборонительным структурам хотели бы видеть Украину своим союзником. Очевидно, что по ряду причин в современной обстановке это невозможно или пока невозможно. Но Украина способна внести достойный вклад в упрочение мира и безопасности и не входя (пока не входя) в указанные или аналогичные образования. Для этого Киеву достаточно вполне последовательно придерживаться своих конституционных принципов внеблочного статуса. Как раз с этой стороны Украина могла бы уберечь себя от опаснейших для России и для себя атлантических искушений в стратегическом плане, открыв горизонт для исключительно выигрышного – прежде всего для себя – сотрудничества по всем линиям с Россией и другими братскими государствами.

БАЛКАНСКИЕ ПЕРЕПУТЬЯ

С 5 по 8 сентября с.г. в г.Дуррес (Албания) состоялась международная конференция «Будущая роль НАТО и ЕС в Юго-Восточной Европе. Расширение ЕС и трансатлантические вызовы», организованная Аспеновским институтом (Германия) в сотрудничестве с МИДом Албании и МИДом Германии. Аспеновский институт (Германия) возник в 1974 г. по инициативе федерального канцлера ФРГ Вилли Брандта, президента ФРГ Ричарда фон Вайцзекклера и ряда других немецких общественных деятелей. Институт имеет статус независимой неправительственной организации, призванной в принципе способствовать развитию международных связей, в том числе между различными общественными системами, искать компромиссы в решении острых и актуальных проблем, включая проблемы мира и конфликтов в современном мире. Особенность института – его специфический, «филиальный» характер; он - первый зарубежный научный центр, созданный после организации в 1950 г. немецким иммигрантом бизнесменом Р.Пепке в г.Аспен, штат Колорадо, США «материнского» института при поддержке всемирно известных общественных деятелей А.Швейцера, Т.Вайлдера, А.Рубенштейна, Х.Ортеги-и-Гассета.

Одним из направлений работы немецкого Аспеновского института является обсуждение проблемы создания будущей архитектуры безопасности в Юго-Восточной Европе. Нынешняя конференция и была посвящена главным образом этой проблематике. В ее работе приняли участие эксперты и официальные деятели ряда стран региона. На сей раз к участию в дискуссии, впервые в заведенной практике, были также приглашены представители из России и Турции, которым было предложено высказать свои оценки и суждения наряду с дипломатами и экспертами из ФРГ и США. Уровень конференции был подчеркнут тем, что ее участники были приняты премьер-министром, мэром столицы; а в ее работе официально принял участие министр иностранных дел Албании.

Основные дебаты развивались по двум направлениям – будущая роль НАТО и будущая роль ЕС в регионе. Не было неожиданностью, что представители Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины подчеркивали свое стремление войти в НАТО и говорили, что, находясь в очереди на вступление (они имеют индивидуальный план действий по членству), они выполняют все необходимые условия. Отмечалось, что, по крайней мере, два государства (Босния и Герцеговина и Черногория), участвуя в ускоренном диалоге, имеют шансы быть принятыми в блок в ближайшее время. Что касается Македонии, то пока Греция из-за спора по названию страны препятствует такому вступлению.

Западные представители позитивно характеризовали особую роль НАТО в прекращении войны в Боснии и Герцеговине, а также в Косово. Вообще положение в Косово и перспективы его развития активно обсуждались, в том числе

заметным числом официальных представителей этого спорного района. На замечание автора этих строк, что проблемы Косова очень напоминают проблемы Абхазии и Южной Осетии, известный германский дипломат граф Ламбсдорф возразил, что не видит здесь сходства, ибо Косово признано уже более 90 странами, чего нет в другом случае. Пришлось подчеркнуть проблематичность самого критерия: Косово не признано даже 5 странами ЕС, а Турецкая республика Северного Кипра признана только Турцией; Нагорный Карабах – только Арменией; Абхазия и Южная Осетия – 4-5 странами, включая РФ; Приднестровье – тремя частично признанными Абхазией, Южной Осетией и Нагорным Карабахом. Главное в данном случае - сама судьба «замороженных конфликтов»: она отнюдь не определяется одними фактами признания или непризнания, какое бы значение они не имели в иных аспектах. Примечательно, что высказанное российским экспертом мнение, согласно которому война в Югославии (она западниками называется «войной в Косово») в 1999 г. была в действительности первой реальной (не гражданской) войной в Европе после 2-й мировой войны, не было оспорено в ходе дискуссии.

Что касается роли НАТО в регионе, то не приходится полностью отрицать ее «дисциплинирующую» функцию, хотя есть и обратные примеры (Греция-Кипр-Турция). Но и без вмешательства со стороны НАТО маловероятно, что в таких «горячих точках», как нынешние Косово или Приднестровье, между тем возникнут военные действия. Между тем им следовало бы уделять соответствующее внимание. В мире же сегодня имеются гораздо более опасные районы. В дебатах неоднократно затрагивалась позиция России. Специально отметить, что российскую общественность беспокоит продвижение НАТО на восток, а не просто расширение НАТО. Имевшие хождение в горбачевские времена идеи постепенной трансформации НАТО из военного в политический союз ныне забыты и вряд ли материализуются в обозримом будущем. На первый план выдвигаются конкретные проблемы – в частности, базы ПРО в Румынии и других европейских странах. Нахождение взаимоприемлемых компромиссов в этом вопросе, таких модусов, которые не угрожали бы стратегическому потенциалу РФ, качественно улучшило бы отношения НАТО и РФ и таким образом укрепило бы также позитивные факторы присутствия НАТО в Юго-Восточной Европе. Хотя в идеале для нас остается постепенное превращение НАТО из военной в политическую организацию.

Обсуждение проблематики ЕС, с одной стороны, отразило, что и следовало ожидать, устойчивость еврофильских упований многих стран региона, а с другой, нарастающее беспокойство в связи с текущим и углубляющимся экономическим кризисом. Было довольно забавно слушать, как эксперты и официальные представители стран этого региона, не являющихся членами ЕС (а в ЕС вступили оттуда только три страны – Словения, Болгария и Румыния) доказывали необходимость для них срочно присоединиться к этой организации. Болгарский же эксперт подчеркнул в своем докладе наличие серьезных трудностей в самом ЕС. Подчеркивалось, что пока еще выхода из кризиса не видно и позитивные прогнозы в этом плане строить преждевременно. По оценкам ряда исследователей, трудности еврозоны могут перерасти в проблемы всей системы ЕС. Как известно, ныне эти осложнения уже распространились не только на

Грецию, но и на Португалию, Испанию, Ирландию, Италию, Кипр. Поэтому расширение ЕС за счет новых членов, экономически явно не первоклассных (менее развитые республики бывшей Югославии, например) вряд ли может быть сегодня актуальным.

Впрочем, вся проблема будущего европейской интеграции, как справедливо признавалось едва ли не всеми участниками конференции, ныне нуждается в новом и весьма основательном пересмотре, в том числе и применительно к такому специфическому району как Балканы.

А.В.Фролов

ТИХООКЕАНСКАЯ СЦЕНА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одним из примечательных событий международной жизни в 2012г. стало проведение 2-9 сентября 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке. В определенном аспекте его работу продолжил состоявшийся 12-13 октября в Москве второй азиатско-тихоокеанский форум на тему: «Российское председательство в АТЭС и новые перспективы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион», организованный Российским центром исследований АТЭС и Российским советом по международным делам (РСМД) при участии журнала «Международная жизнь», который, по словам президента РСМД И.Иванова, собрал лучших российских экспертов по данной теме, экспертов из стран Тихоокеанской зоны (ТОЗ), а также представителей власти и бизнеса для обсуждения наиболее важных вопросов регионального развития и сотрудничества. Проблема обеспечения безопасности в АТР заняла среди них одно из приоритетных мест.¹

Второй Азиатско-Тихоокеанский форум стал интенсивной попыткой найти комплексный подход к реализации дальневосточного аспекта диалога между представителями столь широкого круга исследовательских организаций стран региона. Некоторые актуальные вопросы, включая проблемы ядерной и электроэнергетики, научно-технических обменов, транспорта, логистики и связи, исследования космического пространства, рассматривались на нем сквозь призму предстоящей практической полноценной интеграции России в дела АТР.

Вопрос, который изначально был поставлен перед собравшимися: готова ли Россия повернуться лицом к Тихому океану, как это сообразуется с ее политикой на европейском направлении и на что она может рассчитывать? Основная идея состоявшихся дебатов сводилась к единодушно одобренному тезису, согласно которому, учитывая стремительно возрастающее экономическое значение ТОЗ, Россия с ее огромными ресурсами и возможностями просто не может остаться в стороне от процесса, для которого саммит во Владивостоке создал целый ряд «площадок для работы» в форме постоянного диалога, а, самое главное, вывел на них госструктуры, бизнес-элиту и экспертов. Именно на комплексности решения проблем АТР, как это понимает российская сторона, сделал акцент открывший пленарное заседание **И.Иванов**

Участник саммита АТЭС председатель совета директоров компании «Группа сумма» **Зиявудин Магомедов** отметил, что Россия, вовлекаясь в дела региона, могла бы играть роль транспортного коридора между Европой и государствами ТОЗ. Использование Севморпути с 37 до 27 дней сокращает сроки доставок грузов на Дальний Восток и в китайские порты с 37 до 27 дней, а по Транссибу грузы можно доставить вообще за 9 суток. На форуме прозвучали и конкретные предложения, как, к примеру, практиковать во взаимной торговле мультивалютные корзины, включающие юань, иену, рубль. С вниманием участники саммита, отнеслись к инициативе Билла Клинтона под названием С-40. Речь идет о создании совета из представителей 40 наиболее влиятельных городов для решения различных проблем мегаполисов региона.

Идею транспортного коридора поддержал глава Россотрудничества **К.Косачев**. По его словам, евроатлантизм и тихоокеанское партнерство будут конкурировать между собой. Россия оказывается не в центре этих сообществ, но может быть связующим звеном между ними. Россия, недостаточно, по его словам, или вовсе не использует фактор «мягкой силы». Китай, к примеру, по решению Политбюро ЦК КПК активно создает во всех государствах региона свои институты Конфуция, посредством которых распространяет свое влияние. Это опыт полезно внимательно изучить.

С оригинальной идеей обратился к собравшимся генеральный директор компании «En+ Group» **А.Волынец**. По его суждению, Россия могла бы в отношении Китая играть роль поставщика ресурсов, подобно тому, как это делает Канада в отношении США. Мысль эта нуждается в уточнении: во-первых, по причине того, что Россия в два раза больше Канады по территории, в 5 – по численности населения, в то же время американская экономика больше и мощнее китайской, во-вторых, в отношениях США-Канада второй заведомо уготована роль младшего партнера, а в-третьих, обе североамериканские страны имеют схожий культурно-этнический состав населения, говорящего на одном языке, в то время как Россия и Китай несут в себе совершенно разные культуры и ментальности. А.Волынец также отметил, что России необходимо открыть свои морские порты; сейчас грузооборот всех российских портов Дальнего Востока составляет 129 млн. т, что в 5 раз меньше грузооборота одного только Шанхайского морского порта. Другим фактором, препятствующем сотрудничеству России с государствами ТОЗ эксперт назвал очень высокую ставку Центробанка РФ.

Подтверждением того, что Россия на деле поворачивается лицом к ТОЗ, являются сдвиги в образовательных программах. Дальневосточный федеральный университет начинает готовить широкий круг специалистов для работы именно в этой зоне. По свидетельству ректора ДВФУ **Сергея Иванца**, Университет в свой учебный процесс привлекает лучшие мировые преподавательские кадры. Он готов платить приглашенному профессору 150 тыс. руб. ежемесячно, а также предоставить до 2 млн. руб. в виде исследовательского бюджета. 40% студентов учатся по международным образовательным программам на перво-классном оборудовании. Университет поддерживает связи не только с ведущими вузами стран ТОЗ, но и с деловыми кругами, что гарантирует успешное трудоустройство его выпускников.

Хотя все выступающие на форуме говорили о неразрывной связи проблем экономического развития региона и проблем безопасности, многие из ораторов признавали, что последние пока для лидеров региона явно остаются в тени разговоров о блестящих перспективах роста. Неслучайно, отвечая на мой вопрос, существуют ли какие-либо сложившиеся формы взаимодействия государств АТЭС в решении проблем безопасности, президент И.Иванов ответил: нет, не существуют. Эти проблемы решаются либо универсально в рамках ООН, либо на дву- или многосторонней основе. Россия и Китай сумели решить вдвоем касавшиеся их пограничные проблемы. Пример иного рода – отношения России с Японией, где остается не решенной проблема островов. Но и здесь первоначально важен климат доверия, при котором проблема островов не будет мешать взаимодействию в других областях. По корейской проблеме выбран шестисторонний механизм решения. Но он пока больше пробуксовывает. Есть понимание того, что важно создавать такие условия, при которых государства не будут искать силовые пути решения спорных проблем. Что же касается АТЭС, то в его рамках необходимо и возможно формирование эффективных инструментов и механизмов для решения спорных вопросов.

Ясно, что процессу обеспечения региональной безопасности еще только предстоит обрести конкретные очертания. Здесь на данном этапе превалирует задача разработки стратегии участия конкретных стран в делах региона. Форум инициировал дискуссии на тему того, какие угрозы безопасности в регионе существуют, и каким образом они могут быть сняты. Этой теме были посвящена работа двух его секций. Директор Московского центра Карнеги **Д.Тренин** высказал мысль, что для РФ чрезвычайно опасно быть втянутой в кризисные ситуации. По этой причине он рекомендовал России стать привилегированным партнером, своего рода «Германией на Востоке».

Профессор Вашингтонского университета (г.Сиэтл) **Йонг Чул Ха** указал на стихийный характер развития ряда событий в АТР при отсутствии необходимых институтов безопасности. Раз нет институтов, то нет видения будущего, нет стратегии. Что же касается России, то мышление ее политической, по утверждению эксперта остается чрезмерно глобальным вместо того, чтобы снизойти до конкретных региональных проблем. Сегодня России нужна стратегия, направленная на создание структур, отвечающих за поддержание безопасности в регионе. Тем более, что у отдельных действующих в АТР организаций и государств есть опасения по поводу возвращения России в регион как ключевой державы. Чтобы не распылять свои силы, ей лучше сосредоточиться, например, на делах Северо-Восточной Азии.

Сотрудник ИМЭМО РАН **Е.Канаев** считает наиболее проблемной с точки зрения безопасности ситуацию в районе Южно-Китайского моря, где отношения в треугольнике Индонезия-Филиппины-Таиланд имеют тенденцию к обострению. Причем в решении спорных проблем позиция государств АСЕАН по сравнению с китайской является более косной. В силу этого КНР, со своей стороны, предпочитает вести дела с каждой из этих стран в отдельности, нежели с организацией как таковой, прибегая, иной раз к экономическому нажиму на отдельных ее членов, в частности, через ограничение турпотока. Вторая проблема – это соперничество США и Китая в отношении архипелага Спратли.

Спецпредставитель президента РФ по делам Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) **К.Барский** обозначил следующие угрозы безопасности в АТР: произвольное толкование норм и принципов международного права; попытки нарушения стратегической стабильности и региональных балансов сил; вызовы информационной безопасности; подстрекательство к насильственной смене власти в других странах, сопровождаемое вмешательством в их внутренние дела; наркоторговля (за последнее время поток наркотиков из Афганистана в Россию вырос в 30 раз) как источник финансирования терроризма. ШОС играет важную стабилизирующую роль в Азии, содействуя повышению транспарентности в поддержании балансов сил и повышению мер доверия в межгосударственных отношениях. И в этом плане она поддерживает отношения с другими региональными организациями, прежде всего с АСЕАН, чему свидетельством стало участие представителей ШОС в форуме АСЕАН по проблемам безопасности. При этом ШОС отстаивает фундаментальные принципы международного права.

Китайский профессор **Чжин Син** усматривал угрозу безопасности в нарушении сложившихся балансов сил и, в частности, в том, что США намерены перевести в ТОЗ 60% своих вооруженных сил. Кроме того, по его словам, минуя в том, что местные государства не имеют комплексных подходов к обузданию таких проблем как терроризм, экстремизм, сепаратизм, питающих «горячие точки». Заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского университета **В.Колотов** подчеркнул, что за последние годы Китай выходит за пределы внутренних морей в деле обеспечения собственной безопасности, что делает необходимыми корректировки в политике безопасности. В связи с этим России, например, целесообразно уделять повышенное внимание АТР, усиливать востоковедческое направление науки. Другой представитель США – профессор **Дональд Хеллман** подчеркнул, что без надежной системы безопасности не будет необходимого развития в экономике. Нужно создавать рамочную комплексную систему, обеспечивающую как безопасность, так и экономическое развитие.

Подводя итоги дискуссии, председатель российского Совета по внешней и оборонной политике **С.Караганов** сказал, что стороны пока еще не определились с тем, как понимать безопасность в АТР. Вопрос этот остается предметом обсуждений и дискуссий.

Работа одной из секций форума была посвящена обсуждению ситуации на рынке вооружений в АТР и перспективам военно-технического сотрудничества - теме, очень тесно перекликающейся с проблемой обеспечения региональной безопасности и поддержания стабильности. Руководитель группы советников генерального директора Рособоронэкспорта **А.Бриндигов** заявил, что Россия активно влияет на рынок вооружений в АТР, работает в регионе практически со всеми странами. Но при этом делает акцент на сотрудничестве с теми государствами, с которыми «складывается понимание», не отказываясь от сотрудничества и со странами, «периодически возникающими на рынке». В АТР весьма активны США, а также ведущие европейские производители вооружений.

Развернутую оценку ситуации в регионе дал член-корреспондент отделения «Технические средства разведки и целеуказания» Российской академии

ракетных и артиллерийских наук генерал армии **В.Корабельников**, назвав рынок вооружений индикатором усилий государств в военно-политической сфере. По его оценке, Россия предельно открыта для ВТС со всеми странами региона. Для снижения напряженности за последние 15-20 лет она существенно сократила группировку войск на своей территории, прилегающей к АТР. Однако, в отличие от России США усиливают там свои позиции, наращивая военную мощь. В Вашингтоне решают задачи по обеспечению доступа к любой инфраструктуре ТОЗ и довели подводную компоненту своих ВМС в регионе до 60% от их общей численности, а в ближайшее время намерены довести и надводную часть своих ВМС также до 60%. Всего же США имеют в ТОЗ 220 военных объектов в пользовании – на балансе или на правах аренды.

Пекин также не остается в стороне от подобных процессов, делая упор на развитии собственного ВПК и все более уходя от зависимости в военной технике из-за рубежа. За последние 4 года Китай в 1,7 раза увеличил свой военный бюджет, что позволяет ему отстаивать свои интересы в т.ч. и с точки зрения их силовой составляющей. Происходит и наращивание военных потенциалов других государств Юго-Восточной Азии.

Развивая эту тему, член дирекции ИМЭМО РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ **В.Трубников** выступил за более активную роль России в деле обеспечения безопасности как на европейском направлении, так и на дальневосточном. Такая роль позволила бы России уйти от приготавливаемой для нее участи сырьевого придатка АТР. В Азии Индия играет роль привилегированного партнера России в области ВТС, поскольку именно благодаря сотрудничеству с этой страной дан импульс развитию отечественного ОПК. Однако в своих взаимоотношениях с Китаем и Индией Россия не должны демонстрировать какие-то особые симпатии к одной из этих держав. Проблема же ВТС, по его мнению, кроется в другом: у нас не осуществляется новых глубоких научных разработок в создании боевых систем, а в 2010 г. доля НИОКР в оборонной сфере практически была близка к нулю.

Таким образом, участники форума обозначили два ограничителя для экспорта российского вооружения и ПВН в АТР: это проблема рынка во многом занятого другими производителями, закрепляющими свои позиции соответствующими межгосударственными соглашениями, и проблемы собственно российского ОПК, выражающиеся в его постепенном упадке, что было подытожено ведущим как «потеря системного заказчика и системного производителя».

Эксперт Центра анализа стратегий и технологий **С.Денисенцев** высказал убежденность в том, что наращивание военных расходов странами АТР происходит в соответствии с их экономическим ростом. Для России рынок китайский рынок вооружений упал до 1 млрд. долл. Но этот спад способен актуализировать наши отношения с другими странами, в частности государствами ЮВА. Так, Вьетнам по закупкам российского оружия уже обошел КНР. Перспективными партнерами являются Индонезия и Малайзия, а также Сингапур и, возможно, Таиланд. Ситуацию, правда, усугубляют имеющиеся внутренние противоречия между этими странами. В создавшейся ситуации для России наиболее подходящей ролью является роль донора технологий. Наиболее узкими местами для нее является производство роботов, военно-транспортных вертолетов. А в

целом применительно к России речь скорее о сохранении позиций, нежели их укреплении. Ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН **А.Фененко** оказался еще более категоричен: ВТС на данный момент - единственный ресурс присутствия России в АТР. Но и там $\frac{3}{4}$ государств региона связаны соответствующими соглашениями с США. Свободны от них только Китай, Индия, Вьетнам и Индонезия.

Начальник управления регионального департамента ОАО «Ростехнологии» **А.Плотников** обратил внимание участников дискуссии на появление на региональном рынке вооружений такого нового и сильного игрока как КНР. Но, с другой стороны, рост его экономической и военной мощи вызывает озабоченность соседних стран.

Участники форума отметили важность выстраивания Россией взаимодействия со всеми государствами региона по всем направлениям, включая проблемы обеспечения безопасности. Перспективным является уход от отношений с другими государствами АТР по принципу «продавец-покупатель» и выход на другие формы работы, в частности совместное производство военной техники и боевых систем. В этих отношениях необходимо учитывать такой важный сегмент, как создание Соединенными Штатами региональной системы ПРО.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Первый форум состоялся в Москве в 2011 г. Его результаты и рекомендации, изложенные в докладе «Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: безопасность и развитие» были оценены и приняты во внимание профильными российскими ведомствами при подготовке материалов к Саммиту АТЭС во Владивостоке.

ЧУЖИЕ ВОЙНЫ УХОДЯЩЕЙ ЭПОХИ

Чужие войны / М.С.Барабанов, И.П.Коновалов,
В.В.Куделев, В.А.Целуйко; под ред. Р.Н.Пухова.
– М.: Центр АСТ, 2012. 272 с.

Перед нами – не совсем типичная для отечественной прикладной конфликтологии работа. Во-первых, сборник, изданный под эгидой Центра анализа стратегий и технологий, написан коллективом авторов, большинство которых принадлежит к новому, хотя и уже проявившему себя, поколению в российской аналитике.

Во-вторых, на фоне общего снижения за последние десятилетия уровня отечественной внешнеполитической экспертизы и интереса к мировым политическим и военно-политическим процессам, в том числе к вооруженным конфликтам за пределами постсоветского пространства, данная работа содержит достаточно подробный обзор именно ряда наиболее интенсивных *зарубежных* конфликтов последних двух десятилетий в разных регионах мира, без участия российских вооруженных сил (включая иностранные военные интервенции в Югославии, Афганистане, Ираке и Ливии, конфликты между Перу и Эквадором, Эфиопией и Эритреей, Индией и Пакистаном в Каргиле, многостороннюю войну в Демократической Республике Конго, конфликт между движением Хизбулла и Израилем в Ливане и гражданскую войну на Шри-Ланке).

В-третьих, для заинтересованного российского читателя сборник не только представляет чисто информативный интерес, но и имеет конкретное прикладное значение (как для экспертов-конфликтологов, так и для внешнеполитических и военно-политических кругов). Авторы изначально не претендуют на некую отвлеченную «академичность», а прямо заявляют о политико-прикладном подтексте и задачах своей работы, подчеркивая, что главный смысл и общий посыл проведенного анализа военных аспектов ряда войн конца XX – начала XXI в. – это обоснование необходимости *всемерной поддержки и развития высокотехнологического потенциала российских вооруженных сил*. Этот императив напрямую проистекает из характера современных военных угроз и боевых действий в различных регионах мира, которые служат основным предметом анализа в сборнике.

В этом смысле сборник служит своеобразным продолжением и расширением – за счет выхода за пределы постсоветского пространства – той проблематики, которая отчетливо наметилась еще в докладе Центра АСТ, посвященном подробному разбору военных аспектов конфликта между Грузией и Южной Осетией (и Абхазией), спровоцировавшим вооруженное вмешательство России.¹ Критический анализ возможностей, ресурсов и проблем ведения военных действий как грузинской, так и российской стороной в ходе «пятидневной войны» августа 2008 г. привел авторов к тому же выводу – об острой необходимости повышения боеготовности российских вооруженных сил, прежде всего, за счет улучшения технического оснащения, систем связи, координации и контроля и более активного внедрения современных систем вооружений и военных технологий. Новая коллективная рабо-

та под эгидой Центра АСТ фактически сосредоточена на той же проблематике, но она рассматривается уже не на отдельно взятом российско-грузинском примере, а в более широком международном сравнительном контексте.

С одной стороны, основной акцент в большинстве глав сборника сделан на описании хода боевых действий и основных военных итогов вооруженных конфликтов. В этой части заявленная задача работы в целом решена: для тех, кому это интересно, она содержит хороший экскурс в военную составляющую каждого из рассматриваемых конфликтов и ее можно с уверенностью рекомендовать, в частности, в качестве учебного пособия для военных институтов и академий, а также для гражданских вузов.

С другой стороны, традиционная военная составляющая – это лишь часть более широкого контекста современных конфликтов, и ограничение анализа чисто военными аспектами сегодня уже недостаточно даже для элементарных выводов об итогах большинства войн. Иными словами, военная составляющая должна быть вписана в политический, социально-экономический, этнорелигиозный, культурно-исторический и иной локально-региональный контекст. С вниманием к такому контексту в работе дело обстоит хуже: в отдельных главах он практически игнорируется (например, в главе по Ираку), другие демонстрируют крайне поверхностное знакомство с контекстными условиями и содержат отдельные серьезные ошибки. Например, конфликт в Ливии 2011 г. характеризуется как преимущественно «гражданская война», причем в форме «народного восстания» (с. 244), что в первом случае неаккуратно (ибо решающее влияние на ход и итоги этого конфликта оказал никак не его внутренний аспект, а именно внешняя военная интервенция со стороны США, ряда стран НАТО и отдельных арабских монархий Персидского залива), а во втором случае – просто неверно, так как относительно регулярные локальные мятежи в районе Бенгази ни раньше, ни в 2011 г. на всеобщее народное восстание не тянули.

В этом смысле самый сбалансированный раздел сборника – это глава о войне 1994 г. между Северным и Южным Йеменом (за авторством В.Куделева), являющаяся собой просто образец комплексного рассмотрения различных аспектов вооруженного конфликта. Если некоторые другие главы не выходят за описательно-хронологические рамки, то для этой главы отчетливо характерен именно аналитический подход (нацеленный на выявление и объяснение истоков и причин конфликта, общего политического расклада, основных игроков и их интересов и возможностей, а также последствий и уроков вооруженного противостояния, в том числе для очередного обострения внутренней ситуации в Йемене в контексте «арабской весны»). Если к автору и есть вопросы, то лишь по поводу интерпретации терроризма как сугубо «новой» угрозы (тогда как ее разным формам и проявлениям никак не менее полутора веков) и ассоциации современного терроризма исключительно с радикальными исламистами (тогда как террористические методы используются группировками самой различной мотивационно-идеологической ориентации, включая светских националистов, экстремистов правого и левого толка и т. д., а самый распространенный в мире тип вооруженных игроков, практикующих террористические методы, – это организации смешанного этно)националистически-религиозного толка).

Из более серьезных концептуальных вопросов, связанных с характером современных «малых войн», особого внимания заслуживают две проблемы, на которых имеет смысл остановиться подробнее.

Во-первых, одной из отправных точек сборника служит тезис о «ликвидации стабилизирующей роли двухполюсного мирового порядка» как основном факторе роста конфликтности в постбиполярный период. Дело не только в том, что тезис о росте числа конфликтов и конфликтного потенциала в постбиполярный период (в 1990-е – 2000-е гг.) не подтверждается существующей статистикой. Напротив, налицо как раз довольно устойчивое и значительное сокращение числа вооруженных конфликтов с участием государства – на 40% с начала 1990-х по середину 2000-х гг., снижение числа новых конфликтов (не более трех в год за последние 10 лет, в том числе вообще ни одного нового конфликта в течение 5 лет), особенно сильное сокращение числа собственно «войн» (т. е. наиболее крупных и интенсивных конфликтов) и просто мизерное число конфликтов между государствами по поводу межгосударственных противоречий (только 3 таких конфликта за 2000-е гг.). Отход от крупных конвенциональных межгосударственных войн, преобладание внутригосударственных и негосударственных конфликтов, размывание их границ, растущая роль вооруженных негосударственных игроков объясняют и общее снижение военных и гражданских потерь в живой силе в результате боестолкновений между комбатантами.

Дело даже не в том, что сдерживающий эффект «холодной войны» на конфликтный потенциал не так однозначен, как это представляется авторам. Дело в том, что сравнительная оценка конфликтного потенциала до и после окончания «холодной войны» действительно представляет собой интересную и еще далеко не «закрытую» научно-аналитическую проблему. Если авторы сборника впадают в одну крайность, преувеличивая своеобразный стабилизирующий потенциал «холодной войны», то среди западных специалистов распространена противоположная крайность – попытки связать сокращение числа конфликтов за последние 20 лет исключительно с окончанием «холодной войны» и открывшимися вследствие этого возможностями для международного урегулирования конфликтов. На самом деле, влияние биполярной системы и «холодной войны» на конфликтный потенциал в мире носило, скорее, двойственный и неоднозначный характер. «Холодная война», с одной стороны, безусловно способствовала идеологической поляризации локально-региональных конфликтов по линии «левый/просоветский – правый/прозападный», тем самым до определенной степени подогревая их. С другой стороны, она обладала и важным сдерживающим потенциалом (как в силу жесткой структурированности мировой системы, так и, парадоксальным образом, благодаря самой возможности ускоренной вертикальной эскалации локального конфликта в условиях сильно поляризованного мира, наглядно продемонстрированной в ходе Карибского кризиса 1961 г.).

Во-вторых, за рамками сборника остались основные – и весьма существенные – изменения в характере современных конфликтов. Среди отобранных для анализа в сборнике конфликтов преобладают достаточно интенсивные и хорошо структурированные конвенциональные войны, как правило, межгосударственного типа или с участием ведущих военных держав мира в рамках внешних интервенций (за исключением Шри-Ланки) – иными словами, конфликты, скорее, уходящей эпохи, чем XXI

века. Хотя эти войны, безусловно, заслуживают внимания, проблема в том, что не они определяют лицо наиболее распространенных и типичных современных конфликтов.

Главные тенденции рубежа веков и последнего десятилетия – параллельные процессы фрагментации и транснационализации вооруженного насилия – уже значительно изменили характер «усредненного» конфликта начала XX в., по сравнению с предыдущим этапом. Это больше не четко структурированная и интенсивная война со строго очерченными границами и преобладающей ролью государств, в том числе напрямую противостоящих друг другу. Более типичный современный конфликт значительно более фрагментирован, отличается меньшей интенсивностью, но сопровождается ростом (а) числа его участников, (б) роли негосударственных вооруженных группировок, (в) насилия между повстанческими группировками без прямого участия государств (в т. ч. вследствие расколов), (г) опоры самих государств на прогосударственные полуавтономные вооруженные формирования, (д) локального насилия на уровне «полевых командиров», которые вообще не оспаривают ни центральной власти, ни части государственной территории, а заняты борьбой за власть и ресурсы на местном уровне и практикуют насилие скорее полу-криминального, чем повстанческого типа, часто на фоне (е) менее организованного, но более массового межобщинного насилия. Не все эти игроки ведут борьбу напрямую друг против друга, но большинство из них применяют насилие против гражданского населения. Засады, стычки, теракты и другие нападения на мирных жителей все чаще преобладают над боестолкновениями между комбатантами.

Такое фрагментированное, размытое насилие не только с легкостью выплескивается за пределы государственных границ, но и часто приобретает более широкое транснациональное измерение. Хотя средняя интенсивность такого насилия невысока, оно гораздо *труднее поддается регулированию*, чем более традиционные войны. Это отчасти объясняет, почему добрая половина конфликтов за последние два десятилетия затухала вообще в отсутствие как решающего военного исхода, так и устойчивого мирного процесса. На этом фоне наблюдается крайне высокий уровень возобновления конфликтов: с середины 1990-х в мире возобновившихся конфликтов гораздо больше, чем новых, а начиная с 2002 г. более половины недавно завершившихся конфликтов возобновляется.

Возможно, такое насилие менее интересно для военных кругов и ВПК ведущих стран мира, включая Россию, но в начале XXI в. оно уже *преобладает* над более традиционными, крупными, интенсивными и хорошо структурированными конфликтами XX в., которые еще можно было решить военной победой одной из сторон. В отличие от них, большинство современных конфликтов если и затухают, то временно и в отсутствие решающего военного исхода, в принципе не имеют военного решения, а для того, чтобы не возобновиться, требуют не только комплексных политических решений, но и долгосрочных структурных мер по социально-экономическому развитию и налаживанию относительно функциональной и легитимной государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Танки августа / М.С.Барабанов, А.В.Лавров, В.А.Целуйко; под ред. М.С.Барабанова. – М.: Центр АСТ, 2009. – 144 с.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПОД УГРОЗОЙ

Геополитические проблемы
Центральной Азии. Большая
Игра в прошлом и настоящем /
Реф. сб., отв. ред. А.И.Фурсов.
– М.: РАН ИНИОН. 2012. 166 с.

Выпуск реферативного сборника работ западных исследователей стран Центральной Азии (англичане П.Хопкирк и К.Мейер, американка Ш.Бризак и пакистанец А.Рашид), предпринятый Отделом Азии и Африки ИНИОН РАН, выдержан в особом жанре, ориентированном на источники (редактор-составитель К.А.Фурсов). В данном случае не только кратко излагается содержание текстов, но и приводятся из них значительные аутентичные выдержки ключевых мест, что призвано повысить эффективность и надежность их использования в учебных и экспертных целях.

Основная идея большинства материалов – развиваемый в разных аспектах тезис о возобновлении в районе Центральной Азии «большой игры» силовых центров влияния, которые в наше время включают США, страны НАТО, Китай, Россию, при резко возросшем – по сравнению с прошлым – влиянии внутренних социальных сил, удельного веса исламских и этноконфессиональных движений. Под указанным углом зрения ряд авторов – и прежде всего П.Хопкирк, признанный авторитет среди специалистов по азиатской проблематике – считают уместным вернуться к анализу англо-российского соперничества в регионе до Первой мировой войны (с. 54-61). Сейчас, разумеется, вопрос ставится шире; речь чаще всего ведется о взаимодействии России и всего Запада, с подключением к их сложным маневрам Китая, а частично и Японии и ряда менее крупных величин.

К.Мейер и Ш.Бризак полагают, что конечный смысл современных противоборств в центре азиатского континента сводится к формированию новых империй (или империи), что, по признанию экспертов, не прибавит району стабильности, а скорее усугубит здесь напряженность (с. 92-121). Вместе с тем важнейшее, если не превалирующее значение авторы придают внутренним социальным и политическим процессам в странах региона. По оценке А.Рашида, Запад в сущности проигрывает войну с исламским экстремизмом не только в Афганистане, что наглядно манифестируется уже объявленным началом вывода американских и союзнических войск из страны, но и в Пакистане, где верх берут те же талибы и подобные им преимущественно или частично террористические группировки и течения, и даже в постсоветских среднеазиатских республиках, где фиксируется усиление националистических и экстремистских тенденций. В итоге, прогнозирует ученый, всей (или почти всей) Центральной

Азии грозит «погружение в хаос», который затронет и окрестные районы, включая Индию и Иран.

Из проблем, резко обострившихся в самое последнее время, авторы выделяют две комбинированные – в смысле соединения внутренних и внешних неблагоприятных стимулов: наркотрафик и нарушения прав человека, вместе с межэтническими и иными конфликтами и трениями. Что касается проблемы наркотиков, то она не только не смягчилась в результате внешней оккупации Афганистана, но многократно возросла и обострилась. Производство опиума в Афганистане возросло за эти годы в несколько раз и составляет ныне 93% его мирового объема (с. 155). В пучину наркомании быстрыми темпами втягиваются и все пять бывших советских республик: потребление наркотиков здесь выросло в 10 раз, причем в ряде случаев, как например, в Таджикистане, опиумный приток послужил катализатором вооруженных междоусобиц.

Что касается обеспечения прав человека и других будто бы демократических преобразований, то успехи в этом плане оказались крайне скромными и явно непрочными даже не только в Афганистане, но и в ряде среднеазиатских постсоветских государств. Показательно описанное в статье А.Рашида положение в Узбекистане, кстати, недавно вышедшем из Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ). Автор отмечает, что при президенте Исламе Каримове в Узбекистане утвердился у власти режим грубейших нарушений прав человека: уже в 90-х гг. в тюрьмах страны томилось 10 тыс. заключенных, подвергавшихся зверским пыткам. «Казалось бы, - отмечает автор, – союз с ЦРУ не сможет сделать узбекскую тайную полицию много хуже, чем она уже была, – но это произошло. После заключения Каримовым союза с Вашингтоном было арестовано еще больше узбеков и пытки применялись без всяких ограничений» (с. 153). Очевидно, что неблагоприятное положение в этой области не может не отразиться, как свидетельствуют события, и на отношениях Узбекистана с его соседями.

К сожалению, в издании практически не затрагиваются функции и роль организаций безопасности в указанном районе (кроме роли НАТО в Афганистане, где она, по авторскому признанию, скорее скромна, чем значительна). Возможно, что инициатором и составителям издания, следовало бы продолжить успешно начатый проект, с большим акцентом на меры и способы коллективного предотвращения возникающих и множущихся здесь угроз и конфликтов.

ОБРЕЧЕННЫЕ НА КОНФРОНТАЦИЮ?

Мальков В.Л. Россия и США
в XX веке: очерки истории межго-
сударственных отношений
и дипломатии в социокультурном
контексте. – М.: Наука, 2009.
- 495 с.

В новой книге Виктора Леонидовича Малькова, посвященной одной из важнейших тем в истории международных отношений и внешней политики нашей страны в XX в. – российско-американским (советско-американским) отношениям, основное внимание уделено проблемам «нового курса» президента США Ф.Д.Рузвельта, разработке атомного и термоядерного оружия, а также влиянию американской атомной монополии на советско-американские отношения. Все эти события и процессы представлены вплетенными в более широкий контекст общественных и интеллектуальных интересов в обеих странах, массовой психологии, формирования стереотипов коллективного сознания, взаимного восприятия и устойчивых представлений народов и элит двух стран друг о друге.

Ни для кого не секрет, что на протяжении большей части XX в. отношения между нашей страной и Соединенными Штатами были прохладными, натянутыми, а временами и просто конфронтационными. В чем причина? Вопрос имеет актуально-практическое значение, учитывая, что с этим багажом Россия и США перешли в XXI век. Чего стоит фактическое причисление России, если не к самой «оси зла», то, как минимум, к государствам, находящимся очень близко к этой «оси», которое последовало в самом начале века, во времена правления администрации Дж. Буша-младшего (несмотря на то, что вскоре, после сентября 2001 г., имело место определенное, пусть частичное, потепление в отношениях, связанное с партнерством в борьбе с терроризмом), или откровенно недружественная риторика кандидата от республиканцев Дж. Маккейна на президентских выборах 2008 г., или последовавшее уже совсем недавно, весной 2012 г., заявление наиболее вероятного кандидата от той же республиканской партии М.Ромни о том, что Россия является противником номер один для США! И это несмотря на то, что холодная война закончилась более 20 лет назад (о чем, впрочем, Ромни поспешили напомнить ключевые фигуры демократической администрации президента Б.Обамы – Дж.Байден и Х.Клинтон).

Безусловно, «холодная война» и советско-американское глобальное соперничество составили суть взаимоотношений двух стран, да и центральную проблему мировой политики второй половины XX в. в целом. Тем не менее, даже сейчас, когда Россия находится явно в другой «весовой категории» и не представляет глобальной угрозы интересам США, восприятие России как противника сохраняется в сознании немалой части американского общества, в том

числе, правящего класса, как можно судить по высказываниям ряда представителей американских властей (особенно законодательной ветви) и экспертного сообщества.

Основные причины советско-американского соперничества и возникновения «холодной войны» в американской историографии обычно сводятся к двум: находящимся в области реальной политики (*realpolitik*) и выводимым из идеологии. Объяснение советско-американского противостояния причинами геополитики, столкновения реальных государственных интересов двух стран, борьбой за территории, сферы влияния, источники сырья и рынки сбыта, стремлением обеспечить национальную безопасность, а также заполнить «вакуум власти», образовавшийся после ослабления остальных великих держав, характерно для школы политического реализма. Это объяснение подкреплялось комплексом построений, выдвигавших на первое место причины, лежащие в сфере идеологии.

Соответственно, в разные периоды по-разному расставлялись акценты в вопросе ответственности за начало «холодной войны» – разрушительная большевистская идеология СССР или стремление США овладеть новыми сырьевыми ресурсами и рынками сбыта. Наиболее «оригинальная», постревизионистская школа выступила с идеей соединения геополитических и идеологических причин с акцентом на большую ответственность советских вождей. Причем, ряд исследователей, говоря об идеологической подоплеке конфронтации, заглядывали и глубже – в дореволюционное прошлое России. В этих работах речь шла уже не только о коммунистической идеологии, но и о России как «носителе авторитарного начала», которая неизбежно должна была столкнуться с Америкой, воплощавшей дух свободы и демократии.¹

Тем не менее, на основании этих представлений трудно было объяснить, почему, например, большую часть XIX в. отношения между демократической Америкой и деспотичной Россией были вполне доброжелательными, включая особую близость в эпоху Гражданской войны в США, когда Россия оказывала поддержку федеральному правительству, и почему после победы февральской революции 1917 г. новая демократическая Россия не удостоилась дружбы Соединенных Штатов, почему США сотрудничали с коммунистическим СССР в годы Второй мировой войны и почему, наконец, после крушения СССР опять обновленная демократическая Россия вместо партнерства и помощи в преодолении последствий коммунистического режима (который официально был объявлен главной причиной американского нерасположения к Советскому Союзу) испытала на себе всю горечь унижительного отношения как к побежденной стране.

На все эти вопросы и пытается дать взвешенные ответы В.Л.Мальков в своем труде. Он начинает свое повествование с последней трети XIX в. и отслеживает состояние общественной мысли в России и США – все то, что формировало в каждой из стран образ «другого». В дальнейшем, изучая эволюцию этих отношений на протяжении XX в, автор постоянно сопоставляет действия основных акторов этой истории с тем, что думали они – политики, дипломаты, ученые, военные (равно, как и более широкие слои населения), как они воспринимали второго участника этих отношений и почему они воспринимали его

именно так, а не иначе. Этот идейный контекст представляется важным, порой определяющим, наряду с другими факторами, как лежащими в области сознания (идеологические и религиозные концепции), так и более вещественными и обезличенными (политические, экономические интересы и т.д.).

В итоге автор приходит к выводу, что та, по большей части, негативная динамика российско-американских отношений, которая прослеживается на протяжении большей части XX в., по-своему вполне закономерна, принимая во внимание тот образ России, который уже сформировался в сознании американского истеблишмента, да и в сознании более широкой публики, уже к началу прошлого столетия. Представление о России как о «неправильной» стране, как о стране с агрессивными имперскими амбициями, в сочетании с внутренней неразвитостью, деспотизмом власти и нецивилизованностью, забитостью низов, как о полной противоположности Соединенным Штатам, воплощающим собой общественный прогресс, свободу, демократию и т.д., – это представление успело утвердиться и далее претерпевало лишь частные изменения, не затрагивавшие его сути (допустим, смена царской автократии красным тоталитаризмом никак не улучшила «имидж» России, скорее сделала хуже, добавив деструктивный жупел «мировой революции»). Безусловно, эта неприглядная картина возникала не всегда на пустом месте, не только, скажем, на основе прочтения тенденциозной литературы, но и из тех реалий, которые американцы (тот же Дж.Кеннан) могли наблюдать воочию. В этом плане показательна упомянутая автором «эволюция» посла в СССР в 1930-е гг. У.Буллита, который приехал в Москву русофилом, сторонником сближения СССР и США, с симпатией относившимся к социалистическому эксперименту, а вернулся оттуда пару лет спустя убежденным противником любого сотрудничества с СССР.

Многие неприглядные представления российской-советской действительности подкреплялись традиционным, сформировавшимся в Европе и оттуда перекочевавшим в США предвзятым отношением к России (можно вспомнить упомянутую книгу де Кюстина и «образ врага» в западноевропейской печати во время Крымской войны, и другие сюжеты), а также завышенным суждением американцев о своей собственной стране и о своей миссии, в мире. Поэтому, в лучшем случае, американцы хотели помочь России, наставить ее на путь истинный (раз сама она на это неспособна) и переделать ее по своему образу и подобию, а в худшем – нивелировать угрозу, которую она будто бы представляет для западной цивилизации путем изоляции, сдерживания, и т.д., вплоть до атомных ударов - в зависимости от конкретного исторического момента и оценки Америкой своих задач в мировой политике. Даже такие настроенные на сотрудничество с нашей страной американские лидеры, как Ф.Д.Рузвельт, в лучшем случае видели в России/СССР некую подсобную силу, которая могла бы помочь Америке сделать мир лучше, но которая не должна претендовать на нечто большее, чем заведомо второстепенное, подчиненное США место.

Здесь важен анализ атомного фактора, которому В.Л.Мальков оправданно уделяет особое внимание. Даже в формуле «четырех полицейских» прослеживается некая градация – США и Великобритания, причастные к атомным секретам, с одной стороны, и СССР и Китай, не допускаемые к этим секретам, – с другой. После же смерти Рузвельта и обретения США атомной монополии

стремление использовать новое «супероружие» для давления на СССР становится явным и облекается порой в откровенно грубую форму. Поэтому в ответной враждебности СССР не стоит видеть только следствие паранойи советской элиты и советского общества в целом, как это делают многие западные, да и отечественные исследователи. Попытки обращаться с недавним союзником как с подручным, шантаж с помощью оружия массового уничтожения, вообще стремление как-то ограничить суверенитет независимого государства, только что в результате страшной войны сокрушившего сильнейшего врага и отстаившего право на свое существование, – как еще на это можно реагировать? В определенных пределах и формах обозначенная проблема сохраняется в российско-американских отношениях до сих пор. Любые попытки России проводить политику, независимую от американского лидерства воспринимаются в Вашингтоне чаще всего негативно.²

Многие положения монографии В.Л.Малькова, особенно касающиеся восприятия двумя странами друг друга, побуждают более трезво смотреть на перспективы сотрудничества между ними на современном этапе и в будущем. Москва (а до этого Петроград) уже не раз вынуждены были разочаровываться в своих надеждах на американскую поддержку и сотрудничество (так было и в 1917 г., после свержения монархии, и в 1930-х гг., после установления дипломатических отношений между США и СССР, и в 1945 г., на исходе Второй мировой войны). Объявленная несколько лет назад, после прихода в Белый дом Б.Обамы, «перезагрузка» в российско-американских отношениях уже вызвала некоторое разочарование в обеих странах. Очевидно, что радикальное улучшение взаимной атмосферы отношений, с учетом прошлого опыта, еще предстоит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Gaddis J.L. *We Now Know. Rethinking Cold War History*. – N.Y.: Oxford University Press, 1997.

² Крайняя приверженность российского руководства концепции суверенитета и нетерпимость к вмешательству во внутренние дела государств заставляет его, по мнению некоторых американских экспертов, мешать осуществлению внешней политики Вашингтона и Запада в целом. Примерно в таком духе выразилась высокопоставленный представитель Атлантического Совета США Френсис Бервелл, имея в виду, прежде всего, защиту Россией режимов, которые в США считаются диктаторскими и от которых Америка была бы не прочь избавиться. См.: Bennett J.T. *Oil Prices Fueling Russia's Disruption of U.S. Foreign Policy* // *The Chicago Tribune*. 4 April 2012.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Лоуренс Райт. «Аль-Каида»
Перевод С.Голованова. -
Geleos Publishing House. -
Кэпитал Трейдинг Компани.
2010.- 416 с.

Книга американского журналиста Лоуренса Райта «Аль-Каида» получила большую популярность в США. Автор удостоен Пулитцеровской премии Американской национальной книжной ассоциации. Серьезной документальной базой для исследования стали материалы, извлеченные из захваченного в Боснии компьютера «Аль-Каиды» и подборка электронной почты из компьютера «Аль-Каиды», обнаруженного в Кабуле. Л.Райт ограничивает изложение периодом с конца 2001-го вплоть до самого начала 2002 г. Автор начинает свой рассказ о корнях «Аль-Каиды» с одного из главных теоретиков исламского фундаментализма Саида Кутба (1906-1966 гг.). Он прослеживает эволюцию политических и религиозных взглядов С.Кутба в сторону радикализации, которая стала следствием пребывания этого египетского писателя и ученого в США после окончания Второй мировой войны. С.Кутб пришел к убеждению, что различия между капитализмом и марксизмом, фашизмом и демократией несущественны, а единственная граница – ислам и Восток, с одной стороны, христианский Запад, – с другой. «Мы должны, - писал С.Кутб, - начать движение исламского возрождения во всякой мусульманской стране, чтобы явить пример, который в конечном счете приведет ислам к мировому господству». С.Кутб был повешен в насеровском Египте в августе 1966 г. Но, как отмечает автор книги, он успел произвести переворот в исламе и воздать угрозу правящим режимам всего мусульманского мира, став кумиром нескольких поколений молодых арабов. Во всяком случае будущие руководители «Аль-Каиды» Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири считали Саида Кутба своим духовным отцом.

Усама бен Ладен происходил из семьи богатейшего саудовского бизнесмена Мохаммеда бен Ладена, который установил тесные отношения с королевской семьей. Еще в школе бен Ладен-младший вступил в «общество братьев-мусульман», существовавшее на территории Саудовской Аравии на нелегальном положении. Он много читал Саида Кутба и часто уже в университете слушал лекции младшего брата Кутба Мохаммеда, что как пишет Л.Райт, в конце концов привело его на путь террора. После 1979 г. Усама стремился попасть в Афганистан, но по требованию саудовского правительства совершал лишь краткие наезды в Пакистан и возвращался в Джидду. Некоторые афганские полевые командиры выступали против участия арабских добровольцев в боевых действиях. Тем не менее в 1986 г. бен Ладен финансировал создание первого постоянного арабского лагеря в Афганистане. Больше всего «арабских афганцев» было сосредоточено в Пешаваре.

В 1986 г. в арабской общине Пешавара появился египтянин доктор Айман аз-Завахири. К моменту гибели С.Кутба аз-Завахири было всего 15 лет, но он уже увлекался идеями учителя. Его целью стало свержение светского правительства Египта и установление там исламистского строя. С 1980 г. аз-Завахири постоянно бывал в Пакистане. Он хотел, в частности, создать в Пакистане тайную базу для джихада, поскольку это невозможно было сделать в Египте. После убийства А.Садата аз-Завахири подвергался аресту, хотя, по его словам, ничего не знал о плане покушения на египетского президента. Знакомство бен Ладена и аз-Завахири имело важное значение для будущей «Аль-Каиды». Созданная ими организация (слово «Аль Каида» означает «база» или «солидный фундамент») избрала уникальный путь: всемирный, или глобальный, джихад. После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. денежный поток, поступавший главным образом из благотворительных фондов США и Саудовской Аравии, начал иссякать. Оставшиеся без дела и без денег «арабские афганцы» становились наемниками в «горячих точках», в том числе в Чечне, Косово, Боснии и т.д.

В 1989 г. бен Ладен вернулся в Саудовскую Аравию как герой. Его соотечественники, с сарказмом, замечает Л.Райт, поверили в выдуманную прессой небылицу, что именно арабский легион сломал могущественную сверхдержаву. Почти сразу же бен Ладен переносит образ врага на Америку. Отныне террористам «Аль-Каиды» разрешалось атаковать американских военных. Жертвы среди мирного населения также оправдывались. В 1993 г. аз-Завахири впервые ввел в действие смертников. Это стало характерным почерком организации. Такие действия получили название «операций с участием мучеников». Тем самым бен Ладен и аз-Завахири пытались обойти строжайший религиозный запрет на самоубийство (с. 189). Разногласия среди лидеров возникли по поводу использования оружия массового уничтожения. Аз-Завахири настаивал на применении химического и бактериологического оружия, в то время как бен Ладен не соглашался сделать это первым (с. 195).

В 1994 г. под давлением Египта, Алжира, Йемена саудовский король Фадх лишил бен Ладена подданства. Родственники также отвернулись от него. Тем самым бен Ладен утратил доступ к семейным капиталам.

Л.Райт считает, что «общественная известность стала для Усамы новой валютой, с лихвой покрывшей его прежнее богатство». В интервью «Эй-Би-Си» бен Ладен заявил: «Я предвижу черные дни для США. Думаю, что они даже не останутся Соединенными Штатами, а развалятся на отдельные государства, как бывший Советский Союз».

Вскоре бен Ладен и его боевики установили тесную связь с лидерами радикального движения «Талибан» в Афганистане. Однако в целом вплоть до конца 90-х гг. «Аль-Каида», как пишет Л.Райт, оставалась все еще «малозначимой организацией» и во многом существовала благодаря пакистанскому спонсированию лагерей для подготовки боевиков.

В 1998 г. «Аль-Каида» вступила в новую коалицию «Международный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев». Этот акт отвечал стремлению бен Ладена позиционировать свою организацию как международную исламистскую структуру. Но для самоутверждения «Аль-Каиде» был необ-

ходим боевой дебют. Таким дебютом стали взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании в августе 1998 г., в результате которых погибло множество мирных граждан.

Стратегическая задача бен Ладена заключалась во втягивании США в войну в Афганистане. Действительно, после взрывов в Танзании и Кении американская военная авиация нанесла удары по боевикам в Хосте. По агентурным сведениям ЦРУ, в Хосте должен был находиться бен Ладен. Но его там не оказалось, а операция стоила три четверти млрд. долларов, что эквивалентно национальному богатству двух наименее богатых стран мира. В итоге, по словам Л.Райта, бен Ладен превратился в символическую фигуру сопротивления не только в мусульманском мире, но и в Америке.

Сами бен Ладен и аз-Завахири сочли для себя главным устройством крупных терактов непосредственно на территории США. Они тщательно готовились к операции, и попутно нанесли еще один чувствительный удар по престижу Америки, осуществив 12 октября 2000 г. взрыв на американском ракетном эсминце «Коул», направлявшемся в доке Адена.

К концу 1999 г. в «Аль-Каиде» были сформированы две независимые, взаимозаменяемые команды боевиков-смертников для нанесения мощного авиационного удара по США. Начиная с апреля 2001 г., Вашингтон получал многочисленные предупреждения о готовящейся грандиозной диверсии. Иорданская разведка установила даже кодовое название операции «Большая свадьба». Но американские спецслужбы тем не менее не смогли предотвратить трагические события – разрушение Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, удар по зданию военного ведомства в Пентагоне.

Трагедия 11 сентября 2001 г. потрясла весь мир: только в Нью-Йорке погибло около 3 тысяч человек. Бен Ладен и аз-Завахири, находившиеся в Афганистане, торжествовали. Когда в октябре 2001 г. американские и британские бомбы начали рваться на позициях Талибана, бен Ладен заявил в очередном видеообращении: «Хотя это и Америка, но Бог бросил на нее тень позора. Хотя это и Америка, но она полна страха, от севера до юга, от востока до запада». Вместе с тем важно отметить, что ощутимые потери понес и лагерь бен Ладена. Главной из них явилась не гибель 18 старших командиров «Аль-Каиды», а отказ значительной части боевиков присоединиться к новому джихаду. Бен Ладен и оставшиеся боевики скрылись в Пакистане, спасая свою жизнь, но потеряв Афганистан.

Изучая деятельность «Аль-Каиды», Л.Райт закономерно обратил внимание и на работу антитеррористических правительственных учреждений, прежде всего ЦРУ и ФБР. Он с сожалением обнаружил, что, по крайней мере, на начало третьего тысячелетия между ними происходила ревностная конкуренция. Сотрудники обоих ведомств скрывали друг от друга важные документы и другие сведения, что ослабляло борьбу с терроризмом. Что касается конкретно арабского терроризма, то, как пишет Л.Райт, ФБР хорошо разбиралось в традиционных врагах Америки (например, в мафии), но было поразительно несведущим во всем, что касалось угрозы со стороны радикальных исламистов. В ФБР было не более полдюжины арабговорящих агентов. До середины 1999 г. бен Ладен даже не был включен в список самых разыскиваемых лиц, а администрация

Клинтона считала бен Ладена не более чем «состоятельным занудой». Пришедшее к власти республиканская администрация Дж.Буша-младшего в начале своей деятельности полагала, что борьба с терроризмом не является приоритетной областью. После беседы с помощником президента по вопросам национальной безопасности Кондолизой Райс в январе 2001 г. национальный координатор Белого Дома по борьбе с терроризмом Ричард Кларк понял, что К.Райс вообще ничего не слышала об «Аль-Каиде». Автор книги называет все это «ненормальными тенденциями в правительстве США» (с. 329).

В то же время Лоуренс Райт знакомит читателя с Джоном О'Нейлом – многолетним сотрудником ФБР, занявшим в 1995 г. пост шефа антитеррористического отдела. Он оказался прав в своих предположениях касательно особой опасности «Аль-Каиды». Беда в том, что во всем ФБР не нашлось сотрудника, способного совместно с ЦРУ создать общенациональную сеть сыска, которая позволила бы остановить события 11 сентября. Между тем в середине 2001 г. О'Нейлу пришлось уйти в отставку с государственной службы. По трагическому совпадению О'Нейл после отставки получил должность начальника службы безопасности ВТЦ и приступил к работе 23 августа 2001 г. 11 сентября он оказался среди тысяч погибших после авиационного тарана боевиков «Аль-Каиды» башен-близнецов.

Л.Райт считает, что существует два метода повествования – горизонтальное и вертикальное. В первом случае – это привлечение сотен источников и их постоянная проверка для получения заслуживающей доверия информации. Во втором – более углубленный анализ произошедших событий. Создается впечатление, что в книге превалирует именно горизонтальное повествование. Это не снижает ценности работы; она без сомнений явится полезным дополнением к существующей литературе по тематике терроризма.

ДИЛЕММЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Граждане и политические практики в современной России:
воспроизводство и трансформация институционального порядка/
Ред.кол.: С.В.Патрушев (отв.ред), С.Г.Айвазова, П.В.Панов.
– М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН);
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
2011. 318 с. (Библиотека РАПН)

В течение трех лет коллектив политологов и политических социологов Российской ассоциации политической науки осуществлял при финансовой поддержке Фонда Макартуров специальный проект по исследованию институциональной среды и ее трансформации в современной России. Опубликованная работа, с одной стороны, содержит основные результаты и выводы осуществленных исследований, а с другой, дает развернутый аналитический обзор всего комплекса направлений еще предстоящей деятельности, что и облегчает приобщение к ней более широких сектор экспертного сообщества и академических коллективов. Сформированный под эгидой структур РАПН Исследовательский комитет по институциональным исследованиям (ИНИИ), в частности, объединяет и координирует деятельность специалистов разных направлений и поколений из Екатеринбурга, Москвы, Перми, Санкт-Петербурга, Томска, Тюмени в сфере применения современной институциональной методологии в России и за рубежом.

Многие сконцентрированные в данной работе выводы ученых, их наблюдения и констатации имеют если не прямое, то косвенное отношение к проблеме обеспечения социальной и политической безопасности в стране, а, следовательно, и к предупреждению конфликтности, обеспечению мирной обстановки, начиная от микросред до общесоциальных устройств, выводящих в том числе на ответственные международные уровни.

Авторы не отрицают наличия позитивных сдвигов в гражданских политических практиках, но они не считают их в большинстве случаев достаточными для обеспечения эффективного порядка, гармонизации происходящих социальных и политических процессов, тем более, что ряд из них в ходе «перестроек» и трансформаций приобрели трудно регулируемый динамизм. Как, в частности, утверждает – и с достаточным основанием – С.В.Патрушев, «в России еще не конституировалось гражданское общество» (с.15). Его незрелость, незавершенность в сложившихся условиях сами по себе вызывают некомпетентность институтов, либо во всяком случае, способствуют обострению внутренних противоречий в них, а, следовательно, их широко отмечаемую недостаточную неэффективность.

Характерны все еще преобладающие явления пассивности и разнбоев в базовых слоях (исследования, в частности, К.Клеман, О.Мирясовой, А.Демидова и др.), сохраняющиеся гендерные асимметрии (убедительный материал С.Г.Айвазовой, с. 55-61; 13-141 и Т.Б.Рябовой, с. 139-154), неуважение к

закону и прямое поощрение судебной коррупции (весьма содержательный раздел В.Л.Римского, с. 114-115); издержки разного рода «ручных управлений» и иных подобных импровизаций власти.

Ключевое значение для характеристики сложившегося в России институционального режима авторы придают формулируемому ими положению о «кликратии». Это понятие, введенное А.Д.Хлопиным и С.В.Патрушевым, предполагает, в отличие, например, от «родственных» ему «правления элит», «засилия» групп, кланов, и т.п., наличие даже прямого выхода за пределы правового и нравственного полей. Распространение и утверждение в качестве преобладающих кликратических методологий способствовали, полагает ученый, тому, что «в массовом сознании сложился сугубо негативный образ существующих партий» (с. 314). В итоге произошла «деволюция» партийной системы, которая подверглась внутренней деградации, как и вся структура связанных с ней институтов, начиная с парламента и выборных процедур. При дальнейшем неблагоприятном развитии участники проекта не исключают, что «поиск наиболее эффективных способов влияния на власть будет смещаться... к политическим действиям (политическим инициативам, движением), к различным формам непосредственной коммуникации с властью и даже к методам прямого действия для осуществления прав и свобод гражданина» (с. 316).

Ясно, что в случае таких «непосредственных коммуникаций» -- и тем более «методов прямого действия», дело вполне может дойти не только до «бархатных» противостояний, но и до силовых разборок. Последних, конечно, необходимо избежать. Можно надеяться, что выработка соответствующей методологии составит одну из следующих задач в целом успешно развертываемого проекта.

Л.Г.Истягин

К МИССИИ ВСЕМИРНОГО МЕДИАТОРА

Повестка для нового Президентства /
под ред. М.Липман.

– М.: Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН),
2012. 63 с.

Московский центр Карнеги специальным выпуском своего органа журнала «Pro et Contra» отметил начало третьего президентства Владимира Путина. В связи с этим он подверг анализу возможные перспективы российские политики, в том числе и в сфере обеспечения безопасности. Авторы издания, как это принято Фондом, несут личную ответственность за высказываемые мнения и формулируемые рекомендации. Но в целом в данном случае, как и вообще для экспертов Фонда характерна ориентация на традиционную для публикаций Карнеги линию последовательной защиты международного мира и противодействия применению силы в международных отношениях.

В этом контексте вполне показательна концепция статьи о внешней политике Российской Федерации директора Московского Центра известного политолога и аналитика-международника **Дмитрия Тренина**. Автор высоко оценивает, при всех конкретных оговорках и уточняющих оценках, такое последовательно успешно обеспечиваемое Москвой качество политики, как невовлеченность современной России, за редкими исключениями, в международные конфликты. Данное обстоятельство, по мнению эксперта, делает для России возможным и целесообразным выход на особого рода глобальное амплуа, а именно – на роль «всемирного медиатора, своего рода мирового судьи» (с. 17).

Другие исследователи, выступившие в сборнике, предложили, в частности, произвести ряд изменений и модификаций, способные в принципе облегчить выход страны на означенные позиции, закрепление на них к общей выгоде для всего планетарного мира. Так, экономист **С.Алексашенко** (с. 33-39) считает приоритетно важным в этом плане повысить эффективность народного хозяйства, открыв прежде всего дорогу технологическим новациям (с.38), а также снизить налоговую нагрузку на экспортируемую - и в последнее время дешевающую нефть – (с. 37). Политолог **Н.Петров** считает назревшей задачу «оптимизации» политической системы, посредством ее « комплексного реформирования», которое, обеспечив эффективное функционирование государства, в то же время «гарантировало бы его от авторитарного перерождения» (с. 26-27). В связи с этим экспертом рекомендовано «исключить ползучую унитаризацию» с учетом полезного опыта земства конца XIX в. (там же).

Показательно, что некоторые идеи материала Н.Петрова получили созвучие в статье о реформировании армии видных специалистов в данной области **А.Арбатова** и **В.Дворкина** (с. 41-52). Авторы настаивают, к примеру, на максимальной открытости (доселе засекречиваемых) статей военных бюджетов, программ в области вооружения и обороны, на расширении участия в обсуждении соответствующих проблем представителей общественности, на установлении и поддержании на должном уровне парламентского контроля, как и экспертиз научных организаций (с. 46-48).

Одним из важнейших условий упрочения общей функции России является, ее лидерство на пространстве СНГ. В этой области, по оценке **А.Рябова**, за последние годы произошли существенные позитивные перемены. Кризисные осложнения в мировой экономике, по его суждению, наряду с минусами дали и некоторые плюсы. В частности, они «вдохнули новое дыхание» в интеграционные тенденции в постсоветской зоне, при всей остроте имеющих тут противоречивых и субъективных моментов. К издержкам линии Кремля автор относит, однако, неумение российских властей опереться на «низы», «массы» в новых государствах, замыкание их на «верхушечные договоренности», с находящимися у власти кланами и группами, которые зачастую, в отличие от основных слоев населения, отличаются неустойчивостью в своих интеграционных и блоковых ориентациях, в том числе и по частно-корыстным мотивам (с. 19, 21-22).

Составным и по-прежнему изобилующим обострениями компонентом проблематики постсоветского пространства остается для России кавказский регион. По заключению автора соответствующего раздела востоковеда **А.Малашенко**, напряженность здесь сохранится, а, может, даже и усилится в

близком будущем, особенно, в связи с намечающимися попытками возбудить на смену притушенному «чеченскому» так называемый «черкесский вопрос», а, главное, в большой мере под влиянием «соседних мусульманских стран, в связи с приходом к власти в ряде мест лиц и групп, ориентирующихся на радикальное применение исламских норм и принципов» (с. 57-58). В этой ситуации эксперт рекомендует избегать прямых силовых решений, проявляя «известную терпимость» в обращении с представителями «любых исламских направлений», делая главный упор на «внутриисламский диалог» и попутно используя «механизмы по снятию межэтнической и социальной напряженности» (с. 56-57). Успех в такой стратегии, конечно, не гарантирован, но он все же, считает эксперт, вполне достижим, ибо в принципе не только население, но и «кавказские элиты» считают свои республики частью России и «решительно отклоняют рецептуру сепаратизма» (там же).

В целом работа производит впечатление оптимизма с точки зрения перспектив выхода России на обозначенную ключевую роль в глобальном мировом творческом процессе.

Л.Г.Тулупова

ВЕЛИКАЯ ПОСТСОВЕТСКАЯ МИГРАЦИЯ

Танги А., де. Великая миграция: Россия и россияне
после падения железного занавеса /
Пер. с фр. М.Майзульса, И.Мироненко-Маренковой
– М.: РОССПЭН, 2012. 279 с.

Эпоха глобализации породила, наряду с прочим, очередной взлет мировых миграционных процессов. Но она же акцентировала и возросшую диалектическую противоречивость их воздействия на всю совокупность международных отношений. С одной стороны, увеличилась инициативная роль миграции – без нее и именно без ее последовательного наращивания - были бы неразрешимы многие, экономико-социальные проблемы самых различных, в том числе и высоко развитых стран современности, особенно с учетом тяжелейших последствий нынешнего планетарного финансового кризиса. С другой стороны, миграция, как это собственно было в истории и раньше, сопровождается резкими конфликтными трениями и осложнениями, многие из которых в комплексе создают угрозу силовых столкновений и даже войн, в наше время преимущественно особенно кровопролитных, гражданских. Обеспечение некоего приемлемого баланса между этими двумя аспектами процесса составляет одну из основных, если вообще не главную, задачу современной «большой» политики.

Французская исследовательница Анн де Танти предприняла попытку рассмотреть эту проблему на одном из наиболее, по ее мнению, показательных примеров – постсоветской России. С распадом Советского Союза открылись многие шлюзы для перемещения людей за пределы ставшего с 1989 г. «бывшим» железного занавеса и в его еще каких-то пределах сохранившихся рам-

ках – в зоне так называемого «ближнего зарубежья». Россия сразу оказалась под волнами разнородных миграций – движений на отход и выезд из страны и перемещений внутри СНГ – в основном из отделившихся республик с теми или иными статусными интенциями – на временное или постоянное жительство, на трудовые занятия, на периодические посещения с ограниченным по времени пребывания проживаниями.

Автор считает, что с первой категорией миграций, дававших на своих стартовых стадиях значительные осложнения, в том числе даже во взаимоотношениях России с внешним миром (вплоть до принятия кое-где болезненно воспринятых Москвой специфических законодательных актов) к настоящему моменту складывается в целом благоприятная для местной и общей мировой политической обстановки ситуация. Показательным он считает положение российско-язычной диаспоры в Израиле. При вполне интенсивной и успешной интегрированности в израильское общество, евреи (и члены семей) – выходцы из России образовали сплоченное общество с последовательным сохранением верности русскому языку и в целом русской культуре (с. 186-187). В последние годы русскоязычное население Израиля (до 15% его общей численности) активно умножает и качественно совершенствует контакты со страной своего «исхода», а внутри Израиля серьезно влияет на политический курс, в том числе в вопросах мирного процесса (с. 187-189).

До известной степени сходное положение констатируется исследовательницей применительно к русско-немецким переселенцам в Германию. Их общее число также весьма значительно (с 1988 по 2003 г. в Германию переехало на постоянное жительство 2.1 млн. немцев России, в России, по данным переписи 2002 г., осталось 597 тыс.); к тому же этой группе оказались близки переехавшие из России в Германию на специальных условиях евреи – около 170 тыс. чел. Ввиду трудностей активного освоения немецкого языка большинство «новых» немцев, как и евреев, до сих пор предпочитают изъясняться в своих общинах на русском языке, что породило за эти годы целую особую и довольно устойчивую среду культуры, поддерживаемую «разнообразной и динамичной русской прессой, созданной русскоговорящими (с. 228). По политическому влиянию немецкие «русские», конечно, уступает таковым израильским. Но само присутствие их проблем в дипломатическом дискурсе Москвы с Берлином способствовало существенному улучшению климата отношений Германии с Россией в «путинскую эру», что имело своей положительный резонанс в общеевропейском масштабе; автор, в частности, жалеет, что Франция отстает тут от Германии (упрек едва ли справедливый: обстоятельства для обеих стран различны), и ожидает от французских властей более действенных мер по привлечению эмигрантов из России (с. 293-337). Сходные тенденции намечаются и в Северной Америке. Выходцы из России здесь в последнее время тоже «ощущают свое культурное превосходство над жителями принявшей страны» (с. 287) Они, также все более склонны «сохранять свою идентичность» и на этой основе расширять каналы взаимодействия со своей бывшей родиной (с. 277). Не придавая этому обстоятельству чрезмерного значения, эксперт склонен ожидать от него позитивных импульсов для начала хотя бы в сферах зна-

ний и культуры. Потенциал для этого есть: русскоязычная диаспора входит в четверку наиболее образованных американских общин (там же).

Сложнее и труднее для России ее новая роль страны, принимающей мигрантов, каковой она стала в основном после распада Союза. Здесь пока масса нерешенных проблем, причем не только для стабильности и управляемости самой России, но и для безопасности связанных с ее экономикой и социальными процессами обширных регионов. По данным (едва ли полным и точным), которыми оперирует автор, в стране ежегодно пребывает со статусом разной степени «легальности» от 10 до 15 млн. чел. Сколь-либо четкой политики по отношению к «гастарбайтерам» не наблюдается. Автор в целом позитивно относится к направлению действий российской Федеральной миграционной службы, но отмечает, что у ведомства «часто катастрофически не хватает денег» (с. 408). Система государственной поддержки соответствующих субъектов сплошь и рядом недостаточно эффективна, либо вообще отсутствует. Между определенными группами населения и приезжими (особенно предполагаемыми «лицами кавказской национальности») нередки трения, а то и силовые разборки. При этом некоторые властные структуры, как отмечает с очень большим минусом автор, сами подыгрывают крайним националистам и их лозунгам типа («Россия для русских»), что ведет за собой столкновения, в том числе и этноконфессионального профиля (с. 449-451).

В таких условиях автор настоятельно рекомендует для России максимально повысить роль различных общественных и неправительственных организаций, в том числе зарубежных, в установлении и развитии контактов с иммиграционными организациями, диаспорами и группами (с. 410). Другое его пожелание – использование украинского опыта общения на базовом, «низовом» уровне с использованием микрогрупп российских друзей, близких, знакомых (с. 400). Разумеется, такого рода специфические, благоприятные предпосылки могут найтись не в любом случае. Но во всякой обстановке полезен и возможен диалог, позволяющий выяснить действительные интересы и намерения иммиграционной стороны, что и позволяет в большинстве случаев уйти от силовой конфликтности. Авторский пример – так называемая китайская экспансия на Дальнем Востоке. Националисты умело запугивают ею общественность. Между тем компетентные российские специалисты (автор цитирует известного китайоведа В.Гельбрасса на с. 451) уверяют, что никакой «китайской демографической экспансии» не существует ни теперь, ни в потенциале; речь должна идти только о так называемой «маятниковой миграции», не грозящей никакими «захватами» и «освоениями». В действительности, полагает французский ученый, китайская рабочая сила была бы крайне полезна для России на Дальнем Востоке, причем во взаимных интересах обеих стран. Вопрос, по ее мнению, следует ставить в плоскость формулы «соседской солидарности», способной приносить общую пользу (с. 465).

В целом же автор полагает, что и иммиграционные трудности России, ныне принявшие кое-где довольно серьезный характер, в принципе разрешимы, особенно при подключении мощнейших рычагов культуры, которые российские общественность и государственные органы к тому же вполне могут нарастить и приумножить.

С ПОЗИЦИЙ СОЗИДАТЕЛЬНОГО АЛЬТРУИЗМА

Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии / Сб. науч. тр.; отв. ред. Ефременко Д.В., Кротов П.П. – М.: ИНИОН РАН, 2012. 232 с.

Труды одного из зачинателей мировой социологии Питирима Сорокина, длительное время подвергавшиеся идеологическому ostracismу в Советском Союзе, постепенно становятся достоянием российской интеллектуальной публики. Выпущенное ИНИОН издание помогает закрыть некоторые из зиявших и наиболее одиозных брешей как в русско-язычных текстах П.А.Сорокина, так и в его биографии ученого и общественного деятеля. В работу, в частности, вошли главы из до сих пор не переведившегося на русский язык исследования: «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (с. 12-81), переписка с Р.К.Мертоном, а также уникальные документы – резюме его допроса в мае 1954 г. в «комиссии по антиамериканской деятельности» в ФБР г.Бостона (с. 136-154); материалы (в форме реферата Ю.В.Дойкова) контактов П.А.Сорокина с резидентом КГБ в Вашингтоне А.С.Фоминым в 1960-1964 гг. (с. 155-156).

В ряду тем творчества П.А.Сорокина, получивших дополнительное освещение в опубликованном сборнике, существенное место занимает проблематика войны и кризисов. Ей, в частности, целиком посвящен основательный обзорный материал, совместно составленный представителем русско-язычного портала Фонда Питирима Сорокина А.Ю.Долговым и исполнительным директором Фонда Питирима Сорокина (г. Винчестер, США) профессором университета Мэдисона-Висконсина (США), П.П.Кротовым (с. 193-225). Подвергнув изучению в течение многих лет, главным образом в эмиграционный период своей жизни огромный по объему массив статистических данных – было обследовано 967 войн и 1629 внутренних силовых конфликтов-«смут», -- Сорокин пришел к выводу, что общей причиной войн являются не отдельные факторы, как это чаще всего до сих пор считалось учеными разных школ и направлений, а общая совокупность обстоятельств, сопровождающих смены социокультурных ценностей. Отсюда вытекало, что и реальный шанс преодоления войны следует искать в общей сфере ценностей культуры. Соответственно Сорокин довольно скептически отнесся к возможностям как международных организаций, типа Лиги, так и общественных, пацифистских движений, предотвратить Вторую мировую войну.

Он четко отклонял рецептуру сохранения мира посредством «национализации военного производства», т. е. практически государственного стимулирования «гонки вооружений», справедливо полагая, что такой курс «приведет не к устранению войны или уменьшению ее вероятности, а к развитию особо мощного производства вооружений правительствами всех стран» (с. 206).

Примечательно, что П.Сорокин в предвоенный период критически относился к популярному в пацифистском общественном мнении того (как и нынешнего) времени лозунгу прекращения (ограничения) международной торговли оружием, полагая, что такой курс «подтолкнет сильные страны к еще большей агрессивности, а страны с неразвитой промышленностью превратит в добычу сильных стран» (с. 206). В наши дни это положение никак не менее актуально: в большом ряде случаев введение «блокад» на экспорт оружия приводит к дисбалансу сил и к общему обострению конфликтных ситуаций вместо их смягчения, что наглядно демонстрируется, например, развитием последних событий в регионах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока.

По-своему логично «социолог номер один» перемещал задачу устранения войны и водворения прочного мира в плоскость обеспечения «альтруистской трансформации» всех общественных отношений, одним словом, преобразования последних на началах готовности бескорыстного служения другим людям, государствам и обществам, в том числе жертвуя в определенной мере собственными интересами. Вполне сознавая трудную практическую исполняемость такого принципа, великий мыслитель в качестве первого шага в этом направлении предлагал свою концепцию конвергенции социальных систем. На этапе, когда еще шла холодная война (П.А.Сорокин умер в 1968 г.) он настойчиво рекомендовал, в том числе и в обращениях к правительственным верхам, осуществить активное сближение Америки и России на основе «политики мирного сосуществования» (с. 155). Сегодня обстановка радикально изменилась, но, пожалуй, в новых условиях многие идеи П.А.Сорокина не только не потеряли своего значения, но в целом приобрели дополнительную актуальность. Было бы совсем не лишним, если бы коллективы «сорокиноведов», российских и зарубежных, сочли полезным уделить больше внимания этим сюжетам в своих новых трудах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВ ЮРИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, секретарь Российской комиссии содействия конверсии, член-корреспондент Международной Академии информатизации

ВЛАДИМИРОВ ВАДИМ ИСААКОВИЧ, старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, группа по нетрадиционным угрозам безопасности

ГИГОЛАЕВ GERMAN ЕФИМОВИЧ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник ГНИУ «Совет по изучению производительных сил» Минэкономразвития и РАН

ИСТЯГИН ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН, член Академии политической науки

КАЗЕННОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ, кандидат экономических наук, руководитель группы геополитики Отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН

КУМАЧЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ, старший научный сотрудник Отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН

ЛАНДАБАСО-АНГУЛО Андрей Индалефьевич, кандидат политических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова

МИНАСЯН Сергей, политолог, заместитель директора Института Кавказа (Ереван)

ПРОХОРЕНКО ИРИНА ЛЬВОВНА, ведущий научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

СОЛОВЬЕВА РЕГИНА ГРИГОРЬЕВНА, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела международных политических отношений ИМЭМО РАН

СТЕПАНОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА, доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов и ведущий научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

ТУЛУПОВА ЛЮДМИЛА ИГНАТЬЕВНА, младший научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

ФРОЛОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

ЦЕЛИЦКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, научный сотрудник Отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН

CONTENTS

From the editors.....	5
-----------------------	---

ARTICLES

Crises and conflicts

Stepanova, Ekaterina. The armed conflict in Syria and Russia's policy.....	7
Vladimirov, Vadim. On topical approaches to strategic security on the post-Soviet space.....	26
Minasyan, Sergei. Conceptual aspects of conventional deterrence (the case of the Karabakh problem).....	46
Prokhorenko, Irina. The Basque conflict: the end to violence?	60
Landabaso Angulo, Andrei. The Basque phenomenon.....	73

Arms control and disarmament

Tselitsky, Sergei. The Albion's nuclear restructuring.....	83
Kazyonov, Sergei and Kumachyov, Vladimir. The common sense rationales.....	97

OPINIONS AND COMMENTS

Frolov, Alexandr. How to limit military exports?	108
Andreyev, Yuri. New conversion: demand of the moment?.....	112
Andreyev, Yuri. The Kiev angle.... ..	116

CONFERENCES

Andreyev, Yuri. The Balkan cross-roads.....	118
Frolov, Alexandr. The Pacific theater of international security.....	120

BOOK REVIEWS

Stepanova, Ekaterina. The alien wars of the passing age.....	126
Istyagin, Leonid. Central Asia under threat.....	130
Gigolayev, German. Doomed to confrontation?.....	132
Solovyova, Regina. Terrorism as usual.....	136
Istyagin, Leonid. Dilemmas of public activity and institutional tensions.....	140
Istyagin, Leonid. Towards the global mediating mission.....	141
Tulupova, Ludmila. The great post-Soviet migration.....	143
Istyagin, Leonid. Constructive altruism.....	146
About the contributors.....	148